

СИНДИ ПОН

ЖЕЛАНИЕ

Джейсон Чжоу выживает в разделенном обществе, где элита деньгами продлевает себе жизнь. Богачи носят особые костюмы, что защищают их от загрязнения и вирусов, заполняющих город, не страдая от болезней и ранних смертей. Разозленный ситуацией в городе, все еще горюющий из-за потери матери, умершей из-за этого, Чжоу настроен решительно и хочет все изменить любой ценой. С помощью друзей Чжоу внедряется в общество богатых, надеясь уничтожить международную корпорацию изнутри. Корпорация не только производит особые костюмы для богатых, но может и усиливать загрязнения, чтобы не падали их продажи. Но чем глубже Чжоу погружается в новый мир богатства, тем сложнее ему следовать плану. Он невольно влюбляется в Дайю, дочь президента корпорации. Сможет ли Чжоу спасти город, не раскрыв себя и не уничтожив собственное сердце?

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОХИЩЕНИЕ

Я следил краем глаза за двумя ю-девушками, толпа суежилась вокруг меня. Одиннадцать часов вечера в ароматном июле, и ночной рынок Шилинь был полон мэй-торговцев, пытающихся охладиться. Магазины тянулись по обе стороны узкой улицы, музыка гремела на мандаринском китайском, тайваньском или английском. Дорога была перекрыта, торговцы с телегами продавали лапшу и устричные омлеты, холодные соки и коктейли. Другие разложили товары на земле, на покрывалах, но там были безделушки и дешевые игрушки.

Я опустился ниже за пластиковым столом, выгоревшие черные сапоги лежали на стуле внизу. Я ощущал дым сигарет, застоявшийся запах пива и пота. Я ритмично крутил между пальцев свой нож-бабочку, наслаждаясь тем, как лезвие и рукоять щелкают в моей руке.

Мужчины с опаской поглядывали на меня, касались мест, где они прятали оружие. Девушки сбивались в группы, проходя мимо, болтая. Одна мэй-девушка, не старше пятнадцати, оторвала взгляд густо подведенных глаз от горки чуа бинь, смазанной красными бобами, и улыбнулась мне, голубые пряди почти касались ресниц. Многие подростки этой ночью были без масок, хотели веселиться и притворяться, что они живут в другой эре, когда ходить с открытым лицом было нормально. Притворялись, что они дышали хорошим воздухом.

Подруга мэй-девушки ткнула ее локтем и что-то громко произнесла про мэй-преступников, прячущих лица за масками. Она посмотрела в мою сторону. Они прошли мимо, ноги были обнаженными под короткими пышными юбками, подруга высоко задрала нос. Губы улыбавшейся девушки теперь были поджаты.

— Эй, — крикнул я.

Она оглянулась, стараясь не рассыпать свой ледяной десерт. Ее черные брови поднялись, расширив ее глаза. Я подмигнул ей, раскрутил нож и подбросил в воздух, а потом ловким движением поймал. Она покраснела, до меня донесся ее смех, хоть подруга и уводила ее. Они пропали в толпе.

Но я не переставал следить за двумя ю-девушками, склонившихся над кадкой и

пытающихся бросить пластиковые мячики в плавающие тарелки. Наградой был карп кои — выведенный вид, не растущий больше двух дюймов, — ярких оранжевых, красных и зеленых цветов. Ох, они, наверное, светились в темноте. Девушек окружали три телохранителя, крупных мэй-парней с мускулистыми руками, скрещенными на широкой груди.

Я вызвался для этого, потому что, если меня поймают, то только меня одного и накажут. Только я тогда погибну. Друзья будут в безопасности. У них были семьи, те, кто их любил. Я был один, и я был готов отдать жизнь ради их защиты.

Ю-парень прошел к девушкам, его лицо скрывал стеклянный шлем с такого расстояния. Мы звали их, высмеивая, мискоголовыми, их шлемы напоминали миски для рыб. Его гладкий костюм был черным. Дракон цвета индиго, выдыхающий оранжевый огонь, был вышит на длинном рукаве. Костюм обеспечивал ему лучший доступный кислород, регулировал температуру и поддерживал постоянно его связь с ю-коммуникацией. Девушка повыше в бело-серебряном костюме проигнорировала его, она хотела выиграть кои, но ее хрупкая подруга кивнула телохранителям, и ю-парня пропустили к ним.

Я тихо фыркнул.

Они общались, наверное, получали информацию из ю-кома, оценивали вес, рост и генетический макияж, пока знакомились. Это значило быть «ю», иметь. Быть генетически созданным идеальным человеком еще до рождения, с вакцинами, усиленным, улучшенным. Иметь бесконечную базу данных с информацией, получаемой за секунду силой мысли, показываемой на шлеме. Иметь лучший воздух, еду и воду, жить дольше всех, пока мир гнил вокруг них.

А я, как и другие 95 процентов мэй в этой стране, был без этого. Мы хотели и оставались с этими желаниями. Повезет, если я доживу до сорока. И я был уже на половине пути к этому.

Ю-парень покрутил что-то на воротнике и снял шлем, отдал его одному из телохранителей с отточенным спокойствием. Он долго кашлял в рукав, пытаясь привыкнуть к грязи, которой мы дышали каждый день. Мятежник из него был не ахти. Без шлема я смог рассмотреть его. Его светлые волосы были длиной до подбородка, с красными прядями, черты были азиатскими. На вид ему было семнадцать.

Он вытащил сигарету из кармана рукава и зажег ее, глубоко вдохнул, склонил голову, чтобы выпустить дым. Он склонился к хрупкой девушке, заигрывая. Я смотрел, как высокая девушка взглянула на него и отвернулась к кадке. У нее были широкие плечи, но она была худой, ее костюм был украшен неоновыми розовыми линиями, из камней была вышита «Hello Kitty» над ее сердцем. Камни точно были драгоценными. То, как напряглись ее плечи, сказало мне, что вмешательство ю-парня ей не нравилось.

Я изучал костюмы для своего задания. Виктор собрал всю доступную информацию.

— Шлемы, похожие на квадратные, не подходят, — сказал он, показывая мне картинки на экране. — Эта модель устарела два года назад. Дополнения в виде камней — признак реальности. Только лучшее для костюмов Цзинь. Чем больше сверкает костюм, тем богаче ю.

Хотя лиловый костюм низкой девушки привлекал больше внимания, на груди высоко были пришиты бриллианты, которые могли стоить сто тысяч долларов.

Я убрал нож и вытащил два маленьких предмета из кармашка на боку. Я был в черной безрукавке и черных джинсах. Я не только так смешивался с толпой, но и двигался легко. Я встал и потянул руки над головой, разминая плечи.

Сейчас или никогда.

Я быстро пошел через толпу, двигаясь по диагонали, врезаясь в тех, кто спешил и пересекал мне путь. Пар поднимался от котелка с тухлым тофу, торговка помешивала пряный бульон, мои глаза слезились от запаха. Я оказался за телохранителями через минуту. Их огромные спины скрывали меня от мишени. Я постучал среднему по плечу. Он развернулся, сжимая кулаки.

— Отойди, — сказала я.

— Что?

Я согнул руку и ударил его локтем в нос, ломая его. Боров взревел, закрывая лицо, лилась кровь. Я промчался мимо него, врезался в ю-парня, который стоял, раскрыв рот и глаза. Другие два телохранителя неуклюже пошли на меня. Я отскочил в сторону, но один из них успел схватиться за мою маску и стащил ее, она повисла на моей шее.

Не важно. Улыбаясь, я разбил флакон, который держал, о землю. Дым окружил нас. Телохранители и парень рухнули, как мешки с рисом, через пять секунд. Завтра утром ю-парень точно пожалеет, что снял шлем. Хрупкая девушка пронзительно завопила, прохожие рядом кричали, но всех задерживал дым.

Я бросился к высокой девушке, прижал ее к груди и вонзил шприц в ее ладонь, единственный открытый участок ее тела. Игла зашипела, впрыскивая сон-чары. Она обмякла, и я забросил ее на плечо и побежал в темный переулок за нами, позволив себе дышать, когда я оказался вдали от дыма. Девушка была не тяжелой, но с длинными ногами.

— Эй, ты! — крикнул мужчина, сзади эхом звучал топот.

Я выругался и завернул за угол темного переулка. Преследователь не отставал. Я выставил ногу, и он споткнулся и рухнул на неровный тротуар.

Я побежал без оглядки, держа девушку крепко за ноги, перед глазами стоял план улиц. Издалека доносился шум ночного рынка, визг сирен полиции, они двигались в толпе. Никто не преследовал. Я вырвался на главную улицу в дальнем конце рынка и махнул такси. Машина со скрежетом остановилась, выпуская едкие газы. Я натянул маску на лицо и открыл дверь.

— До конца автобусной линии, — сказал я.

Водитель кивнул, вскинул брови, когда я уложил заложницу на заднее сидение.

— Перепила, — пробормотал я. — Я ее предупреждал.

Он выбросил окурок в окно и присоединился к потоку машин.

— Эти ю-девчонки имеют все, но им все время хочется больше.

Я смотрел в открытое окно, водитель умело ехал по улицам, гудя на пешеходов и мопеды.

— Ты ее телохранитель? — спросил он, глядя на меня в зеркало заднего вида.

Я покачал головой.

— Ах, ее мальчик-игрушка, — улыбнулся он. — Что угодно, лишь бы платили, да?

Да. Мы с друзьями решили, что, чтобы получить информацию из корпорации Цзинь, лучше всего получить костюм, внедриться в ряды ю, став такими же, как они. Виктор был идеален для задания, его очарование и хороший вид позволили бы влиться. Но нам нужны были деньги. А кто лучше даст их нам, как не те, у кого есть несколько сотен лишних миллионов?

Неоновые вывески мелькали калейдоскопом цветов, окрашивая все вокруг в красный, синий, оранжевый и зеленый. Я придерживал ю-девушку за руку, чтобы она не упала, когда

водитель резко затормозил. Ее стеклянный шлем отражал свет вокруг нас, я не мог разглядеть ее лицо. Я сглотнул, вдруг испугавшись. Пути назад не было. Я отвернулся и ослабил хватку, когда понял, что сжимаю ее руку.

Она не реагировала, ее грудь едва поднималась с каждым вдохом. Она не проснется до завтрашнего утра.

Такси остановилось, и я обхватил девушку руками, чтобы она не упала на пол.

— Вот, конец линии, — сказал водитель.

Я вручил ему карточку, привязанную к фальшивой личности и банковскому счету, созданному Линь И.

— Спасибо, — сказал я. — Пять возьмите как чаевые.

Он улыбнулся, в уголках глаз появились морщины, и отсалютовал мне. Ему было не больше двадцати пяти.

Я выбрался и поднял девушку, закрыл дверь ногой. Водитель дважды прогудел и уехал. Была почти полночь, мне нужно было оказаться в Янминьшане как можно скорее. Конец автобусной линии был у горы. Я поднял девушку, чтобы ее голова легла на мое плечо, ее шлем был гладким и холодным у моей щеки, и отправился домой.

Полумесяц светил тускло, его закрывали облака и газы. Вокс на запястье слабо светил, но я без проблем шел по тропам, дважды останавливался, чтобы перевести дыхание. Каждый раз я опускал заложницу, ее голова ложилась мне на бедро, я не знал, как еще устроить ее. Она казалась нечеловеческой в этом стеклянном шлеме. Пришельцем. Неоновые розовые линии сияли в темноте, ее открытые нежные ладони висели по бокам.

Как мы могли уйти так далеко от того, что значило быть человеком? Я мог снять ее шлем, но это было бы жестоко. Я ухмыльнулся из-за иронии.

Я встал, забросил девушку на плечо. Она уже не казалась легкой, я словно тащил слона, и мои руки немели. Наконец, я заметил выступ острых камней, где нужно было повернуть. Тьма поглотила меня, я шел между густыми кустами и огромными деревьями. Три года назад оползни после страшного тайфуна дополнило сильное землетрясение, и снесло дома, дороги и чайные домики. Половина Янминьшаня сгорела. Выжившие сбежали, а из-за экономического кризиса и слухов, что гора проклята, никто не пытался здесь все отстроить.

Теперь место, что было красивым, было заброшенным, диким, и остались тут только мертвецы. И я. Если кто и жил в Янминьшане, я их не встречал.

Я считал шаги, ноги дрожали от усилий. Около четырехсотого шага я заметил первый фонарь, сияющий, как цветочный дух. Я установил их на последних пятидесяти шагах к дому. Каждый фонарь работал о солнца. Пот заливал глаза, но я был слишком близко, чтобы останавливаться. Тяжелая деревянная дверь лаборатории открылась по моему приказу, я прошел внутрь, уложил девушку на койку в маленьком кабинете, что служил мне спальней.

Я опустил на пол и обхватил руками колени, сидел так, переводя дыхание.

Оставив ее, я разделся и помылся в самодельном душе, желая, чтобы там была холодная вода, а не теплые брызги. Мышцы дрожали, пока я тер себя мылом, сох и одевал шорты. Входная дверь отзывалась на мой голос, но я не рисковал, нашел в зеленом столе ключ. Я запер нас, а потом повесил ключ на шнурок, а потом и себе на шею.

Я не посмотрел на ю-девушку еще раз, а рухнул на потрепанный диван в главной комнате и тут же провалился в утомленный сон.

...

Что-то заставило меня проснуться, и дело было не в свете дня. Мои глаза открылись, и я

увидел, что ю-девушка смотрит на меня, ее шлем был в дюйме от моего носа. Я впервые разглядел ее лицо. Над ней не сильно поработали, насколько я видел: у нее были миндалевидные глаза, скругленный нос и полные губы. Ее глаза были светло-карими, как разбавленный кофе с фальшивыми сливками, какой я покупал. На ее ладони остался синяк там, где я вонзил иглу. Она отпрянула, увидев, что я проснулся. Я посмотрел вниз, вспомнил про ключ и пожалел, что не оделся лучше прошлой ночью.

— Это была просто предосторожность, — сказал я, голос хрипел. Я кашлянул и сел. — Ты бы не смогла уйти, даже если бы вышла.

Она стояла надо мной, в свете дня казалась еще тоньше, сплошные длинные линии и острые углы.

— Черный ход заблокирован, — сказала она на идеальном мандаринском китайском.

Ее голос удивил меня. Густой, как черный шоколад, более женственный, чем она выглядела.

— Оползень, — сказал я.

Она кивнула и вытащила руку из-за спины, показывая тупые ножницы, что я хранил в столе.

— Я могла убить тебя во сне.

— Тебе пришлось бы постараться, — я встал, потянулся к чистой рубашке, висящей на спинке деревянного стула. Она была черной, как почти вся моя одежда.

— Эти ножницы из другого века, — я надел рубашку, потом синие джинсы и провел рукой по окрашенным в светлый волосам, ощутив вдруг самоуверенность. Я снял ночью маску, решив, что проснусь раньше девушки. Теперь это было бессмысленно, но видеть друг друга лицом к лицу было странно. Мы стали обществом, что редко показывало лица незнакомцам.

Что теперь?

Мы долго смотрели друг на друга. Если бы она была кошкой, ее хвост подрагивал бы.

— Сколько ты хочешь? — спросила она.

Я потянулся за ножницами, она отдала их без возражений, но сказала:

— Их остроты хватило бы, чтобы пронзить твое горло.

Я замер, удивленный ее смелостью. Может, если бы я не проснулся вовремя, я бы сейчас истекал кровью на диване. И игра была бы окончена.

— Ты голодна? — спросил я.

Она прищурилась и покачала головой.

— Ты точно хочешь пить. Сон-чары такое делают, — я прошел по комнате к кухне в углу и открыл холодильник, схватил бутылку вычурной ю-воды, очищенной и обогащенной боги знают чем. Одна такая бутылка стоила больше недельной зарплаты большинства мэй.

Она села на деревянный стул, покрутила бутылку в руке, изучая ее.

— Она не запачкана, — сказал я. — И крышка нетронута.

Она подняла голову.

— Как мне это пить?

Ах.

— А ты не снимала...

— Нет. Никогда в ненастроенном помещении.

— Здесь воздух не загрязнен, — соврал я.

— Я не могу никого вызвать через шлем.

— Конечно, — я знал, что она попытается позвать на помощь, как только придет в себя. — Я заглушил сигнал.

Она моргнула несколько раз, ноздри раздувались.

Я отвел взгляд, подавляя сочувствие.

Девушка потянулась к воротнику и сняла шлем. Он отцепился с тихим шипением. Ее хвостик высвободился, черный, неокрашенный. Запахло клубникой, и я растерянно отпрянул. Я ожидал, что ю-девушки без запаха или пахнут как больница, как образец, который долго держали в банке.

Не как свежая сладкая клубника.

Ее глаза слезились, она впервые в жизни вдохнула загрязненный воздух. Она согнулась и закашлялась. Я схватил ее бутылку и открыл крышку.

— Пей.

Она так и сделала, глотала воду, словно та могла спасти ей жизнь. Наконец, она вытерла рот платком, что был в ее рукаве, прижала его к глазам.

— Как вы дышите этим каждый день? — спросила она ослабевшим голосом.

— Потому мы и живем недолго, — ответил я.

Она уронила платок и посмотрела на меня покрасневшими глазами.

— Не смешно, — сказала она.

Я улыбнулся.

— Я этого и не добивался, — я сел на старый диван, чтобы между нами было расстояние. Она была красивой, я к такому не привык. Она была не как большинство ю-девушек, гонящихся за последними трендами красоты, внедряющих в тело модификации, меняющие им нос, губы, бедра, зад, зависело от тренда. Ю-парни улучшали себе мышцы и покупали точеную челюсть. Но мода менялась, и ю меняли себе внешность почти каждый месяц. Мэй не могли такого себе позволить, им оставалось наносить макияж, использовать татуировки, что держались долго, и красить волосы.

Молодежь Тайпея стала хамелеонами. Мы не могли изменить смог, что окутывал наш город, но могли управлять своей внешностью, и каждый облик был ярче и круче предыдущего.

Она допила воду и с опаской посмотрела на меня.

— Как тебя зовут?

— Серьезно? — рассмеялся я.

Она подняла плечи.

— Думаю, ты на год старше меня. Восемнадцать. Родился в год лошади, — она кивнула на темную одежду, висящую на некоторой мебели в комнате. — Я буду звать тебя Темным конем.

Я чуть не улыбнулся, но вместо этого вытащил свой нож-бабочку и начал кружить его между пальцами и в ладони. Это помогало мне думать. Она напряглась, впилась руками в ноги. Она боялась, что я использую свое преимущество. Нет, и мне пришлось побороть желание успокоить ее и объяснить.

— Зачем все это, Ро? — ее голос прервал мои мысли.

Зачем все это, Ромео?

Она не говорила так в романтическом смысле, она говорила о трагедии.

Я оглядел комнату ее глазами. Я жил в заброшенной лаборатории, что принадлежала университету Янминьшань, экспериментальный «дом» был на пополняемой энергии. Когда-

то люди думали, что планету можно сохранить такими способами. Можно, но мало людей это заботило. Богатые были слишком богатыми, бедные — слишком бедными, а средний класс, будем честными, был теми же бедняками, но с домами побольше, машинами получше. Теперь большая часть не доживала до сорока, и это заботило нас еще меньше.

В моем доме было только три комнаты: кабинет, ванная и эта главная комната, где была и маленькая кухня. Здесь был большой круглый обеденный стол с парой разных стульев, потрепанный желто-бирюзовый диван, которому было не меньше сорока лет, металлический стол и деревянный стул, на котором сидела она. Большие окна на южной стене выходили на густые заросли снаружи.

Я трижды подбросил нож, наслаждаясь щелканьем лезвия и рукоятей, а потом пожал плечами.

— Похищать в черном проще.

Плохая шутка. Ее глаза загорелись.

Я вскочил, схватил свой древний МакПлюс со стола и открыл его.

— Надевай шлем, — сказал я.

— Зачем?

— Ты звонишь своей семье.

Она послушалась, закрепила шлем, глубоко вдохнула, и ее грудь стала заметнее в ее костюме. Я притворился, что не увидел этого.

— У тебя одна минута, — я ввел нужные команды на ноутбуке и кивнул ей.

Мы ждали в напряженной тишине, но ответа не было.

— Отец не отвечает, — сказала она.

Как? Его дочь похитили.

— Звони маме, — приказал я.

Ее мать тут же ответила. Слава богам.

— Ма! — ее голос изменился, стал звучать юно и беспомощно.

Хотя ее шлем чуть потемнел, я заметил слезы в ее глазах, видел на стекле лицо ее матери.

Я мог понять разговор по ее ответам.

— *Mei you, Mei you. Wo mei shi*, — нет, он не пытал и не насиловал меня.

Она сцепила ладони перед лицом, ее пальцы дрожали, словно она могла задержать там изображение ее матери.

— Скажи ей, что я хочу триста миллионов долларов, — сказал я.

Ее зрачки уменьшились, она вздрогнула и посмотрела на меня.

— Ну же!

— *Ta yao san yi*, — прошептала она.

— На этот счет, — я дал ей номер кредитки со специальным счетом, она прочитала его. — У вас два часа.

— *You liang ge xiao shi*, — повторила она.

Ее мама начала задавать безумные вопросы.

Кто он?

— *Wo bu zhi dao*.

Где ты?

— *Bu zhi dao!*

Я ввел команду и прервал ей связь.

Она отклонилась, растерявшись, чуть не упала со стула, а потом сняла шлем, бросила его на землю. Он отскочил от бамбукового покрытия и покружился, я подхватил его.

— Черт!

Она притянула ноги к груди на стуле и уткнулась лицом в колени. Ее плечи опустились. Когда она подняла голову, бледное лицо было в пятнах.

— А если бы ты его сломала? — я осторожно поставил ее шлем на обеденный стол.

— Триста миллионов? Ты серьезно?

Она была сильной. Я восхитился бы этим, если бы ее слова не разозлили меня.

— Что? Тебя ждет намного больше в фонде доверия, — у ю всегда были запасные пара миллиардов.

— Зачем тебе эти деньги? — спросила она, скрестив руки, оценивая меня взглядом.

— А тебе зачем? — парировал я.

Мы смотрели друг на друга, быстро дыша. Она из-за непривычного ей грязного воздуха, я — потому что был раздражен. Чертова ю-девчонка.

— Почему моя семья должна тебе верить? — осведомилась она. — Вдруг ты меня все равно убьешь?

— Ты знаешь, как это работает, — было негласное правило между похитителями и их мишенями. Жертвы все платили, и преступники никого не убивали. Пока что. Но никто до этого и не просил триста миллионов. Это была не моя проблема. Если бы я был на месте ее отца, выкуп был бы на счете в течение часа.

— Можно воспользоваться твоей ванной? — спросила она.

Я кивнул на дверь, она пропала за ней, закрылась. Я воспользовался моментом, чтобы походить по комнате, анализируя ситуацию. Я дал ее семье два часа, чтобы заплатить. Получив деньги, я смогу отвести девушку на ночной рынок.

Душ шумел какое-то время, и я подошел к двери, что не была заперта.

— Окно слишком маленькое, чтобы в него пролезть, — крикнул я. — Если выпадешь из него, сломаешь ноги или шею.

Вода выключилась через минуту. Она вышла, выглядя так же, все еще источая запах клубники.

— Полотенце дать? — спросил я, скрывая ухмылку за последним яблоком, найденным в холодильнике.

— Нет, спасибо, — холодно сказала она, а потом изящными глотками принялась за витапак, что я ей отдал. — У тебя нет плотной еды?

— Это место похоже на пятизвездочное заведение? — спросил я. — Только жидкость.

Потому что больше ничего я позволить не мог.

— Хотя... — вдруг вспомнив, я открыл шкафчик кухни. — Есть две *русонг бао* из пекарни.

Я дал ей одну из булочек.

— Не вини меня потом за боль в животе, — сказал я, откусив от своей булочки большой кусок.

Она долго смотрела на булочку, откусила кусочек, медленно разжевала и проглотила. Она замерла, словно ожидала смерти. Я доел свою булочку и отряхнул руки.

— Ну? — я все еще был голоден.

Она откусила уже кусок побольше, вскинула голову с вызовом.

— Неплохо, — сказала она. И посмотрела на большие окна. — Мы на Янминьшань? —

спросила она.

— Нет, — соврал я. — Ты не знаешь других гор в Тайване?

— Я почти не ходила по Тайпею, — на ее лице проступило что-то, похожее на тоску, она смотрела на деревья. — Мы можем выйти наружу.

Я не смог скрыть удивление.

— Нет.

— Я никогда не была в горах раньше. Я не сбегу.

— Ты заблудишься. И умрешь.

Она подошла к огромному окну и прижалась к нему. Я не знал, каково это — никогда не бывать в горах или не видеть заросли так близко, никогда не ходить наружу без стеклянной миски на голове.

— Хорошо. Твой шлем остается внутри. Если хочешь подышать воздухом, можем выйти ненадолго, — это было рискованно, но я не был похитителем или вором, хоть именно этим и занимался. Я зашел еще не настолько далеко.

Она обернулась, ее силуэт очертил свет дня. Она улыбнулась. Естественно было улыбнуться в ответ. Я склонил голову и развернулся. Не стоило слушаться инстинктов.

— Идем. Далеко не отходи, — тяжелая дверь открылась по моему приказу. — Мне все равно нужно собрать огурцы и помидоры.

— Что?

Я схватил ее за руку, ощутил нежность ее кожи в своей грубой ладони. Она отдернула руку, испугавшись, но моя хватка не ослабла.

— Ты хочешь посмотреть или нет? — спросил я.

Она кивнула, стиснув зубы, на ее скулах появились два ярких пятна.

Я повел ее вдоль дома, отводя в сторону ветви и листья, мы миновали десяток цистерн, собирающих дождевую воду. Я ощутил запах влажной земли. Мы пошли по тенистой тропинке и попали на полянку, где было видно небо. Солнце горело над нами, слепящий жар с оранжевой аурой.

Небо было синим. Такое я видел в андернете, на некоторых сайтах были фотографии другого времени, бледно-голубое небо среди небоскребов или синее небо, похожее на спокойное море, оттенки синевы смешивались, как на старой картине. Я вспоминал те фотографии, чистоту в них. Настоящую чистоту.

Но разве можно было верить всему в андернете? Картинки делать было проще, чем лицо ю-парню. Я не знал, видел ли кто-нибудь синее небо. А потом я прочитал в романе, опубликованном век назад, как автор описывал небо голубым, и поверил в это, ощутил удивление, восторг и горе одновременно.

Я не дочитал ту книгу.

Я вдруг ощутил давление, ладонь ю-девушки сжала мою. Ее покрасневшее лицо было поднято, глаза шурились в тусклом свете солнца. Она кашляла в рукав, а потом прекратила, и ее дыхание было быстрым и неглубоким. Близился вечер, влажный жар лета был давящим.

— Ты в порядке? — спросил я.

Она посмотрела на меня сияющими глазами и сказала:

— Я никогда еще не видела вот так небо.

— Без шлема?

— И так широко. Оно всегда грязно-коричневое над Тайпеем, — сказала она.

Небо над нами было серым от загрязнений, но не коричневым, как часто было над

городом. Я повел ее в свой маленький сад. Огурцы висели с бамбуковых опор, что я сделал, скрывались среди больших темно-зеленых листьев. Мы шли среди помидоров, плоды были маленькими и сморщенными. Я пригнулся, девушка тоже, я выбрал помидор, потряхнул его и откусил. Больше горький, чем сладкий. Она смотрела так, словно я вытащил из земли крысу и съел.

— Небо было голубым, — сказал я, доев помидор.

— Так говорит дедушка.

Дедушка. Я не видел своих дедушку с бабушкой, не знал их имен. Родители отца умерли задолго до моего рождения. Родители матери жили в Америке, я не хотел их знать.

— Он его видел? — я старался сохранить голос ровным. — Своими глазами?

— Он так думает. Но он был очень мал, — она провела кончиками пальцев по поверхности оранжевого помидора. — Он говорит, что эти воспоминания похожи на сон.

Пот блестел на ее висках, был над ее верхней губой. Я провел рукой по лбу.

— Поверить не могу, что тут так жарко, — сказала она, облизнув губы.

Я, не подумав, повторил за ней, ощутил соль на языке.

— Так ощущается лето в Тайване без костюма с кондиционером, — ответил я и схватил плетеную корзинку.

— Я помогу, — сказала она.

Мы двадцать минут провели в тишине, наполняли корзинку кривыми помидорами и огурцами. Горные ветерок шелестел листьями вокруг нас, птицы пели в глубине зарослей. Когда мы закончили, губы ю-девушки были белыми, пряди черных волос, выбившихся из ее хвостика, прилипли к ее влажной шее.

Ее дыхание было быстрее, чем у испуганного зайца.

— Думаю, нам пора внутрь, — сказал я, поднимая корзинку.

Она встала со мной.

— Я хочу попробовать.

Я склонил корзинку, ее ладонь коснулась помидоров и огурцов, словно они были драгоценными камнями, а не жалкими овощами. Она выбрала продолговатый помидор, краснее остальных, потерла большим пальцем кожицу и откусила. Она тут же скривилась и поежилась.

Я рассмеялся.

— Не вкусно?

— Он кислее, чем все, что я пробовала.

Я ухмыльнулся. Конечно, она ела идеально выращенное. Мы вернулись к дому, и она доела плод.

— Мне нравится этот вкус... земной, — сказала она. Я увидел, как она озирается, пока мы приближались к двери лаборатории.

Дверь открылась от моего голоса, мы прошли в относительную прохладу здания. Я опустил корзинку на обеденный стол и кивнул на ее шлем рядом.

— Тебе стоит надеть его.

— Позже, — пробормотала она и прошла к окнам, глядя наружу.

Я сел на стул и ввел пару команд в ноутбуке. Деньги были переведены. Я выдохнул, выпуская напряжение, что копилось во мне после похищения девушки. Триста миллионов были риском, но дело стоило риска. Этого хватило бы, чтобы Виктор оделся как ю-парень и притворился одним из них, влился в их закрытое элитное общество. Мы уничтожим их

изнутри.

Мы хотели вернуть синее небо.

— Что ты собираешься сделать с деньгами? — она развернулась, ладони были сцеплены перед ней.

Я вздрогнул от звука ее голоса и закрыл МакПлюс.

— Не знаю. Ремонт?

Она смерила меня взглядом, я отвернулся первым и посмотрел на комнату, которую уже год считал домом. Нужно уходить отсюда. Я буду скучать по этому месту.

— Сначала смени гардероб, Темный конь.

Я невольно рассмеялся.

— Как тогда тебя зовут?

— Серьезно? — она насмешливо вскинула брови.

Я пожал плечами.

— Какая разница? — она мне нравилась. Я хотел знать.

— Дайю, — ответила она.

— Из романа?

Она удивленно улыбнулась и стала очень красивой.

— Ты читал?

Я много читал, чаще из андернета, но нашел «Сон в красном тереме» забытый в ящике стола в магазине мелочей. Владелец отдал мне ее даром, отмахнувшись и не взглянув. Книги не стоили бумаги, на которой были напечатаны.

— Цветы вокруг меня, птичья песнь в моих ушах, — пробормотала она под нос.

Я читал книгу достаточно раз, чтобы узнать строку из стихотворения, которое герой Баою использовал, когда думал о героине, тезке Дайю.

— Смягчат мою потерю, я забуду о слезах, — ответил я.

Она взглянула на меня, глаза сияли из-за грязного воздуха или страха.

— Ты читал.

Эта книга была моей любимой. Но ей не нужно было знать это. Вместо этого я сказал:

— Ты не выглядишь как трагическая героиня.

— Да? — она прислонилась к стеклу и выпрямилась, расправив плечи. Я успел заметить тоску в ее глазах. Сильное желание. Что ю-девушка могла хотеть, если уже все имела?

— Нам лучше идти, — сказал я. — Мне нужно вернуть тебя твоей семье, скоро стемнеет.

Дайю подняла шлем и поправила воротник, потом надела шлем. И она сразу стала другой, менее человеческой. Было сложно поверить, что за стеклом была почти нормальная девушка. Умная и с чувством юмора.

— Мне придется снова дать тебе сон-чары, — виновато сказал я.

— Нет. Завяжи мне глаза, если нужно.

— Я не могу так рисковать. Я добавил кое-что, чтобы ты забыла, — я видел, как ее глаза расширились от паники, даже в шлеме. — Не все. Последние сутки.

Она покачала головой.

— Прошу, не надо.

Но я взял ее за руку и уже тащил к двери.

— Нам обоим будет безопаснее, если ты не будешь ничего помнить. Поверь, — я ощущал себя глупо, произнося последние слова.

Мы вышли в грязную влажность вечера. По горе спускаться несколько часов, к тому времени стемнеет. Даже если я заброшу лабораторию, нельзя рисковать и позволять ей помнить это место, помнить меня.

Солнечный свет блестел на ее шляпе, и я был рад, что не вижу четко ее лицо, пока тащил ее. Она боролась, но я был сильнее. Она зашла вперед и смяла ладонью ткань моей рубашки.

— Но я хочу помнить, — сказала она.

Я схватил ее за запястье. Вонзил иглу в ее раскрытую ладонь. Шипение показалось слишком громким.

— Все мы хотим, — прошептал я и поймал ее, когда она обмякла.

ГЛАВА ВТОРАЯ НА ДВА МЕСЯЦА РАНЬШЕ

Приближалась буря, первая большая этой весной, и я ощущал ее приближение в напряжении вокруг меня, в неподвижности темных туч над головой. Я шел в толпе в Симэньдин. Сумерки, воздух в Тайпее был холодным. Три девушки прошли мимо, общаясь, бурля нервной энергией, глаза над их масками были яркими. Одна сжимала зонт цвета фуксии, его верхушка задела мой подбородок, когда я отошел с их пути.

Я оглянулся несколько раз, чтобы убедиться, что меня не преследуют. После пяти лет жизни практически на улицах в одиночку я привык оглядываться. Но Арун предупреждал нас, что его мама, доктор Натарай, была под наблюдением. Она не знала, кто следил за ней.

Я натянул ниже потрепанную голубую кепку, радуясь, что меня не преследуют. Рабочие начинали выходить из офисов, спешили к метро, чтобы добраться домой к семье или в рестораны и кафе к друзьям. Было еще слишком светло для неоновых вывесок, окна магазинов и бутиков казались не готовыми для толп модных подростков и ребят постарше, которые приходили туда, когда темнело. Торговцы на улицах раскладывали товары: украшения, кошельки, обувь, я видел, как двое с опаской поглядывали на небо. Один торговец принес разноцветные зонты со специальным покрытием против наших ядовитых дождей.

Я знал, что ночь будет шумной, все старались оставаться снаружи как можно дольше, пока не ударили ветер и дождь. Если бы не встреча с друзьями, я бы вернулся в свой самодельный дом на Янминышань, читал, лазал по андернету или работал над чем-нибудь скверным с Линь И. Арун созвал на экстренное собрание, и он бы не поступил так без серьезной причины.

Серебряный лимузин ехал по узкой улице, вычурный и неуместный. Не нужно быть гением, чтобы понять, что какие-то ю-подростки получили разрешения папочек поехать среди масс в один из эксклюзивных клубов или ресторанов, где регулировался воздух, они были открыты только для богатых клиентов.

Прижав подбородок к воротнику черной джинсовой куртки, я оскалился, проходя мимо лимузина. Изнутри машины пульсировала музыка, сильный ритм баса. На окнах было видно рекламу лимузина, красивая женщина в черном показывала роскошный салон машины, тонкие руки изящно двигались, она нажимала кнопки, и автомат наливал шампанское. Когда я проходил мимо заднего окна, стекло вдруг стало прозрачным, открывая сам салон с белыми сидениями и голубоватым светом. Ю-девушка постукивала по выступу у окна, сгибая пальцы, в другой руке был хрустальный бокал с жидкостью, что сияла розовым,

пузырьки поднимались, как яркие звезды.

Лимузин остановился, пытаясь миновать давку людей, и я замер, глядя, как ю-девушка прижимается к окну. Она была в серебряном платье, украшенном хрусталем, верх подчеркивал ее полную грудь. Хотя черты ее были азиатскими, ее тонкие волосы были алыми, как ее помада. Она подняла бокал, глядя на меня. Другая девушка обхватила плечи рыжеволосой, хихикая. Их вид был нереальным, я словно смотрел еще одну рекламу в окне лимузина. Они оживленно склонили головы, смеясь. Им было не больше шестнадцати на вид.

Прохожие указывали, и я слышал их жалобы на фоне: богатые бесполезные ю-девчонки уже были пьяными. Лимузин не должен был стоять на улице, они могли подняться в небо и избежать пробки. Воздушные машины были роскошью даже среди ультрабогачей, они могли летать над людьми, прибывать на вечеринку раньше, чем были допиты коктейли. Девушки хотели быть в толпе. Они хотели внимания.

— Прочь отсюда! — закричал старик и ударил по шине лимузина. Серебряный лимузин поехал вперед, вырываясь из пробки. Девушки внутри завопили. Я видел, как они раскрыли рты, как пошатнулись от резкого движения машины. Рыжеволосая прижалась губами к окну, оставила на чистом стекле след своего рта. Она подмигнула мне, я не успел отреагировать, окно помутнело, и на нем появилась реклама лимузина.

Я поднял кулак, готовый ударить по стеклу с силой, чтобы испугать девчонку, чтобы она вышла из приятного состояния. Но лимузин умчался вперед и застрял у светофора на красном свете.

Забудь. Не в этот раз.

— Э! — мужчина, что бил шину лимузина, прервал мои мысли. — Она хотела сделать тебя своей игрушкой.

Он рассмеялся, летела слюна. Я был рад, что стоял в стороне от него. Никто не знал, что можно было подхватить в эти дни. Скрюченный, с выпирающими вперед плечами, он выглядел как дедушка. Но ему было около сорока. Он был в лохмотьях, пошел ко мне, грозя пальцем, но тут закашлялся. Он согнулся, прижал ладони к бедрам, сотрясаясь от приступа. Минуту спустя кашель унялся, но он не выпрямлялся, хрипел и переводил дыхание.

Люди обходили его, вокруг нас словно был невидимый барьер. Я с тревогой сделал два шага в его сторону, подавляя свой страх получить его болезнь. Но он вскинул ладонь и посмотрел на меня пронизательными черными глазами. Они слезились от сильного кашля.

— Если бы я был юн и хорош собой, как ты, я бы это сделал, — прохрипел он. — Хорошие деньги, хорошая еда, веселье.

Я рассмеялся. Недолго и без юмора.

— И слушаться ю-девчонку? Быть ей собачкой на поводке? Нет, спасибо, — я шагнул вперед, вытянув руку. — Дядя, я могу купить вам горячий напиток. Вам стоит сесть...

— Не подходи! — закричал он, его слова булькали от мокроты. — Глупый? Я заразен. Хочешь быть таким же? — он провел грязным рукавом по рту, ворча под нос, а потом сказал. — Просто быть идеалистом, когда ты молод и красив, парень.

Я развернулся и пошел прочь. Ему не нужна была моя помощь. И что я мог ему сделать, кроме покупки горячего чая? Ему нужно было в больницу, нужны были лекарства, как было и с моей мамой. Я проглотил горечь, горе вдруг оказалось резким, как свежая колотая рана. Я больше ничего не мог предложить, ведь сам этого не имел.

Еще один лимузин пронесся мимо, этот был наверху, за ним следовали три мускулистых

мэй-парня на воздушных мопедах — телохранители или игрушки, а то и оба варианта сразу. Но они хотя бы не усиливали суету внизу.

— Реальность всегда разрушает идеалы, — кричал мужчина за моей спиной. — Подожди, сам увидишь.

• • •

Клерк в прихожей захудалого караоке не посмотрел на меня, когда я прошел. Место было построено в девяностые, когда караоке было популярным, а теперь это место было старым и потертым, как и автоматы, которые они еще использовали. Тусклый свет люстры едва освещал темное фойе, от старого ковра воняло жиром и плесенью.

— У меня встреча с друзьями, — сказал я.

Клерк вонзил окурок в пепельницу.

— Высокий филиппинец? — сказал он, не поднимая голову. — Красотка в пышной юбке?

Я кивнул, не зная, как он догадался, а потом понял, что в этом жалком месте было не так и много занятых комнат.

— Наверху, — сказал клерк. — Номер два-ноль-три, — он зажег еще одну сигарету, затянулся, а потом закашлялся, выдыхая дым, взгляд был прикован к старому телевизору на стойке перед ним. У этого телевизора нужно было крутить ручку, чтобы сменить канал, он был бы античным, если бы не был таким мерзким. У многих мэй в эти дни остались сплошные мерзкие вещи.

Перешагивая по две скрипящие ступеньки, я оказался у темно-коричневой двери с тусклыми медными цифрами 203 на ней, из-за нее доносились приглушенные ноты баллады Джея Чоу. Я стукнул и повернул липкую ручку, толкнул дверь раньше, чем получил ответ.

На меня посмотрели четыре пары глаз, я пришел последним, как обычно.

Доктор Натарай сидела в центре потертого черного дивана, его искусственная кожа была в давних пятнах. Арун был слева от нее, его ярко-оранжевые, обычно торчащие, волосы были деловито стянуты в хвост. Линь И сидела справа от Натарай, она была в зеленой футболке и белой пышной мини-юбке с яркими тюльпанами на ней. Виктор сидел в красном бархатном кресле рядом с Линь И, его длинные ноги были вытянуты перед ним, он был ленивый как кот. И такой же спокойный.

— Рад, что ты пришел к нам, Чжоу, — протяжно сказал он.

Увидев, что доктор Натарай отвернулась и шепчется с Аруном, я показал Виктору грубый жест, и он расширил глаза в притворном шоке, едва слышно смеясь.

Линь И вскинула бровь, поджала губы, прося меня вести себя прилично. Я очаровательно улыбнулся и закрыл за собой дверь. Айрис стояла за ней, и я вздрогнул.

— Блин, Айрис! — сказал я.

— Привет, Чжоу, — она была в черном, как и всегда, и спрятала шприц, что держала в руке в скрытый карман на бедре. Быстрый удар в руку сон-чар, и я бы упал за секунды.

— Привет, — сказал я. Она уже отошла, опустилась спокойно в другое кресло, забросила ноги на подлокотник, устроившись там. — Простите, опоздал, — я видел сходство между доктором Натарай и Аруном, у обоих были темно-карие глаза, высокие скулы и волевые подбородки. Но черные волнистые волосы доктора Натарай были с сединой.

Она подвинулась на диване и улыбнулась мне, похлопав по месту рядом с ней.

— Всего на пару минут, Чжоу. Мы еще не начали.

Я сел между ней и Линь И. Даже доктор Натарай звала меня только по фамилии. Я не

называл свое имя, друзья и не просили. После стольких лет на улицах я получил нужную анонимность. Чжоу была довольно распространенной фамилией.

Доктор Натарай подвинула мне белую тарелку, где были идеальные треугольники самсы, поджаренные до золотистой корочки.

— Я сделала твои любимые, Чжоу. Возьми, — она тепло улыбнулась.

— Спасибо, тетя, — мы все звали маму Аруна тетей, она сама настояла на этом. Ни у кого из нас не было матери, и она с самого начала приняла нас в свой дом и сердце. Три года она слушала и давала советы, а еще всегда была готова обнять. Она звала нас на ужины домой к себе и Аруну, тогда мы ели домашнюю пищу. Но нас привлекали не ее вкусные сааг панир или алу гоби, а ощущение уюта, которое она предлагала нам.

Желудок уже урчал, я отложил три еще теплые самсы на бумажную тарелку и принялся поглощать их с волчьим аппетитом, а потом сказал:

— У вас лучшая самса, — так и было.

Она склонила голову, золотые овальные серьги закачались, и ответила заговорщическим тоном:

— Я завернула тебе несколько, чтобы ты взял домой.

Я сделал вид, что целую ее в щеку, но замер, ведь был с полным ртом, это было бы грубо. Она рассмеялась и покачала головой. Доктор Натарай умела создавать у человека впечатление, что он особенный, что он важен. Мы знали, что она завернула угощения для всех. Аруну очень повезло.

Древнее караоке играло музыку на большом старом телевизоре достаточно громко, чтобы за дверью наш разговор не было слышно. Юноша и женщина танцевали в залитом солнцем бальном зале, с любовью смотрели друг на друга, снизу менялся текст. Окон не было, и свет исходила только дешевая люстра над столом. Два ламинированных меню валялись на низком черном столике перед нами рядом с тарелкой с самсой.

В комнате пахло сигаретным дымом.

Доктор Натарай не начала, пока не посмотрела каждому в глаза, убедившись, что мы слушаем. Она была выдающимся профессором экологии в Тайваньском национальном университете. Ее уважали как преподавателя, она была активной, все время пыталась предложить законы насчет загрязнений, чтобы помочь очистить грязную воду и воздух.

— Уверена, Арун сказал вам, что прогресса нет. Я подходила к шести представителям законодательного юан, они молчали или закрывали двери перед моим лицом, — она говорила на идеальном мандаринском китайском с легким оттенком ее родного хинди. Хоть она была в джинсах и черном свитере, ее поза и поведение заставляли обратить на нее внимание. — Меня даже дважды выводила охрана! — доктор Натарай издала тихий смешок. — Меня выгоняли огромные стражи, потому что я так опасна.

Она вжалась в диван и скрестила ладони на коленях.

— Кто-то у власти не хочет, чтобы эти законы рассматривали. Я ценю вашу помощь в том, что вы — мои глаза и уши. Я не хотела нарушать законы, но, похоже, у тех, с кем мы столкнулись, таких принципов нет, — она замолчала и повернулась к нам с Линь И. — Я подозреваю, что мои связи отслеживают.

Айрис выпрямилась, колено Аруна нервно подрагивало.

— Письма? — спросил Виктор.

— И голосовые сообщения, — сказала доктор Натарай. — Все, что идет через мои телефоны или компьютеры.

— Они присылали сообщения с угрозами? — спросил я. — Есть какие-то зацепки?

— Нет, — сказала она. Это профессионалы. Из доказательств у меня только интуиция, — она сцепила ладони так крепко, что побелели костяшки. — Меня дважды за эту неделю чуть не переехали.

Я склонился, глядя в глаза Виктора. Он все еще отдыхал в кресле, но его челюсть напряглась.

— Что? — выдохнул Арун. — Почему ты мне не сказала?

— Не хотела беспокоить, — ответила она. — В первый раз я подумала, что это случайность... но потом это повторилось.

Линь И дотянулась до ладони доктора Натарай и сжала.

— Расскажите нам.

— Я возвращалась домой после похода в магазин, — сказала доктор Натарай. — Это было в субботу, улицы и дороги были переполнены. Я ждала на углу, чтобы перейти, и тут в меня кто-то врезался сзади. Я вылетела к едущему автобусу.

Виктор едва слышно выругался.

— К счастью, — сказала доктор Натарай, — автобус двигался медленно, водитель нажал на тормоза. Добрая женщина оттащила меня за плащ. Через два дня я поздно вечером шла из университета, и машина выехала с парковки на полной скорости и чуть не сбила меня.

— Вы заметили номера? — спросил я. — Может, разглядели водителя?

Доктор Натарай покачала головой.

— Машина была дорогой, окна были тонированы.

— Айрис, почему бы тебе не стать ее тенью? — сказал я.

Доктор Натарай хотела возразить, но Арун взял ее за руку.

— Так надо, мам. Для твоей безопасности.

— Чем скорее мы узнаем, кто за этим стоит, — сказал я, — тем лучше.

— Я тоже могу помочь, — сказала Линь И. — Если позволите, я защищу ваши аккаунты. Я могу сделать их непробиваемыми, — она солнечно улыбнулась. Но Линь И не играла, она была лучшей в кибербезопасности, как и лучше всех умела эту защиту взламывать.

Профессор улыбнулась ей.

— Спасибо, — а потом она посерьезнела. — Но я бы хотела попросить еще, если хочешь, взломать аккаунты этих шестерых законодателей и поискать подсказки насчет того, с кем мы имеем дело.

— Конечно, — без колебаний сказала Линь И.

— Это может быть опасно, — сказала доктор Натарай. — Я бы не просила, если бы был другой выход. Но я месяцами пыталась всего добиться честно, встречалась с теми, кто не хотел меня слушать, и я добилась лишь нежелательного внимания преследователя и покушений на жизнь, — хоть она говорила мягко, в ее словах был пыл.

— Они играют не по правилам... — сказал Арун.

— Так зачем нам соблюдать их? — закончил я.

— Не переживайте, тетя. Мы рады помочь, — сказала Линь И. — Я начну немедленно. И, Виктор, поищи что-нибудь полезное в своих источниках.

— Все для вас, тетя, — ответил Виктор.

Доктор Натарай протянула руку, и Виктор обхватил ее ладонь в редком проявлении искренних эмоций. Обычно, если Вик и говорил, то с насмешкой, преувеличением или

сарказмом. Но не в этот раз. Он был готов найти виновника и выбить из него дурь. Я был готов присоединиться к нему.

— Мы разберемся с этим, мам, — сказал Арун. — Мы быстро получим ответы.

...

Серый густой туман окутывал Тайпей. Я шагал бодро, руки были в карманах черной джинсовой куртки. Рукава были слишком короткими, заканчивались в паре дюймов до моих запястий, а ткань была такой застиранной, что стала темно-серой. Но это была моя единственная куртка, и ее мне дала мама. Тогда она была велика, мама рассмеялась, когда я примерил куртку: рукава доставали до кончиков пальцев. Мама смогла купить ее дешевле.

— Ты дорастешь до нее, — сказала она и коснулась моей щеки.

Она так и не увидела меня в этой куртке. Она простыла, и простуда стала пневмонией. Мы не могли позволить больницу или лекарства, что могли бы спасти ей жизнь. В тринадцать я смотрел, как она умирает.

Я поежился и плотнее укутался в куртку.

«Встретимся в кабинете мамы, — написал мне Арун час назад. — Я переживаю за нее».

Арун был из семьи выдающихся ученых, и доктор Натарай поддерживала его пытливый ум с момента, когда он смог задавать научные вопросы. В восемнадцать он уже почти стал доктором по вирусологии в университете. Арун был гением. Он мыслил логически и никогда не переживал без причины.

Я зашагал быстрее.

Студенты на мотоциклах появлялись, словно призраки, из тумана газов. Я много раз ходил по этой дороге, обрамленной пальмами, чтобы встретиться с Аруном. Мы были друзьями с тех пор, как я встретил его в своем любимом киберкафе четыре года назад, он в тайне играл после школы. Огромная библиотека университета была в конце этой широкой дороги, но, как и пальмы, я ее не видел. Я мог с таким же успехом идти по пустыне, и в сером смоге проносились лишь призраки студентов на мотоциклах.

Как и все, я носил на лице маску. Но это не защищало глаза от жжения, в них словно бросали песок, каждый сдавленный вдох был на вкус как пепел и пыль. Горло было раздражено, его жгло. Воздух был неподвижным. Грязь никуда не девалась.

Я бежал во мгле к месту встречи, к зданию доктора Натарай. В последний миг я избежал столкновения с мотоциклом девушки с двумя длинными косами. Она удивленно вскрикнула, темные глаза расширились над ее ярко-розовой маской, звук был резким и неуместным, а потом она пропала из виду. Мы были глубоко на территории университета, шум дорог Тайпея был лишь тихим гулом вдали.

Мои черные ботинки погрязали во влажной траве, а потом оказались на бетоне, высокие арки здания появились передо мной, прямоугольные длинные и одинаковые окна над ними горели, как пустые глаза. Я тут же заметил ярко-рыжие волосы Аруна и широко улыбнулся, пока не увидел панику на его лице. Он бросился ко мне и схватил за руку. Что-то точно было не так.

— Я так и не смог связаться с мамой, — сказал Арун, пока тащил меня за собой, мы бежали к зданию. — Со вчерашнего вечера. Я пришел домой из лаборатории вчера поздно, не увидел ее утром. Она всегда отвечает на мои сообщения.

Мы помчались по фойе, арки вели в разные коридоры. Наши шаги отражались эхом по просторному помещению. Арун прижал ладонь к сканеру на стеклянном барьере и потащил меня дальше, когда дверь открылась.

Мы шагали через две каменные ступеньки сразу. Длинные коридоры этим вечером были пустыми. Многие уже ушли из-за завтрашнего фестиваля Цинмин, им нужно было добраться до могил родственников, чтобы провести ежегодную уборку. Воздух был спертым в душном здании, а со зловещей тишиной место казалось заброшенным. Мы остановились перед кабинетом доктора Натарай. Деревянная дверь была заперта, Арун постучал в нее.

— Ее дверь никогда не закрыта, тем более, не заперта, — сказал Арун. — А экран внутри, судя по звуку, включен.

Мы переглянулись, волосы на моих руках встали дыбом.

— Мам? — крикнул Арун и толкнул дверь плечом. Она громко загрохотала, звук разносился эхом по пустому коридору. — Помоги, — попросил он.

Мы досчитали до трех и бросились на дверь. Арун был коренастым, а я худым, но у нас было немного мышц. Дверь выглядела старой, была изначально здесь, она недовольно скрипела.

— Еще раз! — сказал я.

Мы снова ударились об нее, в этот раз раздался громкий треск. Мы ввалились в комнату.

Арун вскочил на ноги, я выпрямился.

— Мам! — он подбежал и опустился возле доктора Натарай, лежащей на полу у стола. Рядом с ней лежал лиловый шарф. Арун гладил ее щеки, убирал волосы с глаз. Но по одному взгляду на бледность ее кожи было все ясно. Ее теплая смуглая кожа была пепельно-серой, конечности лежали как у трупа, а не как у человека без сознания. — Нет! — взвыл Арун, прижимая ее к себе, укачивая ее. — Нет, мам! — он обхватил ее руку, тер пальцы, словно так мог вернуть ее.

От его горя в моем горле появился ком. Я опустился рядом с ним, схватил его за плечо. Я поискал пульс, Арун поднял кулак, словно хотел ударить меня или отбить руку. Я покачал головой, подтверждая то, что мы оба уже знали. Печаль и гнев нахлынули на меня, и вдруг я словно стал тринадцатилетним, снова одиноким, беспомощным, держащим тело матери в руках. Я тогда не хотел утешений. Я хотел избить мир.

Только не доктор Натарай. Не наша тетя.

— Но как? — проревел он, мой тихий друг, никогда не повышавший голос. — Почему? — он схватил подушку с соседнего кресла и подложил под ее голову. Арун вскочил на ноги и принялся дико озиаться.

Аккуратный стол доктора Натарай был в хаосе, верхний ящик был выдвинут. Два пустых флакона были на столе, еще один упал на пол. Арун подошел к столу и схватил один.

— Адреналин. Это были ее вещества на случай аллергии, — он потряс пустой шприц. — У нее аллергия на арахис, но она была осторожна.

— Нужно вызвать скорую, — сказал я.

На стене за нами был включен экран, но я не обращал внимания на тихие голоса, как и на программу, что там шла.

— Нет, — ответил Арун. Он поднял один из пустых шприцов и постучал о ладонь. Он поднял шприц к лампе над нами, крутя его и потряхивая. — Во всех трех шприцах жидкость оставила коричневый след. Адреналин.

Я не сразу понял, что он сказал.

— Черт, — сказал я.

— Все закончилось, — сказал Арун, — но дата свежая. Она была осторожна. Она бы не

позволила даже одной ампуле закончиться, а трем — тем более. Ее жизнь зависела от этого.

Я склонился и поднял разбитый ноутбук доктора Натарай.

— А вот ее Ладонь, — она лежала недалеко от тела доктора Натарай. Экран устройства связи тоже был разбит, но не от падения, а словно на него кто-то наступил. А потом я заметил, что доктор Натарай что-то сжимала в руке. Ее рука была прижата к груди, словно защищая это.

Пульт от экрана.

Я повернулся к экрану на стене, голос пробился через панику и смятение. Доктор Натарай сидела в красном кожаном кресле, ладони были сцеплены поверх складок ее темно-зеленого и золотого сари. Она выглядела величественно как королева.

— Мы должны что-то делать, чтобы уйти с разрушительного курса. Мы должны работать вместе, чтобы уменьшить загрязнения, что мы выбрасываем в воздух, которым дышим, в воду, которую пьем, в почву, где растет наша еда. Я прошу правительство Тайваня принять необходимые законы, чтобы исправить наши ошибки ради нас. Ради Земли, — она смотрела в камеру, темно-карие глаза были добрыми, но решительными. — Мы отравляем себя. Нашу планету. Наш дом, — подчеркнула доктор Натарай.

Юная ведущая программы «Давайте поговорим» кивнула, а потом склонилась, скрестив идеальные длинные ноги.

— И что вы скажете ю Тайваня, которые проживают здоровые долгие жизни в регулируемом помещении и в их костюмах? Которые говорят, что проблемы нет?

Улыбка доктора Натарай была решительной.

— Это временное решение. Я говорю всем ю Тайваня, всем, кто считает, что у них есть все в этом мире, кто верит, что можно выжить, окружив себя пузырем. Нет. Все мы — создания этой земли, этой общей экосистемы, — она подняла руки, ладони все еще были сжатыми, а пальцы — переплетены. — Мы связаны. Мы едины. Вы не сможете выжить, пока экосистема вокруг вас умирает. Вы не можете скрыться от эффектов глобального потепления. Все плохо. Я прошу не ухудшать ситуацию. Еще не поздно изменить курс.

— И как обстоит дело с продвижением закона о помощи окружающей среде, доктор Натарай?

Лицо доктора Натарай ожесточилось, она поджала губы.

— Хуже, чем я ожидала. Я пыталась продвинуть закон в законодательный юан почти год, но прогресса нет. У меня есть доказательство, что кто-то активно работает против рассмотрения этих законов.

Глаза ведущей расширились от потрясения.

— Кто же?

— Не знаю, — доктор Натарай смотрела в камеру. — Но когда я узнаю, я пойду на все, чтобы раскрыть их. Дело не в бизнесе, политике или выгоде. Дело не в здоровье. Дело уже в нашем выживании.

Изображение застыло на экране, выражение лица доктора Натарай было напряженным, ее изящные ладони были перед ней, словно она умоляла зрителей.

— Почему это было включено? — я повернулся к Аруну, судорожно дыша.

— Это интервью показывали вчера вечером, — Арун опустил рядом с мамой и коснулся руки, что сжимала пульт. — Она никогда не смотрела свои интервью на экране, — он говорил, а программа началась заново. Он поднял голову, белки глаз выделялись на лице. Мы думали об одном: доктора Натарай убили.

Арун провел ладонью по глазам. В этот миг показалось, что он стал на десять лет старше. Он вытащил Ладонь из кармана жилетки.

— Вызываешь полицию? — спросил я.

— Нельзя, — сказал он. — Нельзя идти в полицию. Какие у нас есть доказательства?

Я выругался. После встречи с доктором Натарай Линь И смогла взломать аккаунт законодателя Тайчуня, она нашла переписку между ним и «мистером Ву». Она нашла похожие переписки и у других людей, с которыми пыталась встретиться доктор Натарай. Все сообщения от мистера Ву были с одинаковыми скрытыми угрозами, намекали на расплату в случае непослушания. Мы все еще не знали, кто стоял за работой этого мистера Ву. А теперь мама Аруна была убита.

— Эй, Арун, — донесся из Ладони бодрый голос Линь И. — Что такое?

Арун открыл рот и закрыл его. Слезы лились по его лицу, горло работало. Я отвел взгляд, ощущая жжение в глазах.

— Линь И, нам нужно встретиться, — сказал я. — Кое-что произошло.

Пауза. Она ответила:

— Завтра утром? У меня?

— Да, — сказал я.

До этого работа с доктором Натарай казалась безвредной. Помогать той, кого мы любили и уважали. Помогать мэй спасти Тайвань. Играть хороших. Но доктора убили, и было ясно, что мы оказались против профессиональных преступников, которые были старше, умнее и богаче. Мы могли погибнуть следующими.

— Хорошо, — донесся голос Линь И. — Увидимся завтра, — тихий звон, она отключилась.

Арун снова обхватил маму, укачивая ее. Я стиснул зубы.

— Мы доберемся до гадов, что сделали это, — сказал я.

Он поднял голову и согласно кивнул.

Нет. Эти подонки так просто не уйдут.

...

Все утро в день фестиваля Цинмин моросил дождь. Тайпей казался пустым, подавленным. Большая часть магазинов была закрыта, только несколько прохожих было видно на тротуарах, некоторые держали яркие зонты. Я был в кепке, но решил этим утром идти без маски. Дождь был теплым, задевал мою кожу на ладонях, шее и щеках. Он не жалил, был слабым. Днем мэй в Тайпее редко ходили без маски. Наши дожди приносили достаточно грязи в воду, но они все еще могли расчистить коричневый воздух, хоть и всего на пару часов.

Мы встречались в квартире Линь И в центральном Ваньхуа, старейшем районе Тайпея. Я миновал пустые витрины и заброшенные здания, забитые и исписанные граффити, но мое настроение изменилось, когда я приблизился к храму Луншань в нескольких кварталах от дома Линь И. Группы людей, которые не могли покинуть город, чтобы почтить предков, и многие иностранцы собрались вокруг храма, двигались по его главному двору. Черепица изогнутой крыши выделялась красными и зелеными пятнами на фоне зловещего неба. Дым поднимался в небо, до меня донесся запах сандала, несмотря на погоду. Сотни палочек благовоний зажгут сегодня, чтобы почтить мертвых.

Я взглянул на Вокс на запястье. Я пробежал мимо толпы, нашел монаха, продающего благовония за столиком в углу большого двора. Здесь кредитки не принимали. Монах, чье

лицо не тронул возраст, кроме двух глубоких морщин по сторонам ото рта, указал на деревянную миску на столе. Я был бедным. Не голодал, но все время ощущал голод. Друзья были добры со мной, особенно Линь И, но я не хотел зависеть от них. Я переводил с китайского на английский и наоборот, получал достаточно, чтобы выжить. Но ребенок без высшего школьного образования далеко продвинуться не мог. Клиенты работали со мной из жалости или использовали меня из-за низких цен.

А мама Аруна всегда передавала мне что-нибудь вкусное домой, когда мы пересекались. На прошлой неделе я заходил к Аруну посмотреть его последние приобретения игр, и доктор Натарай отправила меня домой со стопкой лепешек наан, завернутых в фольгу и с коробочкой тушеной окры. Зрение затуманилось, когда я вспомнил ее теплые глаза и улыбку, когда она обняла меня. Тот раз был последним, когда я видел ее живой.

Я выудил из кармана джинсов две монетки юань и бросил в миску. Монах дал мне три палочки благовоний без слов. Я забрал их и пошел к ближайшей медной урне во дворе. Она стояла на пьедестале, куполообразная крышка была выше меня. Огонек мерцал, как мираж, в центре нее. Я зажег благовония, вдохнул дымок сандала и закрыл глаза. Я сжал ладони и поклонился.

Я минуту вспоминал лицо матери. Потом я переключился на Аруна, сжимающего тело доктора Натарай, его лицо кривилось, как от физической боли. В тринадцать я был слишком юн, чтобы понимать несправедливость смерти матери. Я знал лишь, что у нас нет денег, и мы не могли ей помочь. Теперь, после почти пяти лет жизни на улицах, я понимал. Я видел, как город, который я любил, раскачивался на грани разрушения, пытаюсь забрать людей с собой. Только ю оставались нетронутыми из-за их богатства. Теперь мамы Аруна не стало, и я снова ощущал эту боль. Я поклонился еще раз с тяжелым сердцем, а потом открыл глаза и опустил три палочки в урну. Мы сегодня не могли убирать на могиле.

Через пятнадцать минут я прибыл к Линь И, все были уже там, и от этого место казалось теснее обычного. Линь И сидела за рабочим местом, Арун — на белом диване, темные круги изгибались под его глазами. Айрис раскачивалась на снарядах на стене, не используя ноги. Она была в широких штанах, футболке и вязаной шапке поверх коротких волос — все было черным.

Виктор расхаживал по комнате длинными шагами, руки были глубоко в карманах брюк, манжеты рубашки были загнуты и закреплены серебряными запонками. Волосы были уложены, но глаза были красными и опухшими.

Это потрясло меня сильнее всего, дало осознать всю глубину потери. У Вика не было семьи в Тайване, насколько мы знали, хотя он порой упоминал, что здесь жили его дальние родственники. Линь И подозревала, что Виктор отсылал почти все заработанное своей семье на Филиппинах, но он мне об этом не рассказывал. Он хорошо изображал беспечность и равнодушие, но доктор Натарай смогла завоевать даже Вика, всегда отводя его в сторону и тихо разговаривая с ним. Она спрашивала, как он. Убеждалась, что все хорошо. Он говорил только с ней, после того как Линь И бросила его после нескольких месяцев свиданий. Как-то раз он перепил и признался, что доктор Натарай напоминала ему его мать. Только в тот раз за три года, что я знал его, он упомянул свою маму.

Виктор кивнул мне, лицо его было замкнутым. Он производил сильное впечатление. Конечно, он скрывался, когда шел на дело. Редко можно увидеть красивого юного филиппинца в костюме и шелковом галстуке в Тайпее. Виктор запоминался с первого раза. Он не был рожден, чтобы смешиваться с остальными.

Сегодня он снова был одет с иголочки, но не хватало привычной важности. Я кивнул ему, но тут же сел рядом с Аруном, выглядевшим разбитым. Я не знал, что сказать, и на миг обхватил его плечи.

— Прости, я опоздал, — я вытащил нож-бабочку из кармана куртки и начал крутить его между пальцев. — Останавливался по пути у храма Луншань.

Никто не спрашивал причину.

Айрис прыгнула со стены на бамбуковый пол, бесшумная, как кошка, и села на ковер у ног Линь И. Она выглядела недовольной. Но я не так давно понял, что так Айрис выражала печаль, страх или разочарование. Глаза Линь И были красными, но она вскинула голову, словно была готова к войне.

— Я кое-что нашла, — сказала она.

Энергия накопилась в комнате. Я закрыл нож, ощущая его холодный вес в ладони.

— Я смогла взломать Вокс-аккаунт мистера Ву, — Линь И посмотрела в глаза каждому из нас. Мы понимали важность этого. Этот аккаунт ей было взломать сложнее всего. — Я все еще не знаю его истинную личность, — сказала Линь И напряженным утомленным голосом. — Вся информация о счетах ведет к платежам по всему Тайпею. Он не сохраняет переписки, но я нашла еще два послания законодателям, итого их становится восемь.

Она крутила толстый браслет на запястье, неоново-зеленый с нарисованными яркими кругами. Ее пальцы подрагивали. Я выпрямился, все внутри гудело. Если Линь И была ошеломлена, то проблемы у нас были страшнее, чем я думал.

Она продолжила:

— Но я смогла найти удаленное голосовое сообщение. Обычно их стирают, или он сам в этом разбирается, или у него есть тот, кто убирает киберследы за него. В этот раз Ву оступися, — она вдохнула. — Арун, это про... — она сглотнула. — Оно про твою маму.

Смуглое лицо Аруна побелело, словно он увидел призрака. Он кивнул. Пальцы Линь И заплясали по клавиатуре, два мужских голоса зазвучали в гостиной. У Ву был грубый голос курильщика, человек, которого он называл боссом, звучал образованно и учтиво. Его голос был странно знакомым. Холодок скользнул по моей спине, хоть баритон был теплым. Мужчина спрашивал, как дела у Ву, может ли он что-нибудь доложить. Ву кашлянул и сказал, что все идет по плану.

— Я умею убеждать, — прохрипел Ву. — Я предоставил им всю информацию, что вы дали, босс. Нужно было видеть их лица, когда я показывал им экран с фотографией доказательства, что я знаю, где живут их мамы, племянники и родственники со стороны мамы, — Ву рассмеялся. — Черт, мы даже знаем, где стригут их собак.

— Это пустяки, — ответил босс.

— Да, — согласился Ву. — Это и бластер хорошо убеждают.

— У меня есть для тебя другое задание, — сказал босс. — Информация отправлена. Сделай так, чтобы это выглядело как случайность.

Связь была хорошей, мы услышали приглушенный стук в чью-то дверь.

— Да? — сказал босс Ву.

— Мистер Хуань здесь для назначения... — вмешался четкий, но тихий голос женщины.

— Минутку, — ответил босс, прервав ее.

Мое сердце колотилось так сильно, что я слышал его в ушах. Она почти назвала его имя, почти раскрыла. На фоне послышался неразборчивый шорох, а потом тишина.

— Как я и говорил, — продолжил босс. — Избавься от нее.

— Информация получена. Снова она, — сказал Ву. — Когда я должен сделать это?

— Завтра. Она достаточно навредила.

— Я позабочусь об этом, — ответил Ву.

Перезвон сообщил, что его босс закончил разговор.

— Этот звонок был совершен два дня назад, после показа интервью доктора Натарай, — сказала Линь И. — Это не совпадение.

Арун опустил голову в ладони, его колено дрожало. Его горе и ярость были ощутимы. Я сидел рядом с ним, беспомощный и бессильный.

— Мы были близки к тому, чтобы узнать личность этого засранца, — сказала Айрис. Она сидела на полу, уперев руки в колени, но ее плечи были напряженной прямой. — Это моя вина...

Линь И склонилась и сжала плечо Айрис.

— Нет. Я отправила тебя на другое задание на несколько дней.

Айрис была тенью доктора Натарай с нашей встречи в караоке несколько недель назад. Но ничего подозрительного не происходило... до вчера.

— Это вина убийцы, Айрис, — сказал я. — И того, кто за ним.

Она убийственно посмотрела на меня и дернула рукой, чтобы Линь И отпустила ее.

Линь И покраснела и кашлянула.

— Это не все, — сказала она, ее голос дрогнул. — Когда его секретарь открыла дверь его кабинета, на фоне был шум...

Я кивнул. Мы все его слышали.

— Я проанализировала его, используя Чистоту — лучший анализатор голосов, — она посмотрела на Виктора, видимо, он дал ей программу. — Слушайте.

Тихий треск, а потом заговорил женский голос, почти шипя. Но слова были ясны:

— Дамы и господа, ваш визит сегодня — честь для нас. Следующий официальный тур по корпорации Цзинь начнется через пять минут в четыре часа вечера в фойе.

Корпорация Цзинь. Я ощутил, как на шее выступает холодный пот. Компания создавала ю-костюмы для богачей, желающих жить в пузыре, пока мир вокруг них гнил. Эти костюмы продавали по всему миру, но только 5 процентов населения могла позволить цену в двадцать миллионов юань.

— Я так и думал, что уже слышал этот голос, — сказал я.

Мы не смотрели друг на друга. Все думали об одном.

Цзинь Фэйминь был самым богатым и властным человеком в Тайване. Ему принадлежала половина Тайпея. Он приказал убить маму Аруна, слово она была раздражающим насекомым, комаром, пищащим у его уха. Он мог так же легко убить каждого из нас, придав смертям вид случайности. Никому не будет дела. Линь И могла привлечь внимание, как дочь опального исполнительного директора службы безопасности, но это было бы всего неделю в заголовках статей.

— Что нам делать? — спросил Арун после затянувшейся паузы. — Цзинь может легко откупиться. Мы никогда не сможем его остановить.

— А он может всех нас убить, — сказал Виктор.

Арун вздрогнул, я пронзил Вика взглядом, но он был прав. Виктор озвучил то, о чем мы все думали.

— Итак, он систематически угрожает и подкупает политиков, чтобы не дать внедрить закон о защите окружающей среды... — сказала Линь И.

— Ради выгоды, — вмешалась Айрис, вскочив на ноги. Она ходила по комнате, как пантера в клетке. — Его не остановить.

— Да? — я покрутил нож. — Нет выгоды, если нет товара.

Виктор похрустел костяшками.

— Что ты предлагаешь, Чжоу? — Вик был успешен в делах и сделках, и он был осторожен. Он принимал решения только после того, как тщательно обдумывал действия. Виктор был осторожным и сдержанным, не таким, как я.

Его убедить было сложнее всего.

— Я читал о корпорации Цзинь и успехе Цзинь Фэйминя, — сказал я. — Он недавно получил фабрики в Неваде, возле Лондона и в Мексике. Но это не основное производство. Цзинь сказал в интервью, что он хранит всю продукцию в Тайпее, и он этим гордится.

— И нам нужно взорвать здание? — спросил Арун.

Айрис снова раскачивалась на стене, ее руки хватали один поручень за другим, она использовала только силу верхней части тела с заметной легкостью.

— Он отстроит обратно.

— Но это займет время, — ответил Арун.

Я кивнул.

— Мы сможем раскрыть доказательства после того, как уничтожим корпорацию Цзинь. Медиа будет искать все. Цзинь попадется, и мы сможем использовать шанс продвинуть закон.

— Закончить то, что начала моя мама, — Арун потирал ладони и смотрел на пол.

— А еще Цзинь говорил, что костюмы не будут работать без корпорации. Они выключатся, если сервера в штаб-квартире перестанут работать, — продолжил я. — Два или три года без костюмов заставят ю поднять головы и оглядеться. Увидеть, как все плохо. Подышать с нами одним воздухом.

— Или они останутся закрытыми, перебираясь с одного регулируемого помещения в другое, — сказал Виктор.

— Как в клетке? — я фыркнул. — Не все из них будут рады. Ю не любят, чтобы им отказывали.

— Но это невозможно совершить, — сказал Виктор. — Мы во всем отстаем. У корпорации Цзинь лучшая защита, лучшая техника. Ты не сможешь войти и взорвать там все. Не все мы ищем опасность, Чжоу, для острых ощущений.

Я вскинул брови.

— Цзинь убил маму Аруна, Вик.

Виктор скривился, словно я ударил его в живот. Я знал, что он любил доктора Натарай, как и я. Подавив вину за то, что я говорил так смело, когда все мы горевали, я продолжил:

— У нас есть доказательства, что он подкупал членов законодательного юана, чтобы Тайпей оставался загрязненным, чтобы он продолжал получать прибыль со своими костюмами. Ценой жизни мэй. Мы можем что-то сделать, — я ударил кулаком по кофейному столику, Линь И вздрогнула от резкого звука, Арун крепче сжал кулаки. — И что, если все против нас? Мы попытаемся исправить это. Мне надоела беспомощность.

Только Айрис не отреагировала на стук моего кулака, она снова села возле Линь И, прижалась к ее стулу, как кошка.

— Я согласна с Чжоу, — просто сказала она.

Я пытался скрыть удивление.

Айрис была бесстрашной, но не импульсивной. Ее любовь и верность Линь И могли сравниться только с ее любовью к Тайпею. Она была сиротой с неясным прошлым, она была сильно привязана к городу. Я знал только это. Она бродила по нему каждый день и заявляла, что только это в ее жизни постоянно.

— Цзинь — грязь. Убийца, — сказала Линь И после паузы. — Но мы будем не лучше, если взорвем корпорацию и убьем невинных людей, чтобы остановить его.

— Никого не должно быть в здании, — я крутил нож в руке. — Мы можем как-то это устроить.

— Нам нужны миллионы только на оборудование, — сказал Виктор. — А еще прорваться в корпорацию. Это невозможно. И мы будем рисковать жизнями. Ради этого стоит умереть?

Я окинул комнату взглядом. Айрис была согласна. Арун сжимал зубы, его колено продолжало покачиваться. Словно ощутив мой взгляд, Арун поднял голову.

— Я в деле. Разберемся с гадом.

Я не сдержал улыбку. Мы с Аруном стукнулись кулаками.

Виктор вжался в кресло, скрестил руки и с недовольством вытянул ноги перед собой.

— Ты всех нас погубишь, — пробормотал он.

— Может, все не так невозможно, — Линь И сняла черные очки и взглянула на нас. — Думаю, у нас получится. Я могу получить доступ к системе безопасности корпорации. Просто потребуется время и хороший план атаки.

Время, хороший план и боги на нашей стороне. Чтобы звезды соединились и правильно дул ветер. И нам нужно было кучу денег, как и сказал Вик. И тогда будет крохотный шанс на успех. Я ощутил покалывание от волнения.

— Я не вижу другого способа бороться с ним, — я провел большим пальцем по холодной рукоятки ножа, а потом с вызовом посмотрел в глаза Вика. — Он не просто ненасытный, он убийца. Его нужно остановить.

Я посмотрел на Линь И. Если она согласится, остальные последуют.

Она кивнула.

— Тогда начнем строить планы, — сказала Линь И.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕСЯЦ СПУСТЯ ПОСЛЕ ПОХИЩЕНИЯ

Июльский зной не мешал молодежи Тайпея ходить в поисках развлечений и побега ночью пятницы. Прохожие двигались вокруг меня, многие потягивали чай и соки, узкие бутылочки поддерживали холодную температуру. Густой затхлый воздух вонял духами, сигаретами и выхлопными газами. Все были без масок, хотели показать черты, а не скрывать их. Чтобы флиртовать губами, целоваться. Но тьма меня не обманывала, воздух все еще был ядовитым. Даже если мы не видели коричневую мглу, она окутывала наш город, озаренный неоном.

Я прошел угол «7-Элевен», стеклянные двери открылись для группы подростков, что могла только походить по магазину. Поток холодного воздуха добрался до меня, двери закрылись. Группа — три девушки и двое парней, их волосы были цвета фуксии и лиловыми — присоединились к друзьям, что уже были внутри, потягивали дешевое пиво и курили сигареты, что были еще дешевле под большим вентилятором, который выдувал гадость в

ночное небо.

Бедняки жались у дорог, у задний или лежали как больные псы. Они хрипло бормотали, просили еду, монеты, воду, лекарства, одежду — что угодно. Они были готовы облизывать жир с обертки от жареной курицы, если ее бросить им.

Женщина с грязными волосами и пустыми глазами не могла даже протянуть руку, даже поднять ее. Ее ладони лежали, как грузы, на ее грязном платье. Я был так голоден поначалу. Эта пустота терзала все внутри. Но она страдала не только от голода. Я полез за кошельком, которого не носил с собой годами, пока мы не получили свою долю от похищения. Я бросил стопку купюр на колени больной женщины. Она не заметила, а мужчина рядом с ней — да. Он смотрел на меня слишком большими глазами на исхудавшем лице. Я бросил остаток купюр ему. Он забрал деньги, снова и снова кланяясь.

Теперь я был богатым. Мне не хватало на ю-костюм за двадцать миллионов, но я был богаче, чем представлял возможным. Но помощь больным мэй никак не подняла мне настроение. Их существование не было сердцем болезни Тайваня, это был ее симптом.

Запах испеченных булочек и жареных сосисок от тележек с едой смешивался с запахом мочи и рвоты, пока я шел по узким темным улицам, полным больных мэй. Мне не нужно было видеть их, чтобы знать, что они были здесь. Мой желудок сжимался от вони. Горло пересохло, я хотел бы выпить ледяного пива. Чтобы прогнать отчаяние.

Скоро.

Я встречался с Виктором, чтобы обсудить планы и все, что нужно было, пока он не стал изображать богатенького ю.

Я ускорил шаги, по крытым переходам и людному перекрестку я направлялся в нужную сторону. Холодный голубой неон здания «Рокарок» не разгонял давящий жар летнего вечера. Здесь обеспечивали лучшее во всем Тайпее развлечение симуляцией, роскошные номера могли исполнить любую прихоть. «Рокарок» был основным местом, где по вечерам собирались ю. Если у вас было много денег, номера можно было снять надолго, начиная с 250 тысяч долларов в неделю. Синие и красные лазеры вырывались из окон высокого здания из стекла и стали. Проектор на крыше светил на мутное небо Тайпея, создавая неоновозеленые Р и К.

Виктор следил там за сделкой с богатым клиентом. Анонимно, но о его присутствии знали те, кто работал на него, на случай, если что-то пойдет не так. Он никогда не имел дела с наркотиками, но справлялся со всем остальным. Линь И рассказывала мне, что как-то у Вика был десяток новых сумочек до того, как они появились в ведущем магазине Парижа, и это создало жуткую суету ю-девушек и их мам.

Воздушные машины и мопеды скользили сверху, ныряли в частный гараж «Рокарок» для ю на двадцать этажей выше нас. Им не нужно было ступать по грязному тротуару, если они этого не хотели, они могли избежать бедности и болезней, среди которых жили мэй каждый день. Я прошел на первый этаж, поправив маску на лице и натянув кепку ниже. Я знал план фойе по фотографиям в андернете.

Мутные стеклянные двери закрылись за мной, я словно шагнул в другой мир. Воздух был прохладным, шум улиц сменился нежными нотами Моцарта, которого играли на большом пианино в центре фойе. Я вдыхал чистый регулируемый воздух и шел по мягкому ковру к лифтам. Огромные люстры висели с изящно изогнутого потолка, отбрасывая мягкий приглушенный свет на все внизу. Услужливых рабочих — молодых женщин и мужчин в пиджаках из парчи — было больше, чем клиентов.

«Рокарок» гордился своими услугами. Заведение кричало о деньгах и классе. Внешний лоск, готовность потворствовать всем прихотям были заметны в частных номерах наверху.

Я ускорил шаги, но молодая женщина догнала меня, за ее плечом парил бар-робот. Ее бледно-розовые губы изогнулись, открывая идеально-белые зубы. Никто из работников не был ю, но в «Рокароке» брали только привлекательных мэй, которые были готовы использовать зарплату на улучшение своего вида. Инъекцию для красивой попы, имплантаты для груди. Линь И рассказывала нам, как она встретила красивую женщину, работающую в «Рокароке», и та меняла свое лицо, по одной черте за раз, чтобы быть похожей на Миньмэй, самую сексуальную певицу Тайваня. Это помогало получить больше денег. Она рассказывала это Линь И с широкой улыбкой.

— Чем могу помочь, сэр? — работница склонила голову.

— У меня назначена встреча, — сухо сказал я. — У меня есть код доступа.

— Я могу предложить вам угощение, сэр?

Робот гудел за ней, голубые кнопки сверкали, словно он хотел услужить.

— Я бы убил за холодное пиво, — сказал я.

Она на миг поджала губы.

— Прошу прощения, сэр. Мой робот предоставляет только вина. Но я могу подзвать коллегу...

— Забудьте, — я не хотел застрять в фойе. Даже со скрытым лицом я не хотел, чтобы меня видели. — Я закажу в номере.

Женщина изящно склонила голову.

— Наслаждайтесь вашим пребыванием здесь, — мелодично сказала она. — «Рокарок» даст вам все, что вы хотите, — она снова улыбнулась и ушла.

Я добрался до золотых лифтов без помех и ввел по памяти код доступа, что прислал мне Виктор. Зеркальный интерьер был вычурным, как и все в здании, на потолке был позолоченный иероглиф богатства. Быстрый подъем на двадцать третий этаж закончился приятным звоночком. Я искал цифры на красных дверях, прошел пьяного ю-подростка с синими волосами. Он радостно помахал мне и крикнул:

— Эй, тут вечеринка!

Я не ответил, но он намека не понял.

— Комната два-три-шестнадцать! Все уже оплачено!

Твоими родителями. Я завернул за угол и побежал по коридору, который был таким же, как предыдущий. Остановился я у номера 2338. Дверь открылась раньше, чем я смог ввести код, Вик втащил меня за руку. Я прошел в комнату.

— Боги, Виктор, — я выпрямился. — Я тоже рад тебя видеть.

— Почему ты не отвечаешь на мои сообщения? — прошипел Виктор. Он покрутил серебряную цепочку на воротнике идеально выглаженной рубашки, сверля меня взглядом.

— У моего Вокса кончилось топливо, — хорошо, что я запомнил коды. Я оглядел номер с мягким диваном и такими же креслами. Небольшая люстра, похожая на те, что висели в фойе, озаряла богатую комнату с деревянными панелями. Два цилиндрических закрытых кокона были по краям от экрана на стене. Я никогда не пробовал сам, но Вик говорил, что к ним прилагаются сим-костюмы, игроки в таких коконах получали незабываемый опыт.

Два костюма висели на спинке дивана. Это место ужасно отличалось от бетонной мастерской, которую я снимал последний месяц.

— Что такое?

Виктор схватил меня за воротник рубашки и встряхнул. Я оттолкнул его, удивляясь, а не злясь.

— В чем дело? — спросил я.

Он пригладил волосы рукой, но все уложенные пряди и без того были на месте.

— Четверо мужчин ходили по «Рокароку» и спрашивали о тебе.

— Что?

— Я пытался предупредить тебя не приходить сегодня. Держаться подальше, — он недовольно захрустел костяшками. — Но ты, балда, не потрудились зарядить Вокс.

— Кто эти люди? Ты говорил с ними?

Виктор смотрел на монитор, показывающий пустой коридор за нашей дверью, а потом повернулся к экрану на стене с пультом, показывая сима в полный человеческий рост. У нее были длинные каштановые волосы, милое азиатское личико и белый топ, не скрывающий ее торчащий бюст. Удивительно, но нижняя половина ее была от золотистой кобылицы. Вик собирался играть с ней, надев сенсорный сим-костюм?

Я не спрашивал.

— Нет. Мне сообщили мои источники, — он плавным движением вытащил Ладонь из кармана брюк и показал мне экран. Там было мое изображение со светлыми волосами до плеч, как было во время похищения. Картинка была не совсем правильной, глаза у меня были не такими, как и форма носа и лица. Я словно смотрелся в кривое зеркало. С того времени я остриг коротко волосы и вернул им изначальный черный цвет.

— Как такое возможно...

— Может, телохранитель тебя описал, — сказал Вик, убирая прибор.

— Нет. Тот дым стирал память.

— Тогда подруга. Низкая девушка, которую ты описывал...

Я покачал головой.

— Я был к ней спиной во время нападения, а потом бросил дымовую бомбу. Если она и видела меня, то только в профиль на секунду.

Виктор недовольно выдохнул.

— Значит, кто-то еще тебя видел. Может, успел снять смазанную фотографию, — я таким его еще не видел и понял, что он переживает. Потому он так злился. — Час назад они были на двадцать втором этаже, поднимались, — он ударил кулаком в раскрытую ладонь. — Хорошо, что вы не столкнулись в коридоре.

— Слушай, прости, что я был офлайн...

Он отмахнулся, возвращаясь к привычной манере.

— Забудь. Ты скрывался, но теперь нужно быть еще осторожнее. Это убийцы...

Громкий стук напугал нас, мы одновременно развернулись к монитору.

— Мы знаем, что эта комната занята, — сказал грубый мужской голос. — У нас есть разрешение от «Рокарок» задать вам пару вопросов, — четверо мужчин в черном стояли в двери. Тот, что стучал, был низким и худым, другой за ним был огромным, двое других были высокими и тонкими. Опасно. Они напоминали мне острые лезвия.

Я выхватил за секунду свой нож-бабочку и раскрыл пятидюймовое лезвие. Виктор едва слышно выругался и нажал кнопку на пульте. Его сим-девушка склонилась, сняла топ, открывая груди, чтобы были лучше, чем я представлял. Она рыла землю копытом и отбросила густые волосы.

— Поиграем, мой мальчик, — сказала она томно и покачала лошадиным крупом.

Я раскрыл рот, а Виктор толкнул меня к стене из стекла.

— Выбирайся.

— Я могу спрятаться в ванной, — я закрыл нож и спрятал в карман джинсов.

— Нет, — ответил он. — Ванную они проверят. Я бы проверил, — он нажал больше кнопок на пульте. — Тебе придется выбираться на карниз.

Я уставился на него. Всегда собранный Виктор был не в себе.

— Здесь нет окон.

— Одна панель открывается, — сказал он. — Я добился этого очарованием одной из работниц. Нужен лишь особый код. Меры безопасности, — стеклянная панель в дальней части комнаты отъехала, шум улицы донесся до нас, как и влажный воздух. — Быстро!

— Мы на двадцать третьем этаже! — возмутился я.

— Ты умеешь лазать, — он толкнул меня к бреши. — Стой там, пока я не втащу тебя обратно.

Я чуть не рассмеялся из-за абсурдности.

— Это дурдом.

— Так ты оттуда, — сказал Вик. — Мы не можем рисковать.

Еще стук. В этот раз громче.

— Открывайте!

Я не мог переубедить Виктора. Другого выхода не было. Я осторожно выбрался на металлический карниз в фут шириной, стекло тут же закрылось за мной. Окна стали мутными, их поверхность пересекали синие и красные лазеры. Я смотрел на горизонт и прогонял панику. Не смотреть вниз. Я подвинул ноги, чтобы быть возле металлического разделителя номеров, что выпирал на двенадцать дюймов. От влажного воздуха кожа стала липкой, но я был благодарен, что ветер сегодня не был сильным. Пот катился по спине, я боролся с кашлем, глаза слезились от усилий. Кашель, даже чихание могли привести к падению. Я прижал ладонь к стене и нашел сбоку круглый металлический крюк. Боги. Я обхватил его пальцами так крепко, что ногти впились в ладонь.

Гул воздушных машин и мопедов, влетающих в гараж на пару этажей ниже, поднимал наверх жаркий воздух. Я надеялся, что они не пролетят слишком близко, чтобы заметить меня и вызвать охрану. Руки, сжимающая крюк, была скользкой от пота, влага собиралась у моих волос и стекала по лбу.

Я моргал, держался, боролся с покалыванием в горле, потом, жалившим мои глаза. Я сосредоточился на рекламе, играющей на доске на крыше напротив меня. Время тянулось. Может, прошло всего пару минут, я не знал, но ощущалось как несколько часов.

Мимо пролетел грязный голубь, я ощутил взмахи его крыльев. Тело дрожало, напряженное слишком сильно. Маниакальный смех сорвался с губ, раздражая мое сухое опухшее горло, и я этот миг за мной открылась панель с потоком холодного чистого воздуха. Виктор обхватил рукой мой пояс и втащил в помещение. Я упал кучей без костей на ковер. Панель закрылась, оставив шум и жару снаружи.

— Ты в порядке, дитя? — Вик сидел рядом со мной, ладонь лежала на моем плече.

Я рассмеялся, тело дрожало. Он был старше всего на полгода, но использовал это как свое преимущество, каждый раз напоминая об этом, словно назойливый старший брат. Мне нравилось это в нем. Вик был собранным, но знал, что значит быть изгоем. Он сам сделал свой успех, он прогрыз путь на вершину. Мой смех превратился в хриплый кашель.

— Пить? — попросил я, задыхаясь. Но он меня словно не слышал. Я встал, шатаюсь,

поворчал на робота-бармена, тот подлетел и дал мне ледяную бутылку пива. Я выпил половину двумя глотками, наслаждаясь тем, как жидкость текла по горлу. Кожу головы покалывало.

Виктор все еще сидел на коленях, его загорелое лицо было бледным.

— Что случилось? — я еще не видел, чтобы он открыто выражал страх, и это меня настораживало. — Они издевались над тобой?

После долгой паузы он поднял голову.

— Нет, — Вик выпрямился, но не пригладил волосы и не поправил дорогие манжеты. — Мы весело пили и играли в сим-костюмах. Я очаровал их. Они меня полюбили.

Я пожал плечами. Виктор всегда выезжал на своей харизме.

— Отлично. Лучше получить от них информацию.

Виктор помрачнел.

— Они ушли. «Рокарок» разрешил им ходить из номера в номер. Это неслыханно.

— Что они сказали? — я прислонился к спинке дивана, ноги все еще дрожали.

— У них есть только плохое изображение тебя. Они сочинили, что ты убийца, больной социопат.

Я фыркнул.

Виктор смотрел на экран Ладони.

— Глава дал мне информацию о себе. Сказал, что его босс хочет разобраться с тобой, — явно убить.

Я встряхнулся, пытаюсь избавиться от жуткого ощущения.

— Отлично, — сказал я и опустился на диван. Я смотрел на экран на стене.

— Что за...?

Сим-девушка Виктора превратилась в полногрудую голубоглазую блондинку с тремя парами огромных грудей на теле. То, что она стояла, отрицало гравитацию. Два изогнутых рога торчало из ее лба, а нижняя часть тела была от белой козы.

— Вик, я начинаю переживать за тебя.

Он не смеялся, даже не улыбнулся. Он сел рядом со мной и скрестил длинные ноги.

— Я Виктор.

— Так ты звучишь как дедушка.

— А «Вик» звучит как имя подростка-оборванца, — он смахнул что-то с рукава дорогой рубашки и кивнул на экран на стене. — Это отвлечение. Один из этих идиотов хотел попробовать создать персонажа. И они немного отвлеклись от задания.

Я ухмыльнулся, вдруг все понял и сказал:

— Ты это планировал. Потому показал ту обнаженную сим-пони.

— Конечно.

Мы сидели какое-то время в тишине, смотрели на странное поведение сим-девушки, ее короткий хвост радостно покачивался. Это было удивительно, но завораживало.

— Говорят, деньги не могут купить счастье, — сказал Виктор, выключив экран. — Но ю-дети пытаются. Они тратят и тратят. А когда им мало, они погружаются в сим-мир и создают то, что хотят.

Я раскрыл нож-бабочку, закрутил его в знакомом ритме.

— словно быть богатыми им мало, — моя рука все еще подрагивала.

— Ты не знаешь, как часто ю-детей увозят в больницу, потому что они пересидели в сим-мире, — сказал Виктор. — Несколько умерло. Врачи назвали это сим-болезнью.

Я пожал плечами, не сочувствуя их проблемам, ведь мэй умирали на улицах возле их сияющего мира на вершине. Потому что им было скучно? Потому что они не могли отыскать смысл своих жизней?

— Что теперь? — спросил я.

Он покачал головой, выглядя утомленно.

— Придется отменить все, — он поднес к губам стакан виски, его рука дрожала так сильно, что лед бился о стекло.

— Что? — я уставился на него, пытаюсь понять. Почему он вдруг так испугался?

— Я не пойду как ю, — сказал Вик. — Я пас.

— Нам нужно кого-то внедрить. Только ты из нас можешь...

— Нет.

— Почему?

— Позвоним Линь И, — сказал он. — Ей нужно узнать.

— Если ты уходишь, всем нужно знать, — я полез за Воксом, чтобы позвонить группе, а потом выругался. Я забыл, что он разрядился.

Виктор вытащил Ладонь.

— Я созову собрание...

— Сейчас, — сказал я, сверля его взглядом.

...

Линь И прибыла сорок минут спустя, за ней тенью шла безмолвная Айрис, и номер наполнил ванильный аромат Линь И.

— Вас даже на одну ночь нельзя одних оставить? — спросила Линь И. Ее волосы были собраны назад, большая оранжевая маргаритка была прикреплена к ним.

— Видимо, нет, — сказал я.

Она села, поправила короткое летнее платье с геометрическим ярким узором.

— Что случилось? — спросила она, сняв маску.

Айрис прошла к сим-костюмам и коснулась одного со сдержанным любопытством. Она была в черных перчатках, не скрывающих пальцы, как и всегда.

Вик порывлся в Ладони и склонился, показывая Линь И картинку. Она посмотрела на изображение и на меня, а потом опять на экран.

— Сходство вижу, — сказала она. — Откуда у них это?

— Мы не знаем, — ответил я.

Кто-то постучал, мы с Виктором вздрогнули. Айрис вскинула бровь и прошла к двери, посмотрела на монитор.

— Это Арун, — она открыла тяжелую дверь, и он вошел, кивнув в приветствии.

— Что за срочная встреча? — спросил он, опускаясь на длинный диван рядом с Виком.

Линь И показала ему картинку на экране.

— Чжоу кто-то засек.

Арун рассмотрел изображение.

— Могло быть хуже. Сходство есть, но это не точная фотография, — он зевнул. — Я вылез из кровати ради этого? Мне работать в лаборатории с утра пораньше...

— Ты здесь, — сказал Виктор, — потому что нам нужно свернуть все действия.

Линь И издала горлом звук, Айрис устроилась на широком подлокотнике мягкого кресла Линь И и смотрела, не мигая, на Виктора, как кошка на добычу. Айрис не сняла маску и сейчас напоминала ниндзя.

— Почему? — сказала Линь И после тяжелой паузы.

Виктор вздохнул и забрал у Аруна свой прибор.

— Я узнал лидера группы. Это правая рука Цзинь.

— Цзинь? — одновременно сказали мы с Линь И.

— Да. Его называют Да Гэ, но такого старшего брата никому не захочется, — сказал Вик. — Он возглавляет охрану Цзинь, но готов и сам выбить дурь из кого-нибудь или дать одному из своих нож и убить человека в темном переулке. Я слышал, что он ответственен за убийства при свете дня в толпе, и никто не может повесить это на него. Власть и богатство Цзинь защищают его.

— Это наш мистер Ву? — спросил тихо Арун, но я уловил сталь в его голосе. Ву, который убил его мать.

Напряжение в комнате собралось мгновенно, словно выстрелил пистолет.

Вик провел ладонью по лицу.

— Не знаю. На Цзинь работает много людей. Он вполне может отправлять своих людей чтобы... чтобы... — Виктор хрустнул костяшками. — Прости, Арун. Я не знаю.

Арун кивнул, но не смотрел нам в глаза, он разглядывал свои черные ботинки, ладони были сцеплены перед ним.

— Так Цзинь раскрыл нас? — сказала Линь И. — Потому ты хочешь остановиться?

— Да Гэ теперь меня знает. А он много времени проводит рядом с Цзинь, — сказал Виктор. — Я никак не смогу притвориться ю. Он узнает меня и полезет искать все обо мне, а нам это не нужно. Я назвал ему ненастоящее имя, под которым недавно расплачивался. Выбора не было.

«Рокарок» гордился тем, что скрывал клиентов. Пока у тебя был код к лифтам, ты был ценным гостем. Виктор платил онлайн, не общаясь лично с работниками «Рокарок», оставаясь анонимом. Это не имело значения, пока ты мог позволить себе номер.

— Но я не ожидал допроса лицом к лицу, — продолжил Виктор. — Если бы я был богат, как ю, люди Цзинь меня бы уже знали.

Арун выругался.

— И больше никто не может занять твоё место. Меня хорошо знают в университете...

— И ты сын доктора Натарай, — закончила Линь И. — Все знают меня как дочь известного хакера, и отец ещё возглавлял службу безопасности Фортун. А Айрис... она скорее убьёт кого-то первым.

Айрис плавно вытянула руки над головой.

— Этот вариант всегда проще.

Я думал, она шутит, ведь с Айрис понять было сложно, но никто не смеялся. Вик был прав. Его прикрытие разбили до начала. И больше никто не мог...

— А я? — сказал я.

Линь И пронзила меня таким взглядом, что он мог меня порезать.

— Нет.

— Почему? — я смотрел ей в глаза с вызовом. Мы знали друг друга, когда мне ещё было тринадцать. Линь И подружилась со мной в магазине подержанных книг вскоре после смерти моей матери. Она была старшей в нашей группе девятнадцати лет. Линь И была боссом. Но я не всегда соглашался с ней и послушно все выполнял.

— У них есть твоё изображение, Чжоу, — сказала она.

— Плохое...

— Я тебя узнала в нем.

— Потому что ты знаешь меня, — ответил я. — Тебе слишком нравится это лицо.

Айрис и Виктор хором фыркнули, а потом с подозрением посмотрели друг на друга.

— Виктор сказал, что Да Гэ — не дурак, — сказала Линь И. — Он свяжет...

— И мы просто сдадимся? — я вскочил с кресла и принялся расхаживать перед друзьями. — После того, как я рисковал жизнью, похищая ю-девушку? Зачем нам тогда все эти деньги? Мы их вернем? — выпалил я.

— Можно анонимно пожертвовать их...

— Я прервал Линь И резким смешком.

— Пожертвовать? Это как-то поможет ужасам Тайваня? — я повернулся к Аруну. — Разве этого хватит, чтобы произошли перемены, о которых мечтала твоя мама?

Он отпрянул, словно я ударил его по лицу. Мне было все равно, меня питали смутение и гнев, они прожигали дыру в моей груди.

— Это не честно, Чжоу, — сказала Линь И.

— Дело не в честности, — я опустил в кресло, потому что Айрис начала разминать пальцы, опасность скрывалась в ее темных глазах, она следила за мной. Вряд ли я одолел бы ее в бою. Я знал, что у меня не было шанса. Против моей силы у нее были ловкость и скорость. Айрис всегда была с Линь И. — Я не хочу больше стоять в стороне. Это ужас.

Мы долго сидели в тишине. Серебряный робот-бармен парил между нами, предлагал напитки, словно пытался нас успокоить.

А потом Арун сказал:

— Нет.

Мы перестали пить алкоголь.

— Пожертвований не хватит, — сказал Арун. — Мама пыталась действовать законно, и куда это ее привело? К убийству, — он судорожно вдохнул, от его ярко-рыжих волос он только казался уязвимее. — Стоит придерживаться плана. Нацелиться на Цзинь.

— Да Гэ нужно лишь ввести лицо Чжоу в опознавательную системы, сопоставить со своей картинкой, и это будет конец игры, — сказала Линь И.

Мы знали, что это означает не конец операции, а мою смерть. Мысль о смерти не пугала меня. Я видел ее достаточно раз в своей жизни. И если это заткнет Цзинь, то можно было рисковать всем.

— У меня есть лучшая опознавательная программа на рынке, — сказал Вик. — Поглядим.

Он встал и направил Ладонь на мое лицо, на пару секунд меня озарил зеленый свет, а потом он ввел какие-то команды. Мы ждали. В номере вдруг стало слишком жарко, мои ладони стали влажными от пота.

— Ничего, — улыбнулся через минуту Вик. — Программа не видит сходства между фотороботом и сканом лица Чжоу.

— Значит, я в деле, — торжествовал я.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил Арун. Мы выжидающе посмотрели на него. — Цзинь послал их за тобой, — сказал он. — Он как-то вовлечен в это. Он хочет твоей смерти. Может, он связал тебя с, — он сглотнул с болью, — моей мамой.

— Блин, — проворчал Виктор, — это как посылать беднягу Чжоу в логово льва.

Я был слишком отвлечен появлением мужчин, прогулкой по карнизу и смертью доктора Натарай, чтобы заметить очевидную связь.

— Риск слишком велик, Чжоу, — Линь И сжалась, словно у нее болел живот. — Если с тобой что-нибудь случится...

Айрис сжала ее плечо, глядя на меня прищуренными глазами.

Линь И была мне старшей сестрой уже почти пять лет, убеждалась, что мне есть где безопасно спать каждую ночь, что я не голодаю. Она делала так со всеми в группе, заботилась о нас, даже о Викторе, который, как я подозревал, был в тайне влюблен в нее. Я знал, что она была с Аруном каждый день после смерти доктора Натарай, помогала ему с документами, проверяла, чтобы он ел, чтобы на кухне была еда.

Ее семья сбежала в Китай, и семьей для нее стали мы. Стали ее ответственностью.

Я подошел к Линь И, протянул раскрытую ладонь. После долгих колебаний она обхватила мою ладонь.

— Я хочу сделать это, — сказал я. Потому что больше некому, а Цзинь нужно остановить. — Но мне нужна ваша вера в меня. Ваша поддержка.

Она посмотрела на остальных в номере. Арун был мрачным, но кивнул. Вик смотрел на меня с невероятно серьезным видом.

— Думаю, Чжоу справится.

Линь И посмотрела на свой пустой стакан от ром-колы. Я знал, что она нервничала, ведь она редко пила.

— Хорошо, — сказала она. — Если ты уверен, Чжоу, то я тебя поддержу.

— Я пушу слух, что парень, которого они ищут, уехал из страны, — сказал Виктор. — Следующие месяцы будь тише воды, Чжоу.

Линь И кивнула.

— Я успею продумать твою личность ю. И придется ждать твой костюм.

Ю-личность и костюм. Они представляли все, что я презирал: алчность, вычурность, эгоизм, и этому потакала корпорация Цзинь. Я собирался стать тем, что хотел уничтожить.

— Звучит неплохо, — сказал я.

Айрис встала с подлокотника и остановилась передо мной. Кроме Линь И, она редко так близко подпускала кого-то из группы. Я не знал, чего ждать.

— Ешь, — сказала она.

Я рассмеялся. Мне не нужно было повторять. Мне никогда не хватало денег, чтобы купить все, что я хотел съесть, но обычно меня это не расстраивало.

— Ладно... — ответил я.

Она с силой сжала мой бицепс, я мог скривиться. Но сдержался.

— Накачай немного мышц, — сказала она. — Это поможет.

Я видел, как за ее спиной посмеивается Виктор, и боролся с желанием ударить его.

— Понял, — сказал я вместо этого.

Айрис удовлетворенно кивнула и бесшумно отошла к окнам во всю стену. Она смотрела оттуда на горизонт Тайпея, озаренный неонами.

Все должно было идти не так, но жизнь никогда не шла так, как я планировал. Я покрутил свой нож.

— Так и сделаем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Район Симэньдин оживал, а я спешил от него прочь. Загорались неоновые вывески,

витрины окружали золотые и красные огни, на экранах на всех высоких зданиях показывали рекламу, они как птицы пытались привлечь внимание яркими перьями. Появлялось все больше воздушных машин и мопедов, они направлялись на вечеринки, некоторые горели так же ярко, как здания вокруг. За пятнадцать минут район подготовился к вечеру. Сладкий аромат готовящегося омлета преследовал меня, пока я шел по переулку, избегая большой толпы людей, выходящих из станции метро.

Я долго был в своем влажном убежище, так что не привык к толпам, толкающимся ради личного пространства. Мои набеги за последние три месяца всегда были после полуночи, я ходил по почти пустым улицам. Влажный воздух пах потом и дымом, в нем была странная тяжесть, которая бывала только в сезон тайфунов.

Бетонные здания давили, фасады были покрыты грязью за десятки лет, их окна и балконы были закрыты металлическими прутьями. Еще несколько поворотов, шум остался позади, как и свет. На влажной узкой улице не было фонарей, я легко мог заблудиться, если бы не знал, куда идти. Но я знал. Линь И созвала собрание на новой штаб-квартире. Доставили мой ю-костюм.

От мысли об этом я ощутил волну тревоги и волнения.

Я замер перед одним из серых зданий с боковым входом на углу, отмеченным красной черепицей. Ржавый почтовый ящик был прикручен слева от двери. Он был пустым. Я чуть не врезался в лиловый велосипед, прислоненный в стене, белая большая корзинка была прикреплена к рулю, это было новым. Я улыбнулся. Арун уже был здесь. Я взбежал по узкой лестнице и добрался до тупика на площадке третьего этажа. Я с силой постучал кулаком по ветхой деревянной двери. Тусклая лампа мерцала надо мной.

— Да? — послышался изнутри приглушенный женский голос.

— Это я, — сказал я.

Тишина. Я знал прекрасно, что она видит меня в скрытую камеру, что была на узкой площадке. Послышался скрежет многих засовов, дверь медленно открылась. Линь И выглянула из-за нее и растерялась.

Я невольно улыбнулся.

— Что?

— Ты поздно, — сказала она.

— Да. Что поделать, — я прошел мимо нее к штаб-квартире.

Дверь закрылась за мной со щелчком, а потом засов механически скользнул на место. То, что снаружи выглядело как старая деревянная дверь, внутри было стальным, вполне могло быть пуленепробиваемым. Вся штаб-квартира была в стали, могла пережить бомбежку.

— Эй, Чжоу, — Арун поднял голову в приветствии и встал с кресла. Мы стукнулись кулаками, он свободно обнял меня. — Мы скучали.

Я не видел их какое-то время, поддерживая коммуникацию через Вокс.

Виктор поднял ладонь, он сидел на кожаном кресле-мешке, длинные ноги в темно-серых брюках были вытянуты перед ним. Слишком крут, чтобы встать и поприветствовать меня.

— Когда я сказал сделать себя редким, я не думал, что ты воспримешь это буквально.

Линь И обняла меня, крепко сжав. Я напомнил себе обвить ее руками в ответ. Я давно не был так близко к кому-то.

— Все готово, — она отодвинулась, разглядывая меня. — Рада тебя видеть.

Она прошла к своему МакФолду, ее густые пурпурные волосы, остриженные в каре, раскачивались. Она была в бледно-зеленом топе и белых шортах, я заметил, что Виктор любит ее, когда она устроилась на стуле. Бедняга. Это было безнадежно.

Это место было пустым, кроме большого стеклянного стола, за которым сидела Линь И, когда я приходил сюда два месяца назад. С тех пор друзья добавили сюда свои черты. Линь И выбрала стеклянный стол и мягкие кресла, а кожаное кресло-мешок и современные картины, на магнитах висящие на стенах, были от Виктора, китайские античные чайные столики и расшитый золотом диван были от Аруна. От Айрис здесь были только веревки и поручни на стене и потолке в углу, укрытом подушками, чтобы она практиковала прыжки, карабканье и акробатику.

Виктор встал, пригладил назад волосы и поправил манжеты бледно-голубой рубашки в горошек.

— Готовы, когда скажете, босс.

— Где Айрис? — спросил я. Айрис принесли после того, как она влезла в драку в темном переулке, защитив Виктора от трех идиотов. Вик сказал, что мог бы справиться и без нее. Я не сомневался, он был сильным. Но я не был уверен, что он сохранил бы свое красивое лицо. Виктор не понимал, что проигрывает касательно Линь И этой загадочной девушке, которая почти не говорила с нами.

— Она ушла гулять, — ответила Линь И, губы с розовым блеском изогнулись в улыбке. Айрис с рождения была сиротой, даже большей одиночкой, чем я. И ее прогулки точно были не такими невинными, как это звучало по словам Линь И.

— Почему бы тебе не примерить костюм, Чжоу? — сказал Арун. — Нам нужно убедиться, что все сидит и работает, как надо.

Я смотрел на ю-костюм в прозрачной овальной упаковке в углу, как на безголового астронавта. Шлем был в своей коробке внутри этой упаковки. Мой костюм был светло-серым, озаренным синими неоновыми геометрическими узорами на воротнике и по краям рукавов.

Линь И нажала на упаковке прозрачные кнопки, стекло убралось без звука, как двойные двери.

— Обычно костюм надевают в бутике корпорации Цзинь. Но я не хотела выдавать факт, что это твой первый костюм. Так что я решила, что лучше тебе позволить сделать это лично.

Виктор вытащил костюм из упаковки. Он расстегнул его от воротника, дальше молния шла под рукой и по левому боку. Я сбросил куртку и смотрел неуверенно на костюм. Он представлял для меня все, чем я не хотел быть. Но теперь я собирался притворяться богатым ю-мальчиком, как все они. Отогнав эти мысли, я осторожно забрался в костюм. Виктор застегнул меня. Я думал, что будет тесно и жарко, но ткань была легкой и словно окутала тело.

Линь И подняла шлем.

— Надень его на голову, а потом услышишь, как механизм на воротнике застегнулся. Как только окажешься в шлеме, будешь связан с системой коммуникаций. Пока что я заглушила сигнал твоего костюма, ведь мы в штаб-квартире. Но шлем и костюм должны работать нормально.

Забрав у нее стеклянный шлем, я занес его над головой и подавил внезапную волну паники. Виктор заметил мое замешательство.

— Ты бы лучше скорее привыкал к роли, — сказал он.

— Все будет не так плохо, бро, — сказал Арун. — Ты делаешь это ради нас. Ради нашего дела.

Арун был прав. Я сделал бы все, чтобы уничтожить корпорацию Цзинь. И хотя он не сказал этого вслух, воспоминание о его матери задержалось с нами. Доктор Натарай любила Тайвань почти как мы, потому она так старалась продвинуть реформы. Мы должны были завершить ее работу. Я надел шлем на голову и прижал к воротнику. Я услышал шипение, стекло шлема немного потемнело, и на нем появилась голубая надпись «Добро пожаловать, мистер Чжоу». Я сделал три осторожных вдоха, мои глаза слезились, голова кружилась. Воздух в штаб-квартире фильтровался, но его нельзя было сравнить с чистым воздухом здесь.

— Ты в порядке? — спросил Арун. Его голос звучал четче, словно я не был в шлеме.

Я кивнул ему.

— Сенсоры в шлеме настроены на волны в твоем мозге. Ты можешь управлять костюмом или системой коммуникаций мыслью или голосом, — сказал Виктор. — Начиная каждую просьбу с «команда». Попробуй изменить температуру костюма.

— Команда, — сказал я, в горле пересохло. — Какая температура костюма?

«21 °C/70°F» появилось голубым в нижнем правом углу шлема.

«Команда, — подумал я на мандаринском китайском, — изменить температуру костюма до 68°F».

Команда получена. Понижаю температуру костюма до 68°F.

Голубые слова вспыхнули на китайском на уровне глаз и пропали через три секунды.

— Я установила дополнительно мандаринский для тебя, — сказала Линь И. — Но твой костюм может понимать и переводить много языков, больше, чем ты слышал в своей жизни. Если подумаешь или произнесешь команду на английском, он тоже поймет.

Я поднял руки, посмотрел на ладони, единственную открытую часть тела, а потом сжал руки в локтях, проверяя свободу движений. Я отошел от друзей, толпившихся вокруг меня, вдыхая чистый воздух. Костюм был удобным, и я двигался с легкостью, действия ничто не сковывало. Шлем был неудобным. Он не был тяжелым, не искажал зрение или слух, но я понимал, что я закрыт. Отделен.

— Температура изменилась, — потрясенно сказал я. — Стало холоднее.

— Хорошо выглядишь, — кивнул с одобрением Арун.

Я проехал по полу плавным движением, оттолкнулся пятками и взмыл в воздух. Костюм сидел на мне как вторая кожа.

— Как только он соберет достаточно данных из твоего голоса и мозговых волн, уникальные данные, костюм станет твоим полностью. И будет работать только для тебя, когда ты надеваешь шлем, — объяснила Линь И. — С такой способностью их даже не своруешь.

— Линь И добавила усиленную безопасность по моей рекомендации, — сказал Виктор. — Особенно, для езды на воздушном мопеде. Если упадешь, костюм замедлит падение, а еще выпустит подушку. Это все-таки может спасти жизнь.

— У меня есть мопед? — спросил я, снимая шлем. Он отцепился с шипением. Звук напомнил мне о девушке, которую я похищал, когда она снимала свой шлем впервые. Вдруг в штаб-квартире стало слишком жарко.

Виктор улыбнулся.

— Бюджет не позволил воздушную машину, зато так ты будешь казаться плохишом.

— Ага, мопед был нужен, — сказала Линь И. — Но не другие усиления, которые

предлагал Виктор.

— Что? — ответил Виктор. — Как Супермен?

— Супермен? — сказали мы с Аруном.

— Спроси у него позже. У нас есть темы важнее, — Линь И с предупреждением посмотрела на Виктора. — Арун, твоя мама ударила только по верхушке коррупции. Мы знаем, что Цзинь набил карманы всем, кто мог помочь людям, чтобы не дать этому случиться. А еще несколько влиятельных политиков, которые не могли позволить себе ю-костюмы, теперь в них, — она заправила прядь лиловых волос за ухо.

— Все больше причин разрушить корпорацию Цзинь, — сказал я. — Взорвать к чертям.

— Обсудим все подробности. Начинай, Арун, — Линь И взглянула на меня и кивнула на красное бархатное кресло.

Я опустил лицо к экрану на стене. Основная часть помещения, где мы сидели, ощущалась уютной, жилой, с подушками на сидениях и старыми книгами на длинном столе перед нами. Металлические кулоны геометрических форм висели на разной высоте с потолка, озаряя штаб-квартиру, несмотря на закрытые сталью окна.

Арун щелкнул на своей Ладони, в комнате стало мрачнее.

— Линь И работала над внедрением твоей новой личности онлайн за эти месяцы, Чжоу. Ты учился, как мы тебя просили?

— Я читал больше книг на английском...

— Кто твой любимый американский автор? — перебил Виктор.

— По, — ответил я.

— По! Он странный, — сказал Виктор.

— Мне нравится такое.

— Китайский?

— Цао Сюэцин, — сказал я.

— Романтик, — Виктор устроился на диване рядом со мной и ухмыльнулся.

Я игнорировал его.

Арун повернулся ко мне.

— Чжоу, согласно плану, ты пошел в университет в пятнадцать, ты — гений, — он произнес последнее слово на английском.

— Так что води себя гениально, — добавил Виктор на английском.

— Шутите? Я с тринадцати лет не ходил в американскую школу, — ответил я на китайском. — Я исключен.

Арун отвернулся от экрана и взглянул на меня серьезными карими глазами.

— Ты самый начитанный из всех, кого я знаю. Ты будешь легко обманывать тех испорченных детей.

— Твоя новая личность будет не сильной, — сказал Виктор. — Люди Цзинь ищут рискованного, богатого и глупого преступника. Не образованного ю-парня из США. И я едва узнал тебя, когда ты вошел.

— Что? — сказал я.

— Точно, — ответила Линь И. — Ты будто набрал пятнадцать пудов мышц с нашей прошлой встречи пару месяцев назад, — она сжала мой бицепс, и мое лицо вспыхнуло. — Что ты делал в своем убежище?

Спал до обеда. Оставался взаперти день и ночь, читал романы и комиксы, лазал по андернету. Читал там дневники нескольких ю-парней и ю-девушек, разрываясь между

отвращением и поражением из-за стиля их жизней. А потом в два часа ночи покидал комнату и шел в круглосуточный спортзал, поднимал грузы и лазал по стенам.

— Я стал больше есть, — сказал я после паузы. — И ходить в спортзал глубокой ночью.

— Это заметно, — сказал Виктор. — Ты больше. И бледный, как белый иностранец. Никто не будет искать в тебе светловолосого тонкого парня с той фотографии.

Айрис, похоже, не зря говорила мне набрать мышц. Но я ходил в спортзал, потому что мне нужно было покидать темную комнату, изгонять потом нетерпение ожидания и вымещать гнев на всем.

— Продолжим, — сказал Арун. — Чжоу, ты только закончил обучение как бакалавр по мировой литературе в Беркли по ускоренной программе. Линь И сделала так, что проверяющие убедятся в правдивости этого.

На стене появилась моя фотография. Мои волосы были чистыми и черными. Вместо поношенной черной футболки я был в белой рубашке и серой безрукавке.

— Я так не выгляжу, — сказал я, глядя на юношу на экране — клона Виктора.

— Сейчас так и выглядишь, — Арун направил на меня Ладонь. На миг меня озарил зеленый свет, прибор сканировал мое лицо, как Виктор три месяца назад в «Рокарок». Его пальцы заплясали по Ладони. Мое смуглое лицо с острыми скулами и подбородком менялось на наших глазах на экране. Цвет кожи стал бледнее, карие глаза — почти черными, а лицо стало круглее, сглаживая острые углы. Делая меня взрослее.

Они были правы. Я едва узнавал себя.

— Ты сейчас напоминаешь чем-то ю-парня, — сказал Арун. — Если не решишь добавить себе загар.

Вик фыркнул и вытащил платок с монограммой из потайного кармана, чтобы вытереть лоб. В штаб-квартире было достаточно прохладно, чтобы не потеть. Он просто хотел похвастаться аксессуаром.

— Мы-то знаем твои возможности, Виктор, — насмешливо сказала Линь И.

Виктор подмигнул с привычным очарованием, но я не упустил румянец, проступивший на его щеках.

— Мы решили использовать твоё английское имя как вымышленное, — продолжил Арун. — Твоя фамилия достаточно распространена, её можно оставить. Мы сменили день твоего рождения на первое мая вместо двадцать третьего. Лучше далеко не уходить в создании фальшивой личности, — Арун провел пальцем по Ладони. — Так ты будешь убедительнее.

ДЖЕЙСОН ЧЖОУ высветилось на экране рядом с моей фотографией.

Я отпрянул и врезался в плечо Линь И.

Арун вскинул брови.

— Мы правильно поняли, что тебя этим именем называла только мама? У тебя нигде не отмечено английское имя.

— Да, — я сглотнул ком в горле. — Только мама меня так называла.

Она дала мне имя после смерти моего отца. Она никогда не говорила на английском и звала меня Джейсоном только наедине, словно это был наш секрет, пока она читала мне Роальда Даля и Беверли Клири в детстве. Она перевела меня в американскую школу в Тайпее, когда мне исполнилось шесть, дорогую частную школу, которую она могла позволить, только благодаря ежегодным платежам от бабушки с дедушкой из Калифорнии. Они порвали все связи с мамой, когда она забеременела мной в двадцать три и вышла за

моего отца, они признавали ее существование только переводом на ее банковский счет раз в год. Мама никогда не говорила со мной о своих родителях, но даже в юном возрасте я слышал обрывки разговоров, что обрели больше смысла, когда я потерял родителей.

Я ел холодный рис с побегами бамбука и бобовым пюре, потому что было слишком жарко, чтобы разогревать печь. Но я все равно обожал это блюдо. Мы втроем сидели на обшарпанной кухне за круглым деревянным столом, мои ноги висели над землей, и я раскачивал ими.

— Напиши им, проведай их, — сказал отец. Я помнил в отце строгость, а еще как высоко он поднимал меня на руках, как я помещался в его объятия. С папой я был в безопасности. — Они будут рады встретить внука.

Мама отложила палочки и вытерла рот салфеткой.

— Если они отказались видеть тебя, то я отказываюсь видеть их, — тихо сказала она.

Папа обхватил большой ладонью тонкие пальцы моей мамы. Склонился, чтобы поцеловать ее в уголок рта.

В пять лет я был счастлив.

Мы не переезжали из маленькой скромной квартиры, что обеспечивала работа отца на стройке, но он погиб от несчастного случая на работе, и мама все деньги бабушки и дедушки тратила на мое образование. Я учился у лучших учителей английского и мандаринского в Тайпее, у лучших в искусстве и науках. Пока она не умерла. И только тогда бабушка и дедушка из Калифорнии попытались связаться со мной.

Я отказался. Я ничего не знал о них, но подозревал, что они богаты. Я знал точно, что они отбросили маму, и рядом с ней был только я, когда она умирала.

Линь И коснулась моей руки, возвращая меня в реальность.

— Ты в порядке?

Сердце колотилось. Я кашлянул, приподнял уголок рта в своей фирменной беспечной усмешке.

— Мое английское имя подойдет. Я в игре.

Виктор и Арун улыбнулись мне.

Я не обманул Линь И. Мы были близки, но она не заставляла рассказывать, пока я не был готов, и я поступал так же. Я снял ю-костюм, вернул его в упаковку, заняв себя этим, пока друзья общались.

Как-то поняв, что на меня повлияло использование английского имени, она хлопнула в ладоши и сказала:

— Давайте сделаем перерыв и поедим.

Нас уговаривать не требовалось. Линь И потрясающе готовила, и мы, парни, были вечно голодными. Вскоре в штаб-квартире вкусно пахло тушеным бамбуком и тофу.

— Идеальная погода для риса с тофу, — сказала Линь И, помещивая содержимое кастрюли и пробуя на вкус. Виктор стоял рядом с ней и готовил баклажан, возвышаясь над Линь И. — Я запаслась на случай тайфуна, — сказала она. — Придется нам оставаться здесь, если он подует.

Мы с Аруном помогали накрывать на стол, я подавил возражение. Если я не смогу сидеть взаперти несколько дней, я лучше сбегу, чем буду спорить с Линь И. Потому что это никогда не заканчивалось в мою пользу. Виктор нагрузил две большие миски сочным бамбуком и тофу с рисом для всех нас, а Линь И принесла баклажаны в соусе и тушеный шпинат с чесноком. Арун был вегетарианцем, потому мы готовили в таком стиле.

Мы сели и ели какое-то время в тишине, издавая разные звуки, потому что было очень вкусно. Линь И покупала свежие продукты, ведь теперь у нас были деньги, и вкус сильно отличался от того, что мы ели до этого. Но хорошее мясо нынче стоило состояние, большинство мэй не могли себе этого позволить. В эти дни мэй, если у них были силы беспокоиться, надеялись, что от продукта не будет ничего хуже тошноты и диареи. Если иммунитет не срабатывал, вам не везло, и можно было умереть.

Что же случилось с Лао Янь? Потом звучали вопросы.

Он зачем-то съел много той свинины.

— Ты уже смотрела систему безопасности корпорации? — спросил Арун, доев и отклонившись.

— Нет еще, — сказала Линь И. — Я была занята внедрением личности Чжоу онлайн. Но теперь я готова взломать их.

Отец Линь, основатель службы безопасности Фортуны, сбежал в Китай три года назад, когда всплыли его преступления хакера. Он казался невинным, но не было ни одной системы безопасности, которую отец Линь, будучи подростком, живущим в Шанхае, не мог взломать, если нападал на нее. Он один смог тридцать лет назад пробить защиту склада «Apple» в Шэньчжэнь в протест за беспорядки в Китае. Склад тут же обокрали, забрав сотни новинок их продукции, пока здание не закрыли.

Но ее жизнь изменилась так же быстро, как и моя. Дочь выдающегося миллионера, известного в сфере кибербезопасности. Ее отец сбежал с ее матерью и младшим братом в Тайвань посреди ночи. Линь И осталась и выживала, предоставляя услуги с помощью навыков, приобретенных у отца. Она «исследовала» для общего блага, как она любила говорить. Ее способности взлома вызвали бы гордость ее отца. Или он бы отрекся от нее.

Хотя они были богатыми, у них не было костюмов. Линь И рассказывала мне, когда мы впервые встретились, что ее отец презирал корпорацию Цзинь и все с ней связанное. Сайты гудели, когда он отказался обновить и поддерживать систему безопасности корпорации, хотя ему сулили миллиарды за это. Пару месяцев спустя всплыло его прошлое хакера. Тогда это не казалось совпадением, но я понимал, что Линь И думала о том же. Что бы ее отец подумал о ее планах? Линь И осталась, чтобы закончить старшую школу с друзьями, не зная, что решение отрежет ее от семьи. В Тайване ей пришлось скрывать правду об отце. Но каждый день она смотрела, как Тайпей — ее город — разрушается, и люди вместе с ним. Она часто говорила, что скоро останутся только мискоголовые и тараканы.

Внезапный стук заставил всех вздрогнуть. Виктор и Арун потянулись за оружием. Я предпочитал ножи, но успел заметить расслабленную позу Линь И.

— Это Айрис.

Она прошла к одному из двух больших окон, закрытых стальными ставнями, и открыла его.

— Она так делает, чтобы порисоваться, — бросила Линь И через плечо.

Айрис пролезла в окно в штаб-квартиру, что была на третьем этаже. Забраться так высоко для нее было пустяком. Я лазал два года по Янминышань и недавно начал лазать по стенам в спортзале, но не смог бы залезть сюда без экипировки. Айрис выпрямилась, провела ладонью по коротким волосам, короче моих, выкрашенных в платиновый цвет. Она родилась в Тайване, но больше я ничего о ней не знал.

— Я слышала, — сказала она.

Она была в черных широких штанах и топе, открывавшем мышцы ее рук, она выглядела

как героиня боевика. Айрис улыбнулась, и лицо Линь И смягчилось. Линь И улыбнулась в ответ.

— Мы только поели, но еще много осталось.

— Я голодна, — Айрис устроилась за столом рядом с Виктором и поблагодарила Линь И, когда та принесла ей большую миску еще горячего риса с тофу. — Ты богиня, — пробормотала она, поймала ладонь Линь И и прижала к своей щеке. Линь И рассмеялась.

Появление Айрис прервало серьезное обсуждение, все вернулись к обычному разговору, пока она ела, обсуждали грядущий тайфун, из-за которого всем стоило остаться на ночь в штаб-квартире, обсуждали завтрак. Линь И и Виктор составляли меню на утро.

Я молчал и следил за Айрис. Я знал ее два года, но она оставалась загадкой. Ее движения были четкими и точными, как и поведение. Она никогда не делала что-то обычное, ненужное, лишнее. Она была крепкой, потому что долго выживала одна. Так рассказала мне Линь И. Среди нас пятерых она говорила меньше всех.

Доев, Айрис начала убирать со стола. Арун встал помочь.

— Что ж, теперь объедков точно не осталось, — отметил Виктор.

— Я сказала, что была голодна, — заявила Айрис.

— Ты всегда голодна, — ответил Виктор.

— Кто бы говорил! — сказала Линь И.

Мы рассмеялись, как могли смеяться только сытые люди в безопасности теплого дома, несмотря на приближение тайфуна. Я отошел от стола, унес оставшиеся тарелки, а Арун загружал их в посудомоечную машину. Мы с Аруном обсуждали грядущую ночь игр, пока машина гудела. Три минуты спустя мы расставили сухие тарелки на полки на кухне так, как нравилось Линь И.

Виктор заварил всем жасминовый чай, и мы устроились на мягких сидениях с чашками в руках.

— Мы обсуждали новую личность Чжоу, — объяснила Линь И Айрис. Линь И сидела в центре дивана, по бокам от нее были Виктор, придвинувшийся так, что их бедра почти соприкасались, и Айрис, устроившаяся на подлокотнике.

— Я уже подружился с лучшим портным в Тайпее, — сказал Виктор. — У тебя будет полный шкаф одежды. Ю будут задавать меньше вопросов, если ты будешь дорого одет. Больше никаких рваных джинсов и футболок, только от дизайнера. Я подберу тебе лучшие приборы и аксессуары. Ты будешь снаряжен лучше Бонда.

Я склонил голову и подавил стон. Насколько убедителен я буду? Мне нужно было сыграть. Никакого страха. Никакой нерешительности.

Виктор стукнул меня по затылку.

— Ай! — вскрикнул я.

— Неблагодарная зараза. Это все из основного фонда. Я хотел бы вместо тебя сыграть богача. Но я поищу тебе квартиру. Как ее обставить?

— Мне нравятся каменные стены, — сказал я.

— Каменные стены? — Виктор покачал головой. Он явно думал, что играть богача я не могу. — А еще?

Я пожал плечами.

— Кровать, два кресла, стол и кофе-машина?

— Столько денег, а ты будешь жить как отшельник? — Виктор сделал паузу. — Лазающий по стенам отшельник?

Я улыбнулся, все рассмеялись.

— А что мне делать в новой роли? — спросил я.

— Наша миссия — получить как можно больше информации о корпорации, и ты будешь нашей связью изнутри, — сказала Линь И. — Ю в Тайпее мало, ребят твоего возраста еще меньше. Ты — новенький. Они будут заинтересованы.

Арун коснулся Ладони, и экран на стене загорелся снова.

— У Цзинь один ребенок, семнадцатилетняя дочь по имени Дайю. Она была защищена от внимания прессы, отец скрывал ее. Никаких диких вечеринок или сообщений о плохом поведении.

Я опрокинул чашку и расплескал чай на пальцы. Кривясь, я посмотрел на стену и увидел Дайю в красном вечернем платье, ее черные волосы были уложены так, что открывали изящный изгиб шеи. Казалось, кровь покинула мое лицо.

— Подружись с ней, — сказала Линь И. — Она — лучший шанс доступа к корпорации.

— Я узнаю ее, — сказала Айрис. — Я видела, как она приходит и уходит из корпорации Цзинь. Ее возят на белом лимузине.

— Цзинь развелся с матерью Дайю, Ливэнь, выпускницей Кембриджа и ведущей-моделью, — пальцы Аруна сновали на экране Ладони, на стене появились Цзинь и его бывшая жена, прекрасные и ослепительно богатые.

Я вскочил.

— Я не могу. Это она.

Все посмотрели на меня.

— Что?

— О чем ты?

Я отпрянул ото всех и встал перед стеной, чтобы не видеть изображения на ней.

— Я похищал Дайю.

Все захлопали.

— Тебя искали люди Цзинь, — сказал Виктор. — Конечно, нужно было похитить его дочь.

— Но разве это не было бы во всех новостях? — спросил Арун.

Я тоже так думал. Глупый я.

— Я... она сначала позвонила отцу, — я не мог назвать ее имя. — Он не ответил.

Я не говорил им имя девушки, которую похищал. Хотя похищение было частью операции, это было личным делом. Я вызвался сделать это сам, чем меньше друзья знали, тем лучше. Не было необходимости раскрывать личность Дайю. Выкуп был переведен анонимно на подставной счет Линь И. Дайю ушла меньше, чем через сутки.

Я не назвал ее имя, потому что не хотел, чтобы она страдала от унижений.

Я не назвал его, потому что хотел, чтобы память о совместном недолгом времени была только моей. Хоть это и было странно.

Я не назвал его, потому что больше не хотел о ней думать.

— Это было бы сильным давлением, — сказала Линь И после долгой паузы. — Представьте заголовки: «Дочь главы корпорации Цзинь похитили для выкупа — простая мишень в ю-костюме».

— Хочешь сказать, что ты даже не посмотрел в андернете? — спросил Арун с большими глазами. — Ни разу? Ты не знал, что похитил дочь Цзинь?

Я ходил вдоль стены, не глядя на большой экран рядом.

— Нет. Я не хотел знать, понятно?

— Вот тебе и сюрприз, — протяжно сказал Виктор.

— Это все меняет, да? — я коснулся картинки Дайю на экране, она развернулась на всю стену. — А если она узнает меня? А если вспомнит?

— Это невозможно, — сказал Виктор. — Я заплатил за лучшие стиратели памяти у законного поставщика. Никто не должен помнить. Поверь. Я готов поставить на это свою коллекцию запонок. Не переживай.

Арун быстро стучал по Ладони, поиск отображался на стене для всех нас.

— Да. Разные исследования добровольцев за тридцать лет. Никто не помнит период, что был стерт из памяти.

— Они и сон об этом увидеть не могут, — сказал Виктор. — Этого нет. Никогда не было. Поверь, для Дайю ты никогда не существовал.

— Мы можем изменить ему лицо. Положить его под нож, — сказала Айрис.

Я поежился от мысли об изменении лица. Но для миссии я бы это сделал.

— Нет, — ответил Линь И. Она звучала недовольно. — Мы не можем рисковать записями в больнице о Чжоу. И мы потратили слишком много денег и времени на его личность. Мы продолжим так, — она сжала мою ладонь. — Я доверяю тебе. Цзинь не подумает искать похитителя дочери среди ю. Под носом. Играй роль, и все получится.

От этого мне лучше не стало, экран за мной погас, мы на миг погрузились в темноту.

Я закрыл глаза, в голове еще была Дайю, горела под моими веками.

То, что я собирался сделать, было не просто опасным.

Это было самоубийством.

• • •

Поздно вечером небо было так густо укутано серой мглой, что казалось, что можно зачерпнуть пригоршню ладонью. Виктор и Линь И еще работали над моей личностью ю-парня, проверяли записи онлайн и обеспечивали диплом бакалавра. Я хотел насладиться последними днями свободы, даже если не покидал затхлую комнату без кепки, маски и солнцезащитных очков — скрытый и неузнаваемый. Я встречался с Аруном в лаборатории перед тем, как отправиться на ужин. Я не возвращался в университет после того, как мы нашли там маму Аруна в ее кабинете. Я ярко помнил гнев и горе друга, которые остались в нем. Он часто затихал, его бодрое поведение и общительность резко пропадали порой.

Я не знал, что делать в такие моменты, кроме как поддерживать то, на чем он остановился, словно бессмысленная болтовня могла отогнать его горе, словно мои слова могли заполнить огромную пустоту.

Я вошел в большое здание из бетона и стекла, где находились научные и технологические лаборатории, и расписался на столе безопасности. Арун обеспечил мне доступ. Я написал ему по Воксу, пройдя, потому что не знал плана здания, где было много коридоров и поворотов. Но он не ответил. Мне стало не по себе, лед коснулся спины от ощущения дежавю.

Я потянулся туда, где прятал ножи, их вес и твердость успокаивали меня, ощущения обострились. Белые лампы над головой были слишком яркими, омывали коридоры дезинфицирующим светом, что напоминал о больницах и смерти. Все прочные двери были закрытыми, хотя за некоторыми раздавались приглушенные разговоры, когда я проходил мимо. Наконец, дважды обойдя шесть этажей, я нашел лабораторию Аруна. Дверь была закрыта, и я постучал, тревожась так, что не мог стоять ровно.

— Входите, — сказал Арун, и я выдохнул с облегчением, услышав его голос.

Я толкнул тяжелую дверь и обнаружил Аруна обмякшим на стуле, его локти лежали на большом черном столе. Он был в ярко-желтом лабораторном халате, его оранжевые волосы не торчали, а были связаны в хвостик. Комната была с одной стороны уставлена компьютерами и крупным оборудованием, которое я не знал. Здесь было еще три стола с бутылочками и флаконами. Было слышно низкое гудение вентиляторов и машин, не было четко выраженного запаха.

— Я рано? — спросил я, придвигая стул к Аруну.

Он покачал головой.

— Они умерли.

Мой пульс тут же участился.

— Кто? — мой голос прозвучал как крик в пустой лаборатории.

— Мои обезьяны.

Арун коснулся Ладони, экран на дальней стене начал показывать запись. Звука не было, экран показывал Аруна в желтом защитном костюме с закрытой головой. Он стоял перед стеной с шестью чистыми клетками, в каждой была обезьяна. Они лежали неподвижно на полах клеток. Их коричневый мех и пух вокруг мордочек напоминал мне детенышей зверей. Я думал, что они мертвы, но две из них забились в конвульсиях, их рты превратились в черные круги в беззвучном крике, большие карие глаза смотрели невидящим взглядом на свет. По моим рукам побежали мурашки, я подавил дрожь. Я был рад, что звука не было.

— Эти обезьяны были генетически изменены, чтобы у них была схожая респираторная система, насколько это возможно. Я ввел им птичий грипп и проверял своим последним антидотом на следующий день после появления у них симптомов, — сказал Арун. — H5N1 — опасен, шестьдесят процентов случаев смертельно. Но никто из обезьян не выжил. Наноботы отбились, мой антидот убил их.

— Ты создавал антидот от гриппа? — удивился я. Я знал, что Арун умный, он был из семьи выдающихся ученых, но это было неожиданно.

— Не только от гриппа, — ответил Арун, потирая точку меж черных бровей. — Я создаю наноботов, что должны уничтожать вирус. Останавливать его, чтобы иммунитет тела мог его прогнать.

— Это потрясающе.

— Только если это сработает, — Арун ударил по столу дважды кулаками. — Я думал, что в этот раз получилось. Сам видишь, что случилось.

Экран показывал, как обезьяны корчились в клетках, некоторые прыгали, словно их било током, кровь потекла из их носов и ртов, пачкая мех вокруг их мордочек. Их маленькие тела застыли.

— У двух кровь шла даже из глаз, — хрипло сказал Арун.

Я сглотнул, мне было не по себе.

— Боги, мне так жаль.

— Перед смертью мамы я сказал ей, что сделаю это. Что я не был экологом и не смогу быть активистом, как она, но я попытаюсь прогнать болезни. Если это сработает, мэй смогут жить дольше, жить здоровыми...

— Нельзя сдаваться, — я стукнул кулаком по его руке, его ладонь сжалась от смятения.

— Никогда, — Арун потрянул головой, знакомый огонь вернулся в его темно-карие глаза. — Нужно доделать наноботов, описать для них вирус. Я очень близок.

Мы покинули здание с лабораториями пятнадцать минут спустя. Арун снял халат и остался в оранжевой футболке в тон его волос. Мне приходилось моргать, если я смотрел на него слишком долго. Цвет был ярче, чем наше бледное солнце. Мы собирались поехать в неприметном кафе, где подавали вкусные булочки и пельмени.

На территории университета проносились студенты на велосипедах, спеша домой или на вечерние занятия. Линь И ждала у главного входа, она помахала, заметив нас. Она словно готовилась к весне, убрала волосы назад зеленой лентой, на ее белых штанах были большие розовые цветы. Она обняла нас, окутав запахом ванили, и сказала:

— Виктор не смог прийти. Он на встрече с клиентом.

Интересно, что Виктор продавал в этот раз.

Мы шли сквозь толпу. Небо темнело, меняя оттенки для близящейся ночи, но на мне все еще были солнцезащитные очки и кепка. Нельзя было, чтобы кто-то узнал меня, когда я был так близко к началу игры в Джейсона Чжоу. К счастью, на меня не оглядывались на улицах, были здесь вещи и страннее парня в солнцезащитных очках и кепке ночью. Например, мужчина в костюме огромной белки, которого мы прошли. Он пытался заманить посетителей в кафе.

Линь И повела нас по переулку, так было быстрее, когда Арун издал удивленный вопль.

— Боги, женщина! Нужно все время вести себя как призрак?

Я обернулся и увидел Айрис в черном, безмолвную, как фантом. Она ловко обогнала Аруна и пошла рядом с Линь И, как для защиты. Эта мысль была смешной.

— Прости, — пробормотала Айрис.

Как по мне, Айрис вряд ли смогла бы шуметь, даже если бы попыталась.

Айрис поймала мой взгляд своими пронзительными глазами, мы миновали зал массажа с неоновыми вывесками, она немного опустила уголки губ. Она спрашивала, что с ним. Но Линь И, как всегда, сказала это вслух:

— Что такое, Арун? — она хорошо ощущала наше настроение, всегда старалась все уладить. Потому что она была отличным лидером.

Арун пожал плечами, но его плечи опустились.

— Тяжелый день. Не хочу об этом говорить.

— Тогда я угощаю, — кивнула Линь И, на миг задев руку Аруна ладонью. — Особенно, раз Чжоу скоро уйдет.

Арун нахмурился. Он был так расстроен, что не надел маску.

— О, — сказал он.

Я напрягся, а потом расслабил плечи. Хоть я продолжал изучать свою фальшивую личность и искал в андернете информацию про ю (про Дайю ничего найти не удавалось), я не думал о моменте, когда уйду. Сама мысль о том, что придется погрузиться в незнакомый и гадкий мир, пугала. Но обратного пути не было, я должен был это сделать.

— Все готово? — мой голос звучал приглушенно из-за маски.

Линь И кивнула.

Мы уловили вкусный аромат горячих булочек в бамбуковых корзинках и лапши, которую жарили в воке. Квадратный вход кафе с синим навесом и бамбуковыми стеблями с листьями по бокам поприветствовал нас, когда мы вошли.

— За хороший ужин с хорошими друзьями, — сказал я, обняв Линь И и Аруна за плечи, звуча бодрее, чем себя ощущал.

Это был мой последний выход с ними на публику на очень долгий период времени.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Неоновые огни пульсировали в такт тайтронной музыки, которую играл диджей на возвышении перед толпой. Большие стеклянные сферы висели в воздухе над нами, меняясь от неоновно-зеленого до синего и лилового, а потом красного, окрашивая воздух этими цветами. Канун Нового года, и зима в Тайпее была неожиданно холодной и мокрой. Но это было сложно понять по виду толпы. Ю были одеты в лучшую одежду, от серебряных кожаных брюк, что сияли в темноте, до золотых и алых платьев, украшенных камнями. Бриллианты, рубины и изумруды мерцали на ушах многих, но некоторые выбрали традиционные золото и нефрит. Молодые женщины, от подростков до немного за двадцать, были в хорошей форме этим вечером, обнаженные плечи и спины, богатые ожерелья заставляли обратить внимание на их грудь идеальной формы. Танцпол был заполнен пропорциональными лицами без изъянов, потому что, несмотря на распространенное поверье, деньги могли купить все.

Они могли дать крылья, черные и кожистые, раскрывающиеся так широко, что сбивали людей с пути, если требовалось, операцией присоединенные к лопаткам. Были варианты — крылья, покрытые перьями, как у лебедей, полупрозрачные крылья с серебром и позолотой. Многим среди молодежи нравилось все необычное, волшебное, демоническое, но ю дошли до другого уровня, хирургически добавляя рога и хвосты, чешую на кожу, чтобы быть русалкой или драконом. Они меняли облик раз в одну или две недели, когда менялись модные тренды.

Я стоял на краю танцпола, одна рука была зацеплена за карман брюк, тело отвечало на ритм музыки, пока я следил за толпой. Я впервые был на ю-вечеринке, Цзинь устроили ее в честь Нового года максимально вычурной.

— Корпорация не шутит, — сказал он с торжествующей улыбкой, когда поприветствовал всех гостей, а потом зазвучала древняя песня, черные занавески опустились за ним, и стену охватили красно-золотые огни. Зрители вскрикивали и хлопали, китайский бык вспыхнул перед нашими глазами в предвкушении лунного Нового года.

Празднующие после этого ушли от сцены, поспешили к золотым фонтанам, где полилось розовое шампанское с пузырьками и жидкий бельгийский шоколад. Я задержался, надеясь заметить Дайю, но никто не ждал Цзинь у сцены, кроме небольшого сопровождения. Я заметил Да Гэ в черном костюме и ощутил прилив адреналина. Никто не должен узнать меня этой ночью, мне нужно было продать свою новую личность.

Я следил за танцполом и был очарован и ощущал отвращение одновременно. Я слышал истории о развлечениях ю-молодежи. Но другое дело было оказаться среди красивых расслабленных людей на вечеринке, которую мэй просто не смогли бы понять. Это было неприлично. Какой смысл радоваться, когда все вокруг ю гнило? Но разве им было дело? Они, наверное, даже не замечали.

Может, я и был теперь в ю-костюме и смог пожить в квартире с очищаемым воздухом, но я никогда не забывал свое детство, я был самым бедным учеником в своей частной школе, я был благодарен любой еде, которую мама ставила на стол.

Черные сапоги до колен у девушки с волосами цвета индиго, наверное, стоили достаточно, чтобы купить маме необходимые лекарства, а те сапфировые серьги — чтобы обеспечить ей личную палату в больнице и заплатить за заботу о ней.

Чтобы спасти ей жизнь.

Я сжал кулаки, не заметив это, а потом расслабил стойку. Сосредоточься. Подружись с ними. Очаруй. Таким было мое здание сегодня.

Потрясающая девушка в серебряном платье с крыльями с фиолетовыми перьями подмигнула мне. Ее глаза сияли лавандовым светом в темноте, еще одно изменение. Ничто не было вечным в мире богатых, кроме их богатства. Я подмигнул в ответ, но дикие движения танцующих почти закрыли ее.

Ю танцевали зажигательно, размахивали руками, трясли головами с разноцветными волосами. Многие покачивали бедрами, агрессивно соблазняя. Молодые женщины танцевали группами, но некоторые были в паре с парнями, а те были готовы продолжить, руки обхватывали женщин за талию и ниже. Они обнажали много кожи, сияли временные татуировки-рукава и рисунки на других частях.

Воздух был прохладным, но не мог рассеять пот и жар, что поднимался от тел на большом танцполе. Серебряные роботы-бармены проносились над головами. Гости взмахивали руками и приманивали их, заказывали напитки, не переставая танцевать.

Я был наряжен для первой официальной вечеринки как Джейсон Чжоу. Под руководством Виктора через Вокс я надел темно-серые брюки, сиренево-голубую нарядную рубашку (я нечаянно назвал ее синей, и Виктор быстро исправил меня) и светло-серый жилет, что поблескивал серебром. Я был слишком наряжен, ведь у меня было открыто мало кожи. Виктор настоял, чтобы я надел на одну руку массивный браслет, а на другую — подходящее квадратное кольцо.

— Нужно носить аксессуары, — сказал Виктор, объясняя мне, как подвернуть рукава, чтобы выглядеть небрежно. — И это подчеркнет твой маникюр.

Я рассмеялся тогда.

Я искал в толпе Дайю. На миг мне показалось, что я заметил девушку на дальнем конце комнаты, у нее был рост и изящные движения Дайю. Она говорила с рыжеволосой, склонялась к подруге, и я видел лишь часть лица. Я пошел мимо танцующих и гостей с сияющими бокалами напитков к фигуре, но на половине пути она пропала. Было слишком много людей, чтобы я проследил за ее движением.

Черт.

Еще пятнадцать минут я стоял с бокалом розового шампанского и устал от этого. Я получал любопытные взгляды весь вечер, но никто не представлялся. Пока я двигался по залу, я пару раз вступал в разговор через систему коммуникации, но ответы были вежливыми и осторожными. Многие ю-дети росли вместе и знали друг друга всю жизнь, и я был в стороне. Я вдруг вспомнил Тома Рипли из одной из своих любимых книг, как он принял жизнь и богатство, которые не были его. Он верил в это и жил так.

Я расправил плечи и погрузился в толпу потеющих тел и увидел рыжеволосую, с которой говорила Дайю. Она была отчасти отвернута от меня, и я поймал ее за руку, она подвинулась с недовольным видом, а потом подняла голову. И улыбнулась.

— Ну, здравствуй, — сказала она и погладила пальцами мое запястье на внутренней стороне и браслет.

Я боролся с желанием отдернуть руку и лениво улыбнулся ей. Девушки всегда проявляли ко мне интерес на улицах, но они никогда так меня не касались, словно я был предметом, который они забирают. Но я сам это начал. Кровь прилила к голове и пульсировала в такт с музыкой.

— Как тебя зовут? — прокричала она поверх бита, но я слышал хриплую ноту в ее голосе.

Эту рыжеволосую я видел несколько месяцев назад в серебряном лимузине. Она была в красном шелковом платье с вырезом до пупка. Темно-фиолетовые лотосы были нарисованы над ее грудью, под ключицами. Я смотрел на изящную татуировку, а она коснулась кончиком пальца одного из бутонов, который был прямо над округлостью груди, привлекая туда мой взгляд. Я позволил себе смотреть, но мне было ужасно жарко, я посмотрел на ее лицо.

Ее губы были красными, как я и запомнил, и она надула их, а потом понимающе улыбнулась.

— погоди. Я тебя знаю?

Укол паники.

А потом я улыбнулся в ответ.

— Я точно еще не знаю, — я вытянул руку. — Я Джейсон.

Она хлопнула по моим пальцам, удивленная формальностью.

— Ангела, — ее рука была теплой, она не отпускала мою ладонь, пока говорила. — А твоя фамилия? Почему мы никогда не встречались раньше?

— Чжоу, — сказал я. — Джейсон Чжоу. Я только приехал из Калифорнии, — название я произнес на английском. — Я здесь новичок.

— Что ж, — сказала Ангела. — Добро пожаловать в Тайпей, Джейсон Чжоу. Потанцуем! — она потянула меня за руку на танцпол. Люди освобождали для нее путь, словно она была сиреной, пока мы не оказались посередине, почти у возвышения диджея.

Музыка заполняла меня изнутри, Ангела обвила рукой мою шею, другой махала и трясла головой, пока танцевала. Я держал ее за талию, чтобы она не упала от своего энтузиазма. Она смеялась, ее серебряные веки трепетали, длинные ресницы задевали скулы. Я давно так не танцевал с незнакомкой. Я вел в танце, подстраивался под ее движения, наши тела отвечали на ритм музыка. Она задевала меня бедрами, и мое тело отвечало. Ладони двинулись ниже, но я не позволял им заходить далеко.

Она обвила мою шею другой рукой и прижалась ближе, темные глаза сияли от удовольствия, глядя на меня. Она провела кончиком языка по своей верхней губе, уголок ее рта приподнялся в соблазнительной улыбке. Я не очень разбирался, но это было явное приглашение на поцелуй. Но я не хотел целовать ее — ю-девушку — хоть тело и боролось с разумом. Я отцепил ее ладони от своей шеи и закружил под гипнотический бит. Ее глаза были прикрыты в предвкушении, но теперь она удивленно вскрикнула. Рассмеялась. Я притянул ее ближе, она смотрела на меня, приоткрыв рот, пытаюсь меня понять.

Не сказать, что я не находил ее привлекательной. Она казалась нормальной, красивой девушкой, наслаждающейся праздником. Но в душе часть меня все еще отмечала наши различия. Любые желания, что были у меня к ней, граничили с гневом и притуплялись. После двадцати минут танцев Ангела потянула меня за плечи, одна рука скользнула по моему бицепсу, она шепнула мне на ухо, что хочет в тихое место. Я кивнул, она успела задеть губами мочку моего уха. Она уводила меня от танцпола, крепко сжимая мою руку. Мне казалось, что Ангела всегда получала то, что хотела.

Мы покинули толпу и попали в комнату рядом, где людей было меньше. Круглый бар занимал большую часть просторной прямоугольной комнаты, край стойки озарял голубой свет. Бутылки напитков стояли на зеркальных полках за стойкой, тоже мерцающих голубым.

Классическая музыка играла из очистителей воздуха. Бах. Стены были звуконепроницаемыми, ни единой ноты тайтронной музыки не было слышно. Роботы-бармены все еще парили над головами, готовые выполнить заказ, но за стойкой были настоящие бармены для тех, кто предпочитал иметь дело с людьми. Ангела заказала себе коктейль Тайфун, а попросил пива Цзинь, которое специально здесь создавали.

Гости здесь были старше, их изящество было сдержанным, но камни на украшениях были богаче, чем в толпе молодежи. Большие чокеры с бриллиантами, браслеты, рубины сияли в приглушенном свете. Я повел нас к одному из столиков у окна во всю стену. Здание 101 было покрыто стеклом, вечеринка проходила на восемьдесят восьмом этаже, принадлежащем Цзинь. Китайцы считали восемь благоприятным числом, так что не странно, что Цзинь купил весь этаж для личного пользования. Огни Тайпея мерцали и вспыхивали, с высоты это выглядело красиво.

Официантка в золотом ципао, расшитом темно-розовыми хризантемами, предложила нам закуски с большого серебряного подноса. Ангела взяла два мясных шарика, я выбрал фаршированный гриб. Он был начинен нежными ростками бамбука, был невероятно вкусным, вкус взорвался во рту. Ангела откусила от одного мясного шарика, но оставила их обоим на позолоченной тарелке. Я с трудом заставил себя не гнаться за официанткой, чтобы забрать больше еды, которую давали свободно и бесконечно. Остатки еды и напитков были вокруг нас, официанты приходили и убирали тарелки и бокалы. Еды здесь хватило бы голодным мэй-семьям, такой еды они никогда не пробовали. Эту еду выбрасывали в мусор.

Это было кошмарно.

— Хорошо танцуешь, — сказала Ангела, потягивая из сияющей соломинки и глядя на меня из-под опущенных ресниц.

Я поднял пиво и сделал глоток.

— У меня прекрасный партнер, — пиво Цзинь было золотым, прохладным, напоминало о яванских яблоках летом. Мама всегда приберегала немного денег, чтобы мы могли полакомиться яблоками в их сезон. — Я давно так не танцевал.

Она расширила густо подведенные глаза.

— Почему?

— Был занят учебой, — улыбнулся я. — И клубы в Беркли не сравнить с вашими в Тайпее.

— Учился? — Ангела сморщила нос, словно учуяла что-то гнилое. — Ты слишком горячий для ботана.

Я рассмеялся, хотя хотелось оскалиться.

— Прости, что разочаровал.

Играй роль.

Она посмотрела на кого-то за моим плечом и села прямее, склоняясь перед этим к столу. Она подняла руку и помахала, до меня донесся слабый запах ее цветочных духов.

— Я не знала, что ты осталась, — сказала Ангела.

Я ощутил холодный ветерок, кто-то прошел мимо меня к нашему столику. Еще одна ю-девушка в белом платье, какое я уже видел на танцполе. Дайю. Я вдохнул, а Ангела сказала:

— Джейсон, это Цзинь Дайю, неофициальная хозяйка вечеринки. И она ненавидит вечеринки.

Сердце подпрыгнуло, но я сглотнул и поднял голову с улыбкой. Ее шелковое платье было без рукавов и с широким квадратным вырезом воротника, на шее был серебряный

чокер с голубыми камнями. Они тускло сияли, отбрасывая свет на ее лицо. Ее волосы были заплетены, и она напоминала сбившуюся с пути богиню. Мое сердце, казалось, надолго остановилось, улыбка застыла на лице, а потом я смог сказать:

— Но ваш отец устроил отличную вечеринку, мисс Цзинь, — я склонил голову. — Рад знакомству с вами.

Я посмотрел в ее глаза, ожидая, что она узнает меня. Ее губы изогнулись в слабой улыбке. А потом ее брови чуть приподнялись, но не от тревоги, а в вопросе. Она думала, что я заигрывал.

Ангела рассмеялась.

— Разве он не милашка? Я его оставляю.

— Еще одного? Тебе уже можно организовать свой гарем, — сказала Дайю, ее голос был таким насыщенным, как я его и запомнил. Она явно была на каблуках, ведь казалась выше в своем белом платье.

— Присоединяйся, — сказала Ангела. — Я давно тебя не видела. Ты не выходишь поиграть.

Я собрался встать и предложить ей свой стул, а себе найти другой, но она покачала головой.

— Не могу остаться, — она разглядывала мое лицо, в темных глазах вспыхнуло любопытство. — Ты — кузен Тианрен?

Уголок моих губ приподнялся, я сжал бутылку пива крепче.

— Нет, у меня не осталось кузенов в Тайпее. Я только переехал из Калифорнии.

Ангела рассмеялась.

— Выглядит знакомо, да? Но, думаю, он просто напоминает мне китайскую звезду.

— Возможно, — Дайю склонила голову. — Но я думаю, что Джейсон выглядит уникально.

Может, потому что я был единственным парнем в комнате, чей вид не был изменен операциями. Моя свободная рука чуть не дернулась за ножом, но вместо этого я провел пальцами по волосам. На мне не было ножей. Охрана не пропустила бы.

Я сделал еще глоток пива.

— Садись. Мы отдыхаем от танцев, — я пожелал, чтобы сердце так не колотилось. Виктор и остальные обещали, что Дайю никак не может помнить меня. А если они ошибались? Аномалия всегда могла произойти. Еще и отец рассылал всюду фотографию. Она, конечно, это видела. Стоит ли говорить об этом на первой встрече? — Я принесу тебе напиток.

Я попытался встать снова, и Дайю удивительно громко рассмеялась.

— Хотелось бы, — она коснулась моего плеча, и я вспомнил, как эта рука сжимала с силой мою рубашку при прошлой встрече. Когда она молила не стирать ее память. — Отец ждет меня, — она закатила глаза, Ангела издала сочувствующий звук.

— Мы можем пойти с тобой, — предложила Ангела. — Будет лучше? Ты сможешь познакомить его с Джейсоном.

Я проглотил пиво слишком быстро и прижал ладонь ко рту, кашляя. Как я мог попасть в такую ситуацию?

Дайю провела кончиками пальцев по моей руке раньше, чем я заговорил.

— Ты милая, Анж. Но ты знаешь, как мой отец относится к парням, — она опустила руку. От того, как знакомо она касалась меня, мои ладони вспотели. — Ничего личного,

Джейсон. Просто у меня строгий отец.

— Понимаю, — ответил я.

Она смотрела на меня, ее веки были серебристо-голубыми, сочетались с сиянием ее ожерелья.

— Но я буду ждать нашей новой встречи.

— Не забывай, что он мой, — Ангела схватила мою руку и прижала к своей груди, потянув меня к себе. Она впечатляла.

Темные брови Дайю поднялись вверх.

— Ты, — спросила она, — ее?

Я чуть не выронил пиво из руки.

— Я... — я смотрел то на Ангелу, то на Дайю, я словно оказался в их игре. Я еще не имел дела с играми ю-девушек. — Нет, — я виновато улыбнулся Ангеле, а она показала язык. — Я никому не принадлежу, — сказал я.

— Ты никому не принадлежишь, — повторила Дайю. — Мне это нравится. Увидимся, — она замерла через пару шагов. — Где ты живешь, Джейсон?

Я старался сохранять внешнее спокойствие, потрясенный прямым вопросом.

— На двадцать этажей ниже. На шестьдесят девятом.

Она кивнула, но я успел уловить ее удивление. Здание 101 было самым дорогим и желанным после личного поместья во всем Тайпее, на покупку квартиры были длинные списки. Сдавать квартиру запрещалось. Здание по большей части использовалось для компаний. Но Виктор как-то добился этого очарованием и связями. Цена квартиры начиналась с семидесяти девяти миллионов долларов.

— Шестьдесят девятый? Какое удачное число, — пробормотала она, а потом послала Ангеле поцелуй и улыбнулась мне, после чего ушла.

Черт, у Цзинь мог быть весь шестьдесят восьмой этаж, чтобы им были захвачены все хорошие числа и удача.

Мы проводили ее взглядами. Слои белого шелка трепетали вокруг нее, Дайю словно освещало само платье

— Думаю, ты ей понравился, — сказала Ангела. В ее голосе не было ни капли ревности. — Как странно, — добавила она после паузы и рассмеялась.

Во что я ввязался?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я не обращал внимания на пот, льющийся в глаза, пока разглядывал стену над собой, пытаюсь решить, за какой выступ ухватиться. Я настроил стену в квартире на среднюю сложность, решил в этот раз не использовать инструменты и веревку. Я впервые лазал свободно, что было запрещено в моем старом спортзале. Это было слишком опасно. Я выбрал красный захват, торчащий из каменной стены, впился пальцами и переставил правую ногу на другой выступ.

Я был близок к вершине двадцатифутовой стены и потянулся к угловатому выступу над головой. Хотя я просил простую каменную стену, Виктор, как обычно, нанял эксперта и превзошел ожидания. Искусственная стена могла менять за минуты форму, зависело от уровня сложности, в бесконечных комбинациях, она тянулась во всю стену с одной стороны, могла менять и наклон, и соединяться со второй каменной стеной на другой стороне. Виктор

купил страхующего робота для каждой стороны, чтобы я мог забираться на веревке. Горизонтальные прутья были под потолком, и я мог лазать и по ним, если хотел.

Я похлопал его по плечу и обнял в восторге, когда он показал мне мою новую квартиру. Он смутился и улыбнулся.

— Я покупаю только лучшее, — сказал он.

Голосок в голове зашептал предупреждение, когда я потянулся наверх в поисках лучшего пути по потолку. Я делал это дюжину раз, но не без щитков. Опасность вызывала адреналин и заставляла сосредотачиваться сильнее. Я выбрал лиловый захват и повис на нем на потолке. Мне нравилось, как все было видно, пока я карабкался. Не было других мыслей или сомнений, кроме тех, что касались выбора лучшего захвата для рук и ног. Мое дыхание участилось, мышцы напряглись. Я глубоко вдохнул и неспешно выдохнул. Я двигался, менял захваты над головой, не разрешая себе смотреть вниз.

Мышцы разогрелись, но не пылали. Пот капал с подбородка на мою голую грудь, казалось, время замедлилось. Я проснулся в ужасном состоянии утром из-за алкоголя, но и от понимания, что следующий ход будет с Дайю. Наш короткий разговор был таким странным.

Я покачал головой, не желая долго об этом думать. Я не мог терять концентрацию сейчас. Любая ошибка могла быть катастрофой. Я глубоко вдохнул, очищая разум, вытягивая шею, чтобы увидеть следующий захват, когда зазвенел телефон у двери. Я знал, что на экране у двери появилось лицо моего швейцара Сяо Хуаня, хотя я не оглядывался.

— Да? — выдавил я сквозь сжатые зубы.

— Мисс Цзинь хочет увидеть вас, мистер Чжоу.

Я выругался.

— Мистер Чжоу? — донесся голос Сяо Хуаня.

— Просто Джейсон.

— Да, Джейсон, — ответил он.

— Скажите мисс Цзинь подождать пару минут.

Сяо Хуань кашлянул.

— Она уже идет, — он звучал виновато. — Мисс Цзинь настояла, что у вас встреча, — и все знали, что мисс Цзинь была единственной дочерью хозяина корпорации Цзинь, владеющей половиной здания 101.

Я чуть не рассмеялся, но дыхания не хватило. Дверной звонок зазвенел в это время.

— Джейсон? Это Дайю. Мы встречались прошлым вечером.

— Конечно, — я кашлянул. — Заходи.

Входная дверь открылась по моей команде, и Дайю прошла и бесшумно закрыла за собой дверь. Я представил, как она смотрит на мою квартиру впервые. Здесь было много стекла, дерева и металла. Королевского размера кровать стояла с видом на стену из стекла, с видом на Тайпей. Кровать была низкой с изголовьем из титана. Виктор купил два изогнутых резных стула, между ними стоял квадратный чайный столик из титана. Круглый стеклянный стол с двумя красными стульями служил мне обеденным и письменным столом.

— Джейсон?

Я смотрел с высоты, как Дайю медленно шла по квартире. Она была в узких темно-фиолетовых штанах и свитере бежевого цвета. Каблуки ее сапог до колен цокали по бетонному полу. Она выглядела стильно и уверенно. Сексуально. Я не мог больше висеть и схватился руками за ближайший прут и раскачал ноги, а потом повис на ногах, в коленях,

давая рукам отдохнуть.

Мое движение привлекло взгляд Дайю, она посмотрела вверх и негромко охнула.

— Что ты там делаешь?

— Лазаю. Прости, я тебя не ждал.

— Но ты не используешь веревку, — она указала на страхующих роботов у стены.

— Впечатлена? — спросил я, голова была горячей, кровь прилила к ней.

— Тем, что ты не бережешь жизнь? — ответила она. — Нет.

— Ни капли?

Она скрестила руки на груди.

— Ни капельки.

— Ладно, — я улыбнулся. Ее лицо было бледным в свете дня.

— Спускайся, Джейсон. Прошу, — ее темные брови были сдвинуты. Она выглядела... злящейся на меня.

Отличное впечатление. Теперь она попалась. Она уже хотела подавить своей уверенностью глупого новичка.

Я уцепился руками, перебирался с прута на прут на потолке, пока не добрался до другой стороны. Отсюда я выбрал самый простой путь вниз, прыгнул, когда оказался в пяти футах над полом. Робот подлетел и протянул мне полотенце. Его цифровое лицо точно смотрело на меня с недовольством. Я вытер лицо мягкой хлопковой тканью, а потом повернулся к Дайю.

— Эй, — сказал я. Робот протянул мне холодную бутылку воды и улетел. Я предложил воду Дайю, но она покачала головой. — Моккачино, — приказал я. — Со взбитыми сливками для мисс Цзинь.

Загудела кофе-машина, я выпил половину бутылки и скромно улыбнулся.

Ее руки все еще были скрещены, но ладонь закрывала рот, пряча улыбку или гримасу. Я не мог понять по выражению ее лица. Она не скромничала, разглядывая меня карими глазами. Я снова был перед ней без рубашки, как тем утром после ее похищения. Я смотрел на мебель в поисках брошенной футболки. Полотенца. Хоть чего-то.

Она опустила руку.

— Ты часто так делаешь? Лазаешь без страховки?

— Нет. Обычно никогда. Это был первый раз. Плохо соображаю после вчерашней вечеринки.

Я пошел по комнате к черной футболке (дизайнерской), висевшей на одном из стульев, она вскинула руку, шагнула ближе и указала на мою обнаженную грудь. Я покраснел, но она не смотрела на мое лицо.

— Настоящая?

Татуировка, которую я сделал в память о маме — одна лилия калла — на левой части груди, над сердцем. Это был ее любимый цветок. Она водила меня на фестиваль лилий каждую весну в Янминьшань, чтобы восхититься морем белых цветов, окруженных темно-зелеными листьями. Эта традиция и земли, полные цветов, были утеряны после землетрясения и извержений на горе.

Что-то, что не могло остаться.

Я сделал татуировку несколько месяцев назад, в редком пьяном угаре, когда я узнал, что мне придется подружиться с Дайю. Арун сопровождал меня к лучшему татуировщику в Тайпее в два часа ночи, он сам был достаточно план, чтобы не возражать из-за своего

выбора. Он не спрашивал причину.

Я коснулся татуировки пальцами, она была в белом порошке от карабканья.

— Настоящая, — татуировка будет со мной всю жизнь. Сколько она продлится. — Это... любимый цветок моей мамы.

Она кивнула и посмотрела мне в глаза. Хорошо, что румянец уже прошел.

— Я не знаю никого с настоящей татуировкой, — сказала она. — Никто из моих друзей меняется так, чтобы это осталось навек.

— Я был пьян, — я пересек комнату и схватил футболку, натянул через голову, а потом провел руками по коротким волосам. Я заплатил за татуировку деньгами за похищение. Ее похищение. — Это первая и, наверное, последняя.

— Красивая, — прошептала она. — Думаю, это мило, как ты близок с мамой. Она из Тайване?

Я прошел на кухню, кофе-машина как раз трижды пропищала. Моккачино ждал за стеклянной дверцей, на взбитых сливках была шоколадная стружка. Насыщенный аромат эспresso и шоколада заполнил мой нос, когда я вытащил большую чашку.

— Нет. Она еще в Калифорнии. В Тайпее только я, — врать было просто. Но я это ненавидел.

Все это было ложью.

— Я редко вижу маму. Она живет в Гонконге, — сказала Дайю. — Она ненавидит моего отца.

— Плохо, — сказал я с кухни. — Ты скучаешь?

— Не сильно. Мы не очень близки.

Но только ее мама приняла звонок во время похищения Дайю, пока отец был недоступен. Близка ли она с отцом?

Я опустил моккачино на стол, закрывая свой МакФолд, тридцатидвухдюймовый ноутбук свернулся. Я все еще не привык к этому. От этого мой старый МакПлюс выглядел как нечто, выкопанное археологами. Я поднял ноутбук, что теперь был всего восемь дюймов в длину и полдюйма в толщину, и переставил на стойку.

— Садись.

Она в несколько решительных шагов добралась до стола, я невольно смотрел на длинные линии ее тела, плавные движения бедер. Она села на стул и подняла чашку в мою сторону, когда я присоединился.

— Счастливого Нового года, — сказала она и сделала глоток. — Вкусно.

Дайю с чашкой в руках разглядывала квартиру так же смело, как смотрела на мою голую грудь. Словно ей все это принадлежало. Властным взглядом, какой я никогда не видел у мэй, уверенность, которую я лишь изображал, но не ощущал. Мне было просто забыть, что Дайю была ю-девушкой, пока она была без костюма. Она источала уверенность так искренне, что это меня притягивало. Но если кто и был сочетанием всего, что воплощали ю, так это была дочь Цзинь.

Я не мог этого забыть.

— Хорошее место, — сказала она, глядя теперь на Тайпей внизу.

Город располагался в чаше, окруженной горами.

Это означало, что загрязнение здесь было особо сильным, застревало. Густой туман, висевший над городом, был там каждый день, пока тучи не пробивали его едким дождем. Я никогда не видел горы, а теперь за три недели в этой квартире узнал об их существовании

только из андернета и увидел силуэт вдали.

— Вид — лучшая часть, — сказал я.

Она кивнула, а потом сделала глоток кофе и повернулась лицом ко мне.

— Да. Кроме коричневого тумана над городом, — она указала вдаль, а потом, словно прочитав мои мысли, сказала. — Там горы. Но я никогда раньше их не видела.

— Ах, — я сглотнул, боясь того, что могу случайно сказать. Я помнил наш разговор, когда я был ее похитителем. Но она этого не помнила. Груз этого был сильнее страха, что она вдруг вспомнит. Говорить с ней было неловко. — А в путешествиях...

Дайю издала печальный смешок.

— Отец много путешествует по делам. Но я никогда не была вне Тайпея, — она кивнула на мой костюм в стеклянном чехле в углу комнаты. — Он растит меня, чтобы я приняла его компанию. Я много времени провожу в корпорации, а не в поездках. Я в тайне надеюсь, что у него будет еще ребенок. И вся работа будет у этого ребенка.

Я был удивлен тому, как много она мне раскрыла, мы сидели мгновение в тишине, я постукивал пальцем по стеклянному столу.

— Так ты единственный ребенок? — спросил я, хоть и знал ответ.

Она кивнула.

— Наверное, вы близки?

Она печально улыбнулась. Это не затронуло ее глаза.

— Мой отец — сложный человек. Большую часть времени он относится ко мне, как к созданному продукту, в который нужно делать вложения.

Дайю смотрела в окно, пока я обдумывал ее слова. А потом я спросил:

— Дайю, зачем ты пришла?

Я не хотел прогонять ее. Но вопрос в такой ситуации был логичным. И мне нужно было сделать эту встречу как можно нормальнее. Так я должен был спрашивать у любой девушки, появляющейся на пороге.

— Ты часто так делаешь? — продолжил я. — Приходишь к двери незнакомца?

— Нет, — вмешалась она. — Никогда. Я встретила тебя прошлой ночью... и подумала, что ты интересный. Почти знакомый, — она повернулась и улыбнулась мне, и я заставлял себя действовать естественно, мне вдруг показалось, что я сижу за стеклянным ножом обнаженный. — Мне всегда хотелось побывать в Калифорнии, — сказала она на английском с британским акцентом.

— Там много гор, — ответил я тоже на английском. — Может, ты сможешь поступить в университет в Калифорнии?

— Хотелось бы, — она вернулась к своему четкому китайскому, поглядывая на меня. — Я пойду в Тайваньский национальный университет. Не думаю, что отец позволил бы мне покинуть город. И даже здесь меня всегда преследуют три телохранителя.

Я вскинул брови, вспомнив крупного ю-парня, которого я ударил в нос на рынке.

— Они внизу, — сказала она, приняв выражение моего лица за удивление. — Я не дала им прийти. Они могут ждать там вечно, мне все равно.

Я рассмеялся, потому что она звучала как обычный мятежный подросток, хоть и была богаче.

— Я бы хотел побывать в корпорации Цзинь, — сказал я, стараясь звучать непринужденно. Я сжал пальцы в неплотный кулак. Если бы я был не здесь, я бы крутил нож, чтобы снизить нервное напряжение, но богатые ю-парни так не делали.

— Да? — она посмотрела на меня поверх чашки, я выдержал ее взгляд и улыбнулся.

— Что? Это так странно? Твой отец производит самый дорогой товар, который продают во всем мире. И костюмы просто невероятны.

Она опустила чашку и подошла к подставке с моим костюмом в углу комнаты.

— Неплох. Первый?

— Нет, — соврал я. — В Калифорнии был другой. Воздух здесь плох, но в Лос-Анджелесе еще хуже.

Дайю повернулась ко мне и кивнула.

— У отца много клиентов в Лос-Анджелесе. Там один из крупнейших наших рынков в США, а еще в Нью-Йорке, — она пошла по квартире, ведя ладонью по каменной стене. — Как насчет обмена? Я устрою тебе личный тур по корпорации, а ты, — она остановилась у страшущего робота и потянула за веревку, — научишь меня лазать.

— Что? — ответил я, не подумав. Этого я не ожидал.

— Все честно, — возразила она.

Я снова рассмеялся.

— Я не о том. Ты хочешь научиться лазать?

— Выглядит забавно, — Дайю подняла голову и смотрела на двадцатифутовую стену, потирая ладони. — Выглядит как вызов.

Я покачал головой.

— Ты меня удивляешь.

— Как я могу тебя удивлять, если ты меня даже не знаешь? — она снимала свитер, и я не знал, что заставляло меня паниковать больше: это или ее вопрос.

— Предрассудки, наверное.

— Это глупо, — ее голос были приглушен шерстью. Свитер поднялся выше, открывая ее живот, на ужасный миг я подумал, что дочь Цзинь окажется посреди моей комнаты в одном лифчике.

Я оказался рядом с ней за секунды, схватился за край ее свитера.

— Что ты делаешь? — спросила она через ткань.

Она напряглась, а я слишком поздно заметил край черной футболки под свитером. Я потянулся к ткани, ладонью задел ее обнаженный живот, и этого хватило, чтобы я начал представлять, как снимаю свитер, а не пытаюсь его опустить.

— Веду себя как джентльмен, — ровно ответил я, удивляясь, что мой голос не дрогнул, я поправил черную футболку, ее голова высвободилась из свитера, наши взгляды пересеклись. Она улыбнулась мне, словно читала мои мысли. Моя рука все еще лежала на ее талии, и я опустил руку. Боги. Я едва замечал других девушек с идеальными телами, но при виде Дайю, снимающей свитер, в горле пересохло. Меня тянуло к ней не от отчаяния. Меня пугало, что она мне нравилась.

Дайю продолжала раздеваться. Она сняла коричневые сапоги. Ее ноги были в черных чулках, она приподнялась на носочках, разглядывая стену. Она оглянулась на меня через плечо и подмигнула.

— Я готова.

— Сейчас?

— А почему нет? — бодро ответила она.

— Лучшее начало нового года, — пошутил я. — Скажи роботу размер своей обуви.

Дайю поговорила с серебряным роботом, по форме похожим на яйцо, и он вытащил из

брюха обувь.

— Подходят! — воскликнула она, подпрыгнув, проверяя ощущения. — Что теперь?

— Мы пристегнем тебя к веревке, и ты сможешь лазать. Я переставлю уровень на начинающий. Я смогу направлять тебя, — я протянул ремни. — Ноги нужно просунуть в эти дыры, — она положила ладонь на мое плечо, пока залезала туда. — Отлично. Теперь нужно закрепить ремни на твоей талии.

Она была намного тоньше меня. Я поправил ремешки, отмечая, что теперь я побаивался ее касаться, но мне приходилось, чтобы закрепить все правильно. Я провел ладонями по ее спине и вокруг талии, не поднимая взгляд, проверяя, правильно ли сидят ремни.

Настроив стену голосом, я схватил мешочек пудры и прикрепил к кольцу между ремешков.

— Посыпь этим руки, и ты готова. Робот будет тебя страховать.

Дайю посмотрела на робота с сенсорным экраном вместо лица.

— Может, лучше ты поддержишь веревку?

— Робот сильнее, это безопасно. Я купил лучшего на рынке, — сказал я. — Ему можно довериться.

— Я доверяю тебе... — она сделала паузу. — Я больше доверяю человеку, держащему веревку.

Наши взгляды на миг встретились, и я кивнул.

— Ладно, — я затянул ремни на себе, вытащил из робота длинную толстую веревку и привязал к Дайю. Я потянул за веревку, проверяя прочность. — Скажи, когда будешь готова подниматься и спускаться. Я должен каждый раз подтверждать твои действия.

Я давно не прикреплял так другого человека, так что проверил карабин, узлы, прикрепил веревку к себе.

— Просто выбирай захваты, по которым лезть проще всего, — сказал я. — Отталкивайся ногами.

— Готова, — сказала она.

Я кивнул.

— Начинай. Я страхую.

Она начала забираться, довольно быстро, по каменной стене. Она была высокой и худой, но на руках были мышцы, что тоже удивило меня. Я потянул веревку, она забиралась все выше без колебаний.

— Ты занимаешься? — спросил я.

— У меня личный тренер, — ответила она, не оглядываясь.

— Хорошо получается, — она справлялась отлично для первого раза. — Когда будешь готова спускаться, скажи «принимай» и жди подтверждения. А потом вытяни ноги параллельно земли и замри, а я спущу тебя.

— Получилось! Я на вершине! — воскликнула она.

Робот рядом со мной издал звон колокола, а потом аплодисменты. Я удивленно посмотрел на него, а Дайю рассмеялась и сказала:

— Как мне продолжить? — она искала хваты на потолке.

— Не стоит, — сказал он. — Это слишком сложно для первого раза.

Она не слушала меня. Я ощутил, как ее вес тянет веревку, она потянулась и нащупала хват. Я работал с веревкой, мысленно ругаясь. Она была в безопасности, но падение все равно станет неприятным сюрпризом. Я был уверен, что смогу ее поймать, но если что-то

пойдет не так, я не мог позволить дочери Цзинь пострадать или серьезно пораниться. Если такое произойдет, Цзинь меня посадит или пришлет своих охранников избить меня в лепешку. Если он поймет наш план, все мы умрем.

— Дайю, — процедил я с тревогой.

Я слышал ее дыхание, я рискнул посмотреть на нее сверху, держащейся за поручень.

— Еще немного, — сказала она.

Ее руки напряглись, она схватилась и подтянулась. Под таким углом притяжение работало против нее, я поражался ее силе. Я думал, что ю-девушки — неженки. Да, слабые и испорченные. Она была смелой и во время похищения, а теперь я знал, что она бесстрашна.

Я восхищался этим, но это только усложняло мое задание.

— Хорошо, — сказала она. — Принимай.

— Понял, — ответил я. — Готов.

Она отклонилась, вытянула ноги. Я ощутил ее вес и начал опускать ее к земле. Дайю отталкивалась от стены, все время смеясь. Ее ноги коснулись земли, глаза сияли, а щеки порозовели. Наши взгляды пересеклись, она радостно улыбнулась. Мое сердце на миг сжалось. Я отвел взгляд и шагнул вперед, занялся ремнями на ней. Робот протянул ей полотенце.

— Ты такая, какой я представлял Мэг Мерри, — сказал я, произнося имя героини на английском.

— Мэг Мерри? — спросила она.

— Из «Складки времени», — я выпрямился и улыбнулся ей. — Мэг была упрямой и своевольной. Ты смелее, но и она на многое способна. Она — одна из моих любимых персонажей книг.

— Ах, литературная отсылка? — спросила она.

Я пожал плечами и занялся своими ремнями.

— Я изучал мировую литературу. Не могу перестать думать о книгах, — первая фраза была ложью, но вторая была правдой. Книги были моим спасением. Они привязывали меня к бессердечному миру, в котором мы жили.

— И кем был бы ты? — спросила она, скрестив руки, забавляясь.

— Даже не знаю. Любым от Лю Бея до Эдмонда Дантеса или бедняги из «Сердца обличителя». Пам-пам, — я постучал по металлическому телу робота. — Кошмар.

Робот отлетел, дважды недовольно пикнув.

— Тебя тянет к драматичным произведениям, — рассмеялась она. — Я читала По на уроках литературы, но Дантес?

— «Граф Монте-Кристо» Дюма, — сказал я. — Герой, Дантес, играет богатого графа и годами воплощает в жизнь план отмщения, — я слишком поздно понял, как иронично это звучало, как близко было к моей ситуации. Но мы не могли все время врать. Если я мог где-то быть искренним, то это насчет книг, которые читал и любил.

— Безумный убийца и тот, кто притворяется другим, чтобы отомстить. Даже не знаю, что о тебе думать, Джейсон, — она прижала ладонь к подбородку и прищурилась, глядя на меня, и я смотрел в ответ, пока она не рассмеялась. — Подъем был прекрасным, — сказала она, опустив ладонь на мое плечо и сжав, словно это было естественно. Она выбралась из ремней. На миг я запутался, кто кого здесь играл. — Спасибо. Ты хороший учитель.

Робот подлетел из-за моей спины и забрал ремни.

— Я еще не пытался никого учить, — сказал я. — Но у тебя хорошо получилось.

Ее лицо сияло от пота, она вытерлась полотенцем, не переставая улыбаться.

— Я буду чаще к тебе приходить.

Я раскрыл рот на миг, а потом тоже рассмеялся.

— Буду рад в любое время.

— Ловлю на слове, — сказала она и вытянула руки над головой, словно не могла сдержать энергию.

Я надеялся на это.

Это почти казалось простым.

Дайю обняла меня, вскоре собравшись уходить, и ее запах — цитрусовые и цветы — задержался на моей коже. Я еще полчаса бросал ножи в круглую мишень на ровной стене, сначала промахиваясь, как новичок. Рука дрожала, я не мог сосредоточиться. Я забирал ножи и снова бросал, затерялся в ритме, пока не начал снова и снова попадать в яблочко.

Вес ножа и холодная рукоять на коже были знакомыми успокаивающими ощущениями.

Это мне и требовалось.

Только это сейчас я понимал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Три дня спустя Сяо Хуань лично доставил длинную серебряную коробку к моей двери.

— Что это? — спросил я.

Он пожал плечами, а потом улыбнулся так широко, словно я дал ему чаевые в тысячу юаней.

— Хорошего дня, сэр, — сказал он и коснулся края черной фуражки, кивнув.

Я растерянно развязал бархатную ленту и открыл коробку. Три белые каллы были внутри, такие идеальные, что я коснулся лепестка, чтобы понять, настоящие ли цветы. Они были настоящими. Сейчас был не их сезон, но ю многое выращивали в теплицах. На дне коробки был прямоугольный серебряный конверт без имени. Я тут же подумал о Дайю. Была ли это ошибка? Открытка внутри была с традиционным китайским рисунком, одинокая сосна на каменистом утесе, на ее хвое лежал снег.

Я заглянул в открытку. Это было приглашение, иероглифы были тщательно выведены:

«Вы приглашены на гала, устраиваемый Цзинь Дайю в резиденции Цзинь. Там будет тихий аукцион, все деньги будут переведены в Детский фонд. Для посещения желательно внести 50,000 тайваньских долларов.

В приглашении были детали вечера, отмечалось, что все должны быть в костюмах. В верхнем углу быстро, но изящно были записаны слова Дайю:

«Я отлично провела тогда время. Надеюсь, ты придешь. Буду рада тебя видеть. ххо»

Я перевернул открытку и нашел название рисунка: «Зимнее успокоение» Цзинь Дайю. Она еще и рисовала? Конечно. Жар прилил к моим щекам, я смотрел на изящные иголки сосны. О лилиях ничего не говорилось, хотя Дайю знала, что это был любимый цветок моей мамы после разговора о моей татуировке. Я никогда никому не дарил цветы, тем более, не получал от девушки.

Что затеяла Дайю?

Я не знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, был ли это жест вежливости за то, что я научил ее лазать, или...

Что я делал?

Я бросил открытку на стол и продиктовал сообщение Виктору.

— Нужен фрак. Мне нужно хорошо выглядеть.

«Я работаю с грубым материалом, — тут же ответил Вик, — но я так гениален, что сделаю тебя неотразимым».

Тихо смеясь, я провел рукой по волосам. Было сложно пока что понять мотивы Дайю, но какая разница, ведь я получил личное приглашение на ее вечеринку?

Я отправил сообщение Линь И: «Пойду в резиденцию Цзинь. Дайю пригласила меня».

«Быстро», — ответила она.

«Думаю, я ей нравлюсь...» — чуть не сказал я, но вместо этого продиктовал:

— А как иначе?

«Я впечатлена, — ответила Линь И. — Дай мне сутки, я тебя подготовлю».

...

От здания 101 к Дайю можно было дойти пешком, но Виктор заказал для меня воздушный лимузин.

— Ты не можешь прийти туда пешком, — сказал Вик. — Никак нельзя, — он провел рукой по черным лацканам моего фрака от Берберри, а потом склонил голову и поправил бабочку. Он долго выбирал мне марку и тип фрака, пока не остановился на узком шерстяном фраке темно-синего цвета, подшитом под меня. Я должен был признать, что выгляжу хорошо.

— Хватит вертеться, — сказал Виктор. Он похлопал меня по груди. — Клетка вшита в скрытый карман здесь. Не снимай пиджак.

Линь И показывала мне клетку, когда мы общались через экран: тонкая, как кредитка, она могла отвлечь всю технику в радиусе действия, дав ей доступ ко всему.

— Чем ближе ты к личному устройству, тем лучше, — сказала она мне.

Виктор выпрямился.

— Выглядишь безупречно, почти как я.

— Невозможно, — сказал я, смеясь.

Он отошел, разглядывая меня достаточно долго, чтобы мне захотелось достать нож и покрутить в руке.

— Правда. Я доволен собой.

— Я без тебя никуда, Виктор, — пошутил я.

— Знаю, — ответил он и отвернулся от меня и достал что-то из большой сумки. — Вот, — он протянул мне большой букет цветов. — Это для Дайю.

Я смотрел. Букет был красивым, я узнал хризантемы, лилии и розы.

— Он больше моей головы.

— Ты должен впечатлить ее, Чжоу, — сказал Виктор. — А не слиться с остальными.

Я взял букет, готовый идти. Если бы я задержался, то стал бы слишком много думать, что сейчас мне не требовалось.

Вик посмотрел на Ладонь.

— Твой лимузин уже прибыл.

...

Поместье Цзинь занимало больше земель, чем любой другой дом в Тайпее, его окружали большие серые каменные стены в китайском стиле с вырезанными на них зверями и растениями. Хотя было уже темно, все поместье было ярко освещено. Мой черный воздушный лимузин покружил над землями, дав мне вид на китайские дворы и сады внизу.

Само поместье было ближе к европейскому стилю, напоминало мне тосканские виллы, которые я видел в андернете, когда изучал для себя архитектуру. Здание было из камня бежевого цвета с величественными прямоугольными окнами на первом и втором этажах. Мы опустились на парковку за поместьем.

Я опоздал по указанию Виктора. Здесь уже была дюжина дорогих машин и лимузинов. Мужчина в черном костюме открыл дверь лимузина и спросил о приглашении. Он не был угрожающим, но было очевидно, что он из охраны, я подозревал, что он опасен. Я жалел, что пришел без оружия, но это было слишком рискованно.

— Джейсон Чжоу, да? — спросил мужчина.

Я кивнул, сохраняя спокойствие на лице.

— Вы еще не посещали резиденцию Цзинь?

— Нет, — ответил я. — Но у меня личное приглашение от мисс Цзинь.

— Нам нужно проверить, — сказал он и отсканировал мое лицо Ладонью, на миг ослепив меня зеленым светом.

Я замер, расслабив стойку. Не было причины нервничать.

Мужчина какое-то время смотрел на Ладонь.

— Проблемы? — спросил я, изображая скучающий и нетерпеливый тон богатых ю из их сериалов, которые мне пришлось смотреть. — Я бы хотел войти до окончания вечеринки.

Он без интереса взглянул на меня и вернул приглашение.

— Наслаждайтесь вечером, мистер Чжоу.

Мой водитель выключил фары, но реклама все играла на окнах лимузина. Он будет ждать меня до окончания вечера.

Я прошел один по мощенной камнем дорожке сквозь сад к главному входу, путь обрамляли красные бархатные веревки. Земли освещали скрытые лампы, словно магией. Я заметил пруд камня, что стоял там для красоты. У пруда была круглая арка, ведущая в другую часть двора. Поместье Цзинь было большим, сюда не доносился шум с дороги у дома. Я завернул за угол и попал к круглой дорожке с каменным фонтаном в центре, украшенным вырезанными прыгающими карпами кои.

Два швейцара во фраках стояли по краям от арки, ведущей к большим двойным дверям дома Цзинь. Один поклонился и протянул руку, я отдал приглашение. Их пиджаки были из серебряной ткани с иероглифами Цзинь, вышитыми там бледным золотом.

— Рады приветствовать вас, мистер Чжоу, — сказал швейцар и открыл одну из тяжелых деревянных дверей. Меня окутал голубой свет, и я понял, что вход сканировал каждого входящего, проверял на оружие. Я прошел без проблем в прекрасную прихожую с мраморным полом и величественной люстрой, висящей с куполообразного потолка.

Шесть стражей стояли у стен круглой прихожей, тихие и наблюдательные. Они не выделялись, но я сразу ощутил их присутствие. Музыка и голоса не доносились сюда, поместье, видимо, было звуконепроницаемым. Кроме большого букета цветов в центре круглого каменного стола, прихожая была не украшена. Я посмотрел на букет в своей руке, чувствуя себя напряженно и смешно. Я был не отсюда.

— Мистер Чжоу, — молодая женщина в темно-фиолетовом ципао с бледно-золотым иероглифом Цзинь подошла ко мне. — Добро пожаловать, — она подняла изящную руку. — Прошу, следуйте за мной, — я пошел за ней по одному из широких коридоров, ведущих из прихожей, а потом ускорился, чтобы мы шли бок о бок. Коридор был из арок с колоннами, освещенный замысловатыми железными лампами на стенах. Мы прошли закрытые двойные

двери и несколько окон высотой от пола до потолка с видом на сады снаружи.

Мы шли какое-то время в тишине. Я пытался запоминать окружение, не было настроения общаться. Меня поражало, что коридор не кончался, поместье было огромным и стояло в центре Тайпея. Как много квартирных домов Цзинь снес, чтобы построить такой дом? Наконец, женщина остановилась перед высокими скругленными дверями и открыла их. Классическая музыка и гул многих голосов заполнил тишину.

— Наслаждайтесь, мистер Чжоу, — сказала она, отойдя в сторону. — Мисс Цзинь ждала вас.

Я скрыл удивление взглядом на свой букет. Когда я поднял голову, женщина уже ушла. Маленький оркестр играл у дальней стены под стеклянными арками, обрамлявшими их, как холст. Мы были в бальном зале, из которого можно было выйти в сад и к пруду. Около сотни ю в лучшей одежде были в зале, слуги ходили в толпе с серебряными подносами. Слуга остановился передо мной, предлагая позолоченные блюда с гребешками на зелени. Я покачал головой, и он ушел. У меня не было аппетита.

Люстра в центре прямоугольной комнате была не хуже той, что висела в прихожей, лампы на стенах отбрасывали на красивую толпу мягкий свет. Я почти сразу увидел Дайю, окруженную группой ю нашего возраста, каждый держал бокал шампанского, улыбался или смеялся. Воплощение богатства, счастья и идеальности.

Я пошел к ней, сталкиваясь порой с локтями, получая косые взгляды. Оказавшись почти у Дайю я понял, что держу букет как оружие, гнев и неловкость росли с каждым рукавом, который я задевал, с каждым бриллиантовым ожерельем, большим рубином или сапфировыми серьгами, которые я замечал над голыми плечами. Дайю поймала мой взгляд и широко улыбнулась.

Я застыл и ослабил хватку на букете. Я не заметил, что мое сердце колотилось, пот собрался сзади на шее, воротник рубашки прилип к нему. Я медленно вдохнул и улыбнулся в ответ, робко передернув плечами. Я губами поприветствовал ее.

Она отошла от группы и подошла ко мне. Все ее ю-друзья следили за ее движениями, как ястребы. Это было бы забавно, если бы я уже не чувствовал себя не в своей тарелке.

— Это мне? — спросила она.

Я забыл о цветах и протянул их.

— Да, — сказал я, жалея, что не попросил у Виктора список метких фраз. — В обмен на лилии, что ты прислала, — я мысленно простонал. Не так учтиво.

Она вдохнула аромат цветов, улыбаясь букету.

— О, — сказала она, — это мило, Джейсон, — она приблизилась и поцеловала меня в щеку, путая меня своим нежным цветочным ароматом. Некоторые из ее друзей шурились, я и ощущал, что они оценивают меня со стороны.

Дайю не обращала на них внимания. Она была в узком бирюзовом платье, вырез показывал ее длинные загорелые ноги. Ее волосы были собраны в небрежном изящном стиле, из украшений был только каскад бриллиантов в серебре, сверкающих, как капли дождя, на ее груди. Я не пялился, но глаза все равно задержались там дольше приличного, и я вспомнил, что нужно сказать:

— Ты потрясающе выглядишь.

— Ты сам выглядишь потрясающе, — она провела ладонью по моему лацкану.

Я не успел ответить, к нам подбежала Ангела.

— Джейсон Чжоу из Калифорнии, — воскликнула она. — Где ты прятался? — она

схватила меня за бицепс и поцеловала в другую щеку.

Я много изучал ю онлайн, но не мог понять эти поцелуи в щеку. Мне нужно было целовать их в ответ? Я думал, что поцелуй Дайю был благодарностью за цветы. А зачем тогда поцеловала Ангела?

— Я не прятался, — сказал я, решив сегодня щеки не целовать. Как и вообще.

Ангела все еще сжимала мою руку, смотрела на меня, хлопая длинными ресницами. Она была в черном платье без лямок, ее татуировки в виде лотосов сменились летучими мышами среди цветов персика, по одной летящей было под каждой ключицей.

— С Нового года здесь вечеринки каждый день, но я тебя ни на одной не видела! — она сжала мою руку в возмущении. Я моргнул, когда ее неестественно золотые глаза стали темно-зелеными, тускло сияя. Видимо, новая игрушка ю.

— Ах, — ответила я. — Я не очень люблю вечеринки.

Она надула темно-красные губы, и они напомнили спелый фрукт.

— Думаю, вы друг друга заслуживаете, — она толкнула меня к Дайю, а потом сделала вид, что подавила рукой зевоту от скуки. — Наслаждайтесь просмотром передач в комбинезончиках, потягивая чай, — Ангела помахала пальцами и ушла.

Я рассмеялся и покачал головой.

— Даже представить сложно. Комбинезончик?

— Это такая пижама. Очень мягкая. У меня есть фиолетовая с котами, — Дайю оказалась прижатой к моему боку, когда Ангела игриво оттолкнул меня.

Я ощущал ее тепло своим телом. Мы не двигались и не говорили.

Наконец, она склонила голову, открыв изящный изгиб горла.

— Ты выглядишь... стесненно.

— Я... — замолчал. Врать или говорить правду? — Мне неудобно. Я редко ношу фраки и никогда не бывал на роскошном вечере.

Она поправила мою черную бабочку, которую Виктор старательно завязывал, и провела ладонями по моим плечам.

— Но ты выглядишь идеально, — улыбнулась она.

Я на это надеялся.

Дайю обвила своей рукой мою.

— Я представлю тебя своим друзьям.

— Твой отец на празднике? — спросил я как можно ровнее.

Она взглянула на меня краем глаза.

— Нет. Он в командировке. В Калифорнии, кстати.

Я позволил ей отвести меня к небольшой группе друзей. Они выбирали у двух слуг с подносами разные закуски.

— Ты все-таки вернулась с ним, — пухлая девушка с серебряными волнистыми волосами подмигнула мне. У нее было длинное розовое платье, подчеркивающее каждый изгиб ее тела, и широкий бриллиантовый чокер, стоивший миллионы. Она протянула руку в бежевой перчатке и сказала. — Я — Мэйвен.

Я обхватил ее пальцы.

— Привет. Я — Джейсон.

Она выжидающе улыбнулась мне. Ее глаза были тщательно подведены черным, и линии заканчивались изгибами. Мэйвен напоминала мне юную азиатскую Мэрилин Монро. Ю, праздновавшие с дикой энергией на вечеринке в честь Нового года, с крыльями и чешуей

пропали. Вместо этого все сегодня были в старом стиле.

— Рад знакомству, — сказал я и отпустил ее руку, но она задержала ее на миг дольше. Я должен был поцеловать ее руку или оставить поцелуй на щеке? Слишком поздно. Я мог объяснить ошибки тем, что был из-за границы.

Дайю представила мне других четырех ю, и я пожал каждому руки.

Один из них, Джозеф Чен, крепко сжал мою ладонь, словно проверял силу, и держал дольше, чем Мэйвен.

— Где именно в Калифорнии ты жил? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Лос-Анджелес, но учился я у залива, — ответил я.

— Красивый город, — сказал он. — Так ты ходил в пансион?

Я отдернул руку. Я был не в настроении играть в альфа-самца.

— Нет, — сказал я на английском. — Я учился в Беркли.

Его глаза расширились за черными очками от Картье, аксессуар подходил его фрак. Я был уверен, что у всех ю было идеальное зрение.

— Твоя семья дружит с Цзинь?

Дайю стояла рядом со мной, говорила с Ангелой, вернувшейся с подносом бокалов с шампанским, которые быстро разошлись. Другие три ю потягивали напитки и делали вид, что слушают болтовню Ангелы, хотя подслушивали нас с Джозефом. Оркестр играл достаточно громко, чтобы нам приходилось говорить повышенным тоном.

— Я дружу с Дайю, — я дружелюбно улыбнулся ему. — А ты? — я видел по тому, как он себя ведет, что они с Дайю знали друг друга с детства, и он мог скрывать свои чувства к ней, достигнув подросткового возраста.

Дайю передала мне бокал.

— Собеседование устроил, Джо? — она склонилась и коснулась моего рукава кончиками пальцев. Никто не упустил жест.

— Просто пытаюсь узнать новенького лучше, — ответил Джозеф, склонил бокал и сделал глоток шампанского.

— Нечего узнавать, — сказал я. — Я жил довольно замкнутой жизнью.

Ангела рассмеялась, и несколько взрослых посмотрели в нашу сторону.

— С такой внешностью? — она подмигнула мне. — Не верю.

Я подавил желание опустить взгляд — была ли рубашка заправлена? Вместо этого я улыбнулся и подмигнул в ответ.

— Прекрасно, что ты пришел и сделал вклад в великое дело, Джейсон, — сказала Мэйвен. Она отбросила серебряную волну волос рукой в перчатке, ее камень на пальце сверкал, поймав луч света.

— Я пришел поддержать Дайю, — я сделал глоток из бокала, желая, чтобы там было холодное пиво.

— Детский фонд многое делает для детей Тайпея, — сказала Дайю. — Собранные сегодня деньги будут отправлены на еду, дома и медицинскую помощь нуждающимся детям.

— Ты делаешь чудесную работу, — сказала хрупкая девушка по имени Хелен. Казалось, она в паре с Йон Минем, мускулистым парнем, на котором чудом не рвался пиджак. — И ты знаешь, что я рада любому шансу посмотреть на Йон-Йона во фраке! — кличка, которой она назвала его, подтвердила мою догадку. — А ты, Джейсон? — спросила Хелен. — Ты занимаешься благотворительностью?

— Я помогал отстраивать дома в Лос-Анджелесе, — соврал я. — Но ничего такого.

— Мужчина, делающий грязную работу, — пропела Ангела. — Мне нравится.

Я слишком быстро проглотил шампанское и прокашлялся в ладонь.

Мэйвен рассмеялась.

— Ты неутомима, Анж, — она остановила официанта с подносом слоек с кремом, выбрала одну и принялась изящно есть.

Ангела тоже взяла одну, но я отказался. Я никак не мог привыкнуть к маленьким закускам. Этим могли наслаждаться лишь те, кто никогда не голодал. Но, несмотря на вычурность вечеринки, я был удивлен, что эти ю думали о денежной помощи мэй.

— Звучит... мило, — сказал Джозеф, но тон указывал об обратном. — Хотя я считаю, что лучше во что-то вкладывать деньги.

— Деньги всегда хороши... — сказал я. — Для тех, у кого они есть.

Мэйвен моргнула, Йон Минь сдвинул темные брови, Ангела склонила голову и сделала глоток шампанского. Официант снова миновал нас, Ангела схватила еще одну слойку с кремом. Я чуть не рассмеялся, но это чувство быстро сменилось гневом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джозеф.

— Я о том, что Детский фонд выглядит как организация, которая много помогает, — ответил я. — Но, может, лучше не давать их родителям умирать так рано.

Друзья Дайю потрясенно смотрели друг на друга.

— Умирать от голода, болезней, которые они находят в загрязненном воздухе и воде, в испорченной еде, — я продолжал, сохраняя голос ровным. — Может, если больше людей сможет жить дольше, то будет меньше нуждающихся сирот?

Сирот как я.

Шея пылала, я хотел сорвать дурацкую бабочку и расстегнуть пуговицу на воротнике идеальной рубашки.

— Прекрати, — сказал Джозеф, свободная рука сжалась в кулак. — Ты оскорбляешь Дайю.

Я опустил голову, чтобы успокоиться, чтобы взять себя в руки. Что бы сделал Виктор? Очаровал комплиментами, а не рисковал раскрытием, рассказывая несведущим ю правду.

— Думаю, он дело говорит, — низкий голос Йон Миня прервал мои мысли.

Я удивленно посмотрел на парня, похожего на Халка во фраке, он неуверенно улыбнулся мне.

— Я постоянно гуляю по городу, — продолжил Йон Минь. — Там много голодных детей без родителей и больных взрослых без необходимой медицинской помощи. Деньги для Детского фонда помогают, это хорошая организация. Но это только жгут на ране, да? Мы не разбираемся с сердцем проблемы.

Я думал, что парень морщил лоб от смутения после моих слов. Но он делал это от раздумий. Я недооценил его, потому что он выглядел как качок, потому что он был богат.

— Ты ходишь по городу? — спросил Джозеф с отвращением. — Те мэй могут быть опасными... — он резко замолчал и посмотрел на Дайю, та следила за пузырьками в своем бокале. Я понял, что Джозеф знал о ее похищении. Может, больше никто не знал.

Хелен сделала шаг вперед и взяла своего парня за руку, вскинув голову.

— Конечно, Йон-Йон ходит по Тайпею. Это все-таки наш город. И потому он хочет быть врачом.

Йон Минь улыбнулся своей девушке и поднял ее руку, чтобы поцеловать, это выглядело так естественно, что я понимал, что он часто так делает.

— Я хотел, чтобы ты знал, что я понимаю, куда ты клонишь, Джейсон, — кивнул мне Йон Минь.

Дайю выглядела печально, она окинула меня взглядом с пытливым блеском светлых глаз. Все еще сжимая букет, она выглядела как богиня, которой докучали.

— Я не хотел оскорбить, — я не мог обхватить пальцы Дайю или поцеловать ее руку, на миг я позавидовал Хелен и Йон Миню и их любви и легкости. — Я согласен, что фонд делает хорошую работу, — сказал я. — Просто картина больше. Думаю, вы, — я сделал паузу, — мы живем очень ограниченно.

Джозеф на миг оскалился, я успел уловить. Было очевидно, что он не считал меня частью «мы». Я не знал, было это из ревности или инстинктов, но мне нужно было вести себя с ним осторожно.

— Я и не обиделась, — сказала Дайю. — Я рада, что ты это сказал, потому что думаю, что ты прав. Нам так просто вести замкнутые жизни, видеть все только с одной стороны.

Я улыбнулся, потому что теперь она говорила терминами, которые мне были понятны. Это было странно ощущать, будучи на вычурной вечеринке в дорогом фраке.

Йон Минь кивнул, но я не упустил, что Джозеф хмурится, пока Дайю поднимала бокал.

— И я ценю твой вклад в фонд, Джейсон, и все вы, — она посмотрела на нас с теплой улыбкой, идеально играя роль хозяйки. — Надеюсь, вы хорошо проводите время.

Все кивали, Хелен подняла свой бокал.

— У тебя всегда самые лучшие гала.

Дайю прикоснулась своим бокалом к нам, официант принес еще поднос с шампанским. Я воспользовался отвлечением и придвинулся к Дайю, шепнув ей на ухо:

— Мы можем как-то сбежать на минутку?

Ее щеки порозовели.

Мне нужно было покинуть людный зал, чтобы отделить Ладонь Дайю для доступа Лин И, чтобы та заодно смогла добраться до личных устройств Цзинь. И я хотел убраться отсюда.

— Я бы хотела поставить их в вазу, — сказала Дайю. — Давай я покажу тебе дом, Джейсон.

Я наслаждался испуганными лицами ее друзей, но не стал ухмыляться им.

Я проследовал за Дайю из зала, длинной комнате, сияющей искусственными огнями и блеском камней гостей. Она махала и улыбалась, когда мы проходили ю, но не останавливалась для разговора. Те, кто был нашего возраста, наслаждались выпивкой, болтали и смеялись, а их родители вели себя сдержаннее, но тоже пили. Маленький оркестр перестал играть, луч света выделял женщину, сидящую на возвышении с гуцинь на резной стойке перед ней. Она начала играть на семиструнном инструменте, ноты заполнили комнату, полные души и тоски, элегия. Разговоры прервались, гости повернулись к женщине в бледно-зеленой расшитой тунике и юбке, ее черные волосы были стянуты в длинную косу.

Несколько охранников в темных костюмах стояли у стен, один был у двери, к которой направлялась Дайю.

— Тебе можно отходить? — тихо спросил я. — Это была эгоистичная просьба.

— Все в порядке, — сказала она. — Я могу отойти ненадолго. Здесь хватает еды, напитков и развлечений, чтобы гости были счастливы.

Она провела меня через незаметную дверь, требовавшую отпечаток ладони.

— Мы проводим здесь много деловых встреч, — объясняла она без моего вопроса, — и охрана следит, чтобы нежелательные гости не бродили по дому.

Мы пробрались в коридор, что был не меньше того, в котором я уже бывал. Шум вечеринки пропал, как только закрылась тяжелая дверь.

— Ты часто ведешь такие гала? — спросил я, следуя на шаг позади нее, озираясь. Здесь было еще больше двойных запертых дверей. Я посмотрел на свой Вокс и увидел, что клетка ничего не ловит. Я знал, что вряд ли смогу получить доступ к приборам Цзинь, учитывая, как тут все защищено. Дайю была без Ладони сегодня, мне нужно было попасть в ее спальню.

— Пару раз в год, — сказала она. — Благотворительность мне близка.

Коридор заканчивался деревянной дверью в тосканском стиле, но с китайскими монетами, украшающими центр каждой двери. Требовался еще один отпечаток ладони Дайю, и мы попали в ротонду с широкой изогнутой мраморной лестницей у дальней стены. Перила из кованого железа были в виде изящных китайских драконов.

Мы поднимались по лестнице бок о бок, пальцы задевали друг друга. Мне приходилось заставлять себя не дергаться, как от удара током.

— Я всегда вела гала одна, — сказала она. — Но некоторые друзья, как Мэйвен, помогали с планированием.

Когда мы добрались до вершины, я увидел, что этот широкий коридор с коврами, что были уютнее, чем мраморные полы внизу.

— Дом впечатляет, — сказал я.

Уголок ее рта приподнялся.

— У моего отца склонность к грандиозному.

Стены были увешаны картинами от классических китайских свитков до итальянских масляных картин. В нишах стояли вазы, шкатулки или нефритовые статуи. Оригиналы, я не сомневался. Ее дом напоминал музей.

— Все так красиво. У него хороший вкус.

— Моему отцу нравится собирать красивые вещи, — сказала она. — Думаю, мама была из таких вещей.

Она сказала это ровно, словно констатировала простой факт. Я вскинул брови, задумываясь снова о том, какие у нее отношения с отцом.

Дайю прошла через другие резные двойные двери, здесь на бледном дереве были вырезаны птицы. Удивительно, но здесь отпечаток ладони не требовался. Она просто повернула серебряную ручку и толкнула двери.

— Добро пожаловать в мою спальню, — сказала она.

Так просто. Я думал, придется ее уговаривать.

Комната больше напоминала номер. Или квартиру семьи мэй из четверых человек. На дальней стороне было три скругленных окна, вид открывался на сады внизу. Большая кровать с пологом была центре спальни, на ней были бледно-золотые и зеленые шелка. Кровать была усеяна подушками и не была заправлена. Дайю села на край и сняла туфли на каблуках, пошевелила ногами.

— Болит ужасно, — она вытянула руки над головой, как кошка, и мне было сложно не думать о том, как мы снимаем друг с друга одежду.

Сообщение пришло на мой Вокс, и я взглянул на него, радуясь отвлечению. Клетка нашла поблизости прибор — Ладонь Дайю. А следом — сообщение Лин И: «Дай мне пятнадцать минут». Я сунул ладони в карманы брюк и пошел по большой комнате. На одной стене были книжные полки, заполненные сотнями книг. Я с любопытством разглядывал корешки. Некоторые были явно связаны с чтением в школе, обычная классика, в остальном

ее вкусы были смешанными: детективы, фэнтези, романтика и ужасы.

На полках стояли мелочи: пластмассовый единорог с радужным хвостом, заплетенным в косу, шишка размером с кулак, нефритовая фигурка козла и похожая из золота.

— Похоже, книги изучавшему литературу интереснее меня, — сказала она с кровати.

Я рассмеялся.

— Я думал, что у меня тур по твоему дому, — длинный стол из розового дерева, украшенный вырезанными хризантемами, стоял у полок, служил письменным столом. — Но ты права, я не могу сопротивляться желанию посмотреть на книги.

Она встала, взяла античную вазу с камина и пропала в ванной с ней и моим букетом.

— Мне тоже нужен перерыв от гала, — сказала она из другой комнаты. — Я чувствую себя уютно только в своей спальне. Остальное принадлежит отцу, — она вернулась с цветами в фарфоровой вазе. — Здесь нет камер.

Волоски на моей шее встали дыбом. Конечно. У Цзинь была лучшая техника для охраны, и каждый угол был под наблюдением в его собственном доме. Кроме спальни дочери. Я чуть не спросил: «Уверена?». Вместо этого я подошел к ней, забрал вазу и поставил на стол из розового дерева.

— Красивые, — сказала Дайю, сжав мою ладонь. — Это было заботливо с твоей стороны.

Нужно сказать Виктору, что он очень помог мне с цветами, хотя его это вряд ли требовало роста.

Она придвинулась ближе, глядя на меня темными карими глазами, словно могла заглянуть в мою душу, прочитать все мои секреты. Я заставил себя выдержать ее взгляд, успокоился и приготовился, что она узнает меня. Узнает, что я похитил ее.

Вместо этого она медленно улыбнулась.

— Ты скромный.

Боги. Равнодушный, может. Но не скромный. Меня никогда не приглашали в спальню ю-девушки, но меня приглашали мэй, и это всегда означало только одно. Было так просто обвить ее руками и поцеловать, увидеть, куда поцелуй заведет. Разве я не должен был подружиться с Дайю? Дружелюбнее уже некуда. А если это все разрушит? Инстинкт говорил мне, что она не из торопливых, мне казалось, что меня проверяют.

— Не совсем, — ответил я, улыбаясь ей. — Я рад, что тебе понравились цветы.

Я прошел к окнам с видом на просторные сады внизу. Вдали была беседка с зеленой изогнутой крышей, освещенная мягко золотыми огнями. Вид напомнил мне «Сон в красном тереме», многие сцены, которые Баою и Дайю провели в садах своего поместья.

— Так ты живешь здесь одна с отцом? — спросил я, развернувшись. Она прислонялась к резному столбику своей кровати и смотрела на меня, скрестив руки.

— Вдвоем, да, — сказала она. — А еще бывают гости и наша команда охраны.

Я искал взглядом в комнате фотографии, старые или цифровые. В комнате была только одна фотография, Дайю лет десяти или одиннадцати на вид держала мохнатую белую собаку в руках, радостно смеялась на камеру. Фотография была в серебряной рамке. Не было фотографий Дайю с кузинами, на дне рождения с друзьями, или портрета из студии с родителями. Отсутствие таких мгновений в спальне о многом говорило.

— Это твоя собака? — спросил я.

— Ее звали Мочи. Мама подарила ее мне на восьмой день рождения, — она подняла рамку и посмотрела на фотографию. — Два года спустя отец заставил отдать ее, потому что

она сбила орхидею, и горшок разбился.

Я сдержал все оскорбления в адрес Цзинь. Вместо этого я сказал:

— Твоя мама подарила тебе Мочи, чтобы тебе было не одиноко?

Дайю тихо вдохнула и кивнула, опустив фотографию.

Я представил ее ребенком в этом огромном доме, одна, кроме гостей отца, никогда не говоривших с ней. И Цзинь заставил ее оставить единственного друга. Я знал, что мое детство было сложным, я много раз чувствовал себя одиноким. Дайю испытывала другое одиночество. Но одиночество было везде.

— Ты не осталась с мамой? — спросил я, тон прозвучал мягче, чем я хотел.

— Родители развелись, когда мне было три, — сказала она. — Отец хотел избавить маму опеки. В наказание за то, что она посмела оставить его. Она живет в Гонконге, и я вижу ее раз в пару лет, — она теребила бриллианты на шее. — А твои родители?

— Женаты двадцать лет, — ответил я, не думая, ведь я запомнил данные об этой своей личности так, чтобы они стали второй правдой.

— У тебя есть брат или сестра?

Я покачал головой.

— Я — единственный ребенок.

— Я всегда хотела брата или сестру... — прошептала Дайю, ее прервал тихий звон колокольчика. Она взяла Ладонь со столика у кровати и провела пальцами по экрану, удивленная улыбка тронула уголки ее губ. — Ангела хочет знать, не прерывает ли она нас. Она идет сюда.

Видимо, у нее был доступ, как у подруги Дайю, раз Ангела знала путь в ее спальню.

Мы поговорили еще, но ощущение разговора сменилось, мы перешли на менее личные темы. Через две минуты Ангела ворвалась в комнату, постучав, ее глаза сияли. Я только сел в кожаное кресло у кровати, а Дайю снова сидела на краю кровати. Ангела окинула сцену взглядом, разочаровалась, что не застала нас в пикантной ситуации.

— Привет, — сказала Дайю на английском.

— О, — ответила Ангела.

— Надеюсь не только поговорить с нами, Анж? — спросила Дайю с хитрой улыбкой.

Я рассмеялся, Ангела изображала невинность. На пороге появился Джозеф, и я кашлянул. За ним шла Мэйвен, покачивая бедрами.

— Не стой здесь как столб, — фыркнула она.

Я подавил улыбку.

Она похлопала по серебряным волнам своих волос.

— Мы потеряли по пути Хелен и Йон Миня. Они уединились в саду.

— Ясно, — ответила Дайю.

— Я никогда не была в твоей спальне, — сообщила Мэйвен и направилась в ванную. — О-о-о, посмотрите на размеры, — доносились до нас ее слова. — В душевую можно уместиться вшестером, представь, Анж!

Дайю рассмеялась, Джозеф покачал головой.

— Я предпочитаю ванну, — отозвалась Ангела. Она села рядом с Дайю на кровати и взяла ее за руку. — Раз вы ничем не заняты, — сказала она, — вернемся на вечеринку.

Я не знал, кто придумал пойти за нами: Джозеф или Ангела. На моем Воксе появилось сообщение от Лин И: «Все хорошо».

Хорошо, что она получила доступ к Ладони Дайю. Совесть колола меня чувством вины,

было неприятно. Я отогнал это ощущение. Сомнения только все испортят.

— Я ставила цветы Джейсона в вазу, — сказала Дайю.

Я встал и поправил фрак.

— Я не хочу мешать тебе вести гала, Дайю.

— Но я так и не показала тебе все, — она обула туфли на каблуках.

— Дом большой, — ответил я. — Наверное, эта ночь — не лучшее время.

— Тогда в другой день, — она посмотрела на меня с улыбкой, которую успел заметить только я.

Желудок вдруг показался пустым.

Ангела подняла подругу на ноги.

— Я готова вести аукцион благотворительности!

Мэйвен вернулась к нам, ее розовое платье тянулось за ней, девушки покинули комнату. В спальне Дайю остались только мы с Джозефом. Он напрягся, а я пошел к двери.

— Держись подальше от Дайю, — тихо сказал он.

Я замер, чтобы мы стояли почти плечом к плечу.

— Это она приходит к моему порогу и приглашает меня на вечеринки, — не было необходимости звучать угрожающе, правды хватало.

Он вздрогнул, и я покинул комнату.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я ждал у площади Свободы перед мемориальным залом Чан Кайши с толпами других людей. В толпе каждый один из десяти был в костюме. Я никогда не видел так много ю, собранных снаружи, но Цзинь в новостях, андернете и через коммуникативные устройства сообщил, что сегодня будет большое объявление, которое изменит наши жизни навеки. Ю в костюмах смешивались в толпах с мэй. Десятки стражей обрамляли площадь, их лазеры висели на бедрах. Они были в темно-зеленой форме, их рубашки были с символом корпорации Цзинь, иероглифом «золото». Репортеры были у белых ступеней, ведущих к входу в зал, их камероботы были направлены на площадь.

Мемориальный зал считался символом статуса Тайваня. Грязь не покрывала белые стены сада, окружавшие парк, и красивые яркие здания в нем. Парк и зал раньше были открытыми людям, но слишком много бездомных устраивали дома среди кустов и цветочных клумб, так что правительств решило открывать парк только в определенные дни года, по особым случаям, как этот. Я был уверен, что Цзинь хорошо заплатил, чтобы это произошло.

Холодное утро января, и чистые белые стены сада с двойной крышей с синей черепицей драматично выделялись на фоне коричневого зимнего неба. Стекланный шлем не мешал мне смотреть и слушать, словно на моей голове ничего не было, но хотя в костюме я мог двигаться с легкостью, я все еще ощущал себя отделенным от толпы. Многие мэй кашляли по краям площади, от этого сильного кашля я содрогался и был рад, что я в костюме, так что не подхватчу их болезнь. После этой мысли последовало отвращение, ведь эта мысль возникла автоматически. Было просто вести себя как ю. Жизнь мэй была противоположной: холодной, пустой.

Я не ощущал холодный воздух, костюм окружал меня комфортными 72°F. Я выключил коммуникативное устройство, что высвечивалось на дне моего стекланный шлема, где ю обсуждали, что за объявление сделает Цзинь, как и то, будет ли после этого вечеринка. И

никого не смущало, что был полдень понедельника. Дайю подозрительно отсутствовала. Она редко участвовала в разговоре, но мое сердце билось чаще, когда я видел ее иконку там, мой костюм отмечал это, к моей досаде. Мы не видели друг друга с ее гала на прошлой неделе.

Мои друзья заставили меня дважды описать гала, наши разговоры, хотя я пропускал мелкие детали, как ее тайное желание, чтобы у отца был другой ребенок, и он занял ее место наследницы Цзинь. Как она с улыбкой пообещала мне тур по дому. Я мысленно много раз прокручивал наш разговор, каждое слово, каждый взгляд, каждый нюанс, столько раз, чтобы я не заговорил об этом вслух. Она сказала, что я для нее почти знакомый. Она не узнала меня, но я был уверен, что она вспоминает о похищении и пытается бороться со стертой памятью. Продержится ли эффект? Эту тревогу я не озвучивал друзьям. Они бы только повторили мне данные экспериментов, но они не говорили с Дайю, не дружили с ней ради тайной работы против нее. Не они выдерживали ее ясный взгляд, не вздрагивая, хоть и зная всю правду.

Всю ложь.

Больше двадцати человек в красных туниках и штанах, украшенных золотом, вбежали на площадку над нами с барабанами, и толпа громко захлопала. Барабанщики встали полукругом, инструменты лежали перед ними. В центре стоял юноша с огромным висящим барабаном, он ударял по нему палочками в сильных руках. Я стоял в середине площади в толпе, но шлем мог приближать изображение предмета. Другие барабанщики подхватили мощный ритм своими инструментами, руки быстро взлетали в унисон, движения казались порой размытыми.

Сильный ритм барабанов заполнял площадь, дрожал в зале, отражался от стекла и стальных небоскребов, что возвышались вокруг нас и светили неоновыми огнями и рекламой. Воздушные автомобили и мопеды проносились над головой, но барабанщики со своими ловкими ударами и взмахивающими рукавами заставили нас забыть обо всем этом, вернули нас в прошлое ритмом. Наши реакции были схожими, люди, мэй и ю, задирали головы и топали ногами в такт. В этот миг мы были едины.

Выступление закончилось соло юноши в центре. Последний удар большого барабана закончил звенеть, тишина была осязаемой, а потом зрители завопили и захлопали. Они топали ногами и свистели. Можно было говорить о Цзинь что угодно, но он знал, как устроить хорошее шоу. Барабанщики спустились со сцены, и две фигуры вышли из зала, они были в белых костюмах. Я присмотрелся к ним и увидел, что на рукавах их были красные полосы, а над сердцами было белое солнце вышито на синем фоне — тайванский флаг.

Как патриотично.

Хотя его шлем был затемнен, я знал, что высоким был Цзинь. Я посмотрел на человека рядом с ним, женщину, и вдруг понял, что это Дайю. Я узнал ее силуэт, но и то, как она стояла, чуть расставив ноги. Я знал, что под затемненным шлемом ее голова вскинута с вызовом.

Вдруг шлемы Цзинь и Дайю стали прозрачными, мы увидели их лица. Цзинь начал говорить, я видел его в своем шлеме. Он хорошо выглядел в свои сорок, немного седины было на висках, он выглядел уверенным богачом. Я попытался раздраженно выключить изображение мыслью, потом голосом, но не сработало. Все ю в костюмах видели его, хотели они этого или нет. Я смог лишь сделать картинку меньше.

— Товарищи и граждане Тайваня, — сказал Цзинь. — Сегодня важный день, — он поднял руки к небу, а потом медленно опустил по бокам. — Костюмы корпорации Цзинь

добрались до мирового рынка и стали лучшими для тех, кто может их себе позволить. Корпорация Цзинь официально нанесла Тайвань на карту как лидер инноваций и технологий, ведь здесь производят самые лучшие товары. Моя компания дала работу тысячам жителей, нас заметил мир. Никто больше не посмотрит на ярлык «Сделано в Тайване» с презрением, — Цзинь вскинул кулак в воздух, толпа на площади Свободы хлопала и вопила.

Я присмотрелся к людям вокруг — все ю в костюмах радовались, и это было ожидаемо. Но так делали и многие мэй вокруг меня. Кроме кашляющего парня за двадцать, остальные мэй были тепло одеты и выглядели здоровыми. Большинство было с масками на лицах. Корпорация Цзинь дала нам рабочие места, но при этом было известно, что им недоплачивают, потому что они получали много заявок. Корпорация Цзинь богатели на поте и крови людей. Редкие мэй хорошо к ней относились, так что энтузиазм вокруг меня был наигранным.

— Я обещал важные новости, и я не буду больше тянуть, — Цзинь помахал рукой, как кто-то, привыкший, чтобы его слушались. Как владыка. Две фигуры появились из глубин зала и подошли к Цзинь и Дайю, мужчина и женщина в костюмах. — Корпорация Цзинь разработала менее дорогой костюм для обычных граждан. Эти костюмы обычные, в их шлемах не столько функций, как в основных костюмах, но они все еще регулируют воздух, защищают от загрязнений, которыми вы дышите каждый день.

Фигуры развернулись по кругу, показывая костюмы. Словно в ответ на слова Цзинь, стало слышно кашель людей. Я посмотрел на края площади. Там не было ю в костюмах, а мэй выглядели хуже, одежда была потертой, тяжелая жизнь отразилась в глубоких морщинах на их лицах. Я видел Аруна у сосен, окружавших площадь. Все мои друзья были здесь сегодня, но я стоял один, как Джейсон, и знал лишь несколько новых знакомых среди ю.

— Эти более доступные костюмы стоят от двухсот тысяч юань, — сказал Цзинь, — начальная цена дешевле многих автомобилей на рынке.

Толпа взволнованно зашепталась, тихий звук превратился в осязаемый гул.

— Доступные костюмы для вас и ваших любимых продлят ваши жизни, — Цзинь указал на двух моделей в этих костюмах. — Разве это не стоит вложений?

Люди вокруг меня снова захлопали, хотя я заметил, что редкие мэй уставшего вида хлопали ему. Стражи стояли за ними, скрестив руки, подальше от мэй, но их отличала только чистая белая форма корпорации Цзинь. И то, что Цзинь следил, чтобы его стражей кормили, чтобы у них были силы защищать его. Чтобы они получали медицинское внимание. Так обращались со сторожевыми псами.

— Это изобретение мне посоветовала моя дочь Дайю, — сказал Цзинь, и камероботы повернулись к ней.

Ее лицо было видно за стеклянным шлемом. Ее волосы были убраны назад, на ней было больше макияжа, чем обычно. Она выглядела взрослее, еще красивее и строже. Дайю кивнула и улыбнулась камерам, не показав зубы, — тень того, что я видел, когда она слезла со стены.

— Она посчитала нечестным, что столько жителей Тайваня остались без защиты от загрязнения, особенно, здесь в Тайпее. И она спросила, почему бы не сделать костюмы доступнее, чтобы их могло купить больше людей? — Цзинь обхватил дочь рукой, но Дайю стояла напряженно, ее лицо было бесстрастной маской для камер. — Она убедила меня приступить к работе над упрощенной версией наших костюмов. И я рад, что мы

сотрудничаем с Просперити-банком Тайпея, чтобы костюмы стали доступными для всех.

И все вокруг меня снова захлопали.

— Костюмы будут доступны в начале весны, но вы можете заказать их уже сейчас онлайн или в любом магазине корпорации Цзинь, — сказал Цзинь. — Корпорация так же будет раздавать костюмы для рекламы нашей новейшей продукции. Купон для лотереи можно купить всего за один юань во всех 7-Элевенах. Сто костюмов будут отданы счастливчикам!

Я фыркнул. Каждый щедрый жест Цзинь был просчитан, чтобы увеличить прибыль.

Еще больше аплодисментов. Но лотереи не были простой раздачей. Цзинь использовал все, от патриотической одежды до тщательно подобранных слов. И Дайю была частью этого? Камероботы уже не показывали ее, но я сосредоточился на ее лице, она смотрела на толпу, бушующую вокруг меня. А потом она подняла взгляд и словно посмотрела прямо на меня. Это было бы невозможным без шлемов. Ее рот приоткрылся, она вдохнула — я видел, как поднялась и опустилась ее грудь — а потом повернула голову к отцу.

Руки Цзинь были подняты в торжестве, он благодарил всех, кто пришел. Для празднования парк открыли для людей на весь день. Тележки с едой и водой стояли по всему парку, все стоило всего один юань из-за помощи корпорации. Четыре фигуры в костюмах ушли в зал под громкие аплодисменты и крики. Люди начали расходиться. Ю забирались в воздушные машины, некоторые улетали на воздушных мотоциклах, а мэй направлялись к тележкам с едой и водой, радуясь редкому дню, что можно было провести там.

Вдруг возле меня раздался пронзительный вопль, а за ним другие крики:

— Он упал!

— Он мертв!

— Это заразно. Бегите!

Двое мужчин врезались в мое плечо, убегая в панике, все тоже спешили прочь. Воздух гремел от их криков и шагов, и я пытался устоять, пока в меня не врезался мужчина с дикими глазами над зеленой маской на лице, кто-то врезался в него. Я тут же оказался на четвереньках, ноги задевали мои руки и ноги, колени били в ребра. Кто-то наступил на мою левую руку, я закричал от боли, но не мог подтянуть ее к груди, ведь боялся потерять равновесие в море людей. Два мэй ударились о мой шлем, убегая, мою голову оба раза дернуло от этого, в ушах звенело от шума. Я пытался протолкаться вперед, но давка была невозможной. А потом я вдруг оказался один на площади. Я встал, шатаясь, прижал ладонь к груди, сердце отдавалось биением в голову.

Только двое мэй остались со мной и больной на земле. Я узнал его, он кашлял раньше. Он лежал на мощеной площади в позе зародыша, вытянув руки перед собой, его лицо было мертвенно-бледным, кроме двух ярких точек на щеках. Его не затоптали, потому что все старались держаться от него подальше, убегая.

Черт.

Я склонился и коснулся плеча парня. Его дыхание было слабым, скованным. Темно-коричневая кровь засохла на губах, я видел ее на камнях, где он стоял, кашляя. Я прижал ладонь к его лбу.

— Я бы его не трогал, — сказал мэй, парень за двадцать. Он прижимал к носу и рту грязный платок, его ногти были в грязи. — Ты, конечно, в своем костюме, но руки голые. Я бы не хотел подцепить то, что у него.

У больного был жар. Приказ: какая у него температура?

103.2°F вспыхнуло в шлеме.

Боги.

— Нужна скорая! — закричал я, поднимая голову и озираясь. Стражи Цзинь ушли, когда на площади не стало ю, о которых они и переживали. Несколько зевак мэй оставались по краям площади. У всех на лицах были маски. Их черные глаза изучали меня: любопытные, отчаявшиеся, испуганные. Темные пятна крови напомнили мне о романе Ю Хуа: герой пытался поддержать семью, продавая все больше собственной крови. Теперь даже это не было выходом для многих мэй — особенно для самых бедных. Их кровь считалась слишком грязной. Испорченной.

Другая оставшаяся поблизости мэй в маске с белыми котами и лиловыми звездами фыркнула:

— Скорая? Пусть мирно умрет. Они подберут его позже и кремируют.

Я смотрел на мэй-девчонку. На вид ей было не больше пятнадцати. Она закатила глаза и сказала:

— Богатый и глупый ю. Кто будет платить за скорую? За лечение? Хватит устраивать шоу.

Я посмотрел на мужчину, заметил, что пот выступил на его лбу и над верхней губой. Он горел. Как моя мама.

— Я оплачу. Мы не можем просто оставить его здесь. Он еще жив.

Девочка пожала плечами.

— Ненадолго. Мы все время умираем на улицах. Ты просто не знаешь.

Но я знал. И всегда отворачивался, как делали многие мэй. А что мы могли? Такой была жизнь. Бедняки и больные умирали в своих лачугах или в темных переулках. Если им везло, об их гибели тут же сообщал родственник или друг. Другие гнили, пока их не выдавал запах. Всего за месяц в своей квартире за 75 миллионов долларов я уже привык к такому стилю жизни, оказался далеко от ужасов улиц. Голод, болезни, смерти. Я размяк. Но здесь я мог что-то сделать.

— Команда, — сказал я. — Скорую на площадь Свободы. Сейчас.

«УСПЕШНО. СКОРАЯ В ПУТИ», — вспыхнуло на шлеме.

Мэй-девчонка ушла с парнем, не оглядываясь.

Я глубоко дышал, чтобы успокоиться, желая потерять виски. Головная боль взялась из ниоткуда. Иконка Дайю появилась в нижней части шлема.

«ПРИНЯТЬ ВЫЗОВ?».

Я моргнул, кашлянул и ответил: «Да».

Мой стеклянный шлем потемнел, лицо Дайю появилось перед глазами. Она уже смыла макияж с лица, волосы были свободно заплетены в косу.

— Привет, Джейсон, — она искренне улыбнулась. От этого сияло ее лицо. Это отличалось от ее пустого лица на экране, когда она двадцать минут назад стояла на сцене.

— Привет, — сказал я.

— Я видела тебя на площади. Не ожидала, что ты придешь.

Так она видела меня в толпе.

Я сдержанно улыбнулся.

— Конечно. Я хотел послушать объявление твоего отца.

Ее брови сдвинулись.

— Что такое? Ты странно выглядишь.

Я рассмеялся. Утомленно, но по-настоящему.

— Слишком сильно праздновал прошлой ночью?

— Врешь, — сказала Дайю. — Ангела искала тебя и присылала мне печальные сообщения. Джейсон, потерявшийся принц из Калифорнии.

— Ха. Мы с ней не пересекались, — уголок моего рта приподнялся. Я заметил, что она на миг надула губы, она не верила моим словам. — Так что случилось, мисс Цзинь?

— Я хотела исполнить свою часть сделки, — ответила она. — Ты свободен завтра для личного тура по корпорации?

Отлично. Я надеялся, что она пригласит сама, без моего вопроса. Это вызвало бы меньше подозрений. Этот тур был важен для нашей миссии, и мне нужно было собрать больше данных для Лин И.

Воздушная скорая опустилась на площади вдали от меня и больного, сверкая огнями и гудя. Глаза Дайю расширились в тревоге. Она не видела то, что видел я, но все слышала.

— Ага, я свободен, — сказал я. — Приходи ко мне в костюме, — я сделал паузу. — Пожалуйста.

У ю-парней ведь должны быть хорошие манеры?

Она открыла рот, чтобы ответить, но я прервал связь раньше, чем она произнесла хоть слово.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Санитары унесли больного, когда я дал им номер своей кредитки, сказав, что покрою все расходы. Они знали, что я сдержу слово, потому что я был ю. Санитарка сказала, что я могу позвонить в больницу «Три холма», чтобы узнать о его состоянии, утром, но я даже не знал имени незнакомца. Линь И отправила мне сообщение днем, я получил его с МакФолда в шлеме. Арун видел случившееся на площади и ушел, когда прибыла скорая. Она хотела знать, как я был, какой была ситуация. А последними были такие слова: «Это было слишком рискованно. Не стоило этого делать».

Я удалил ее сообщение.

Через минуту она прислала другое:

«Я серьезно, Чжоу. Ты привлекаешь к себе ненужное внимание, это может помешать миссии».

Мое лицо вспыхнуло, перед глазами на миг все почернело. Мои руки дрожали от злости, когда я рывкнул ответ:

— И я должен был оставить его умереть? Как все оставили бы?

Как мне пришлось смотреть, как умирает мама. Я вспомнил, как в тринадцать лет сжимал ее пальцы, онемевший, не в состоянии плакать, а она боролась за каждый хрипящий вдох. Я не мог так легко сейчас представить ее лицо, но мог ощущать ее руку в своей. Она едва заметно сжимала мою руку в ответ... а потом уже не могла этого делать.

Линь И в этот раз отвечала дольше, сердце колотилось в моей груди.

«Я не это имела в виду. Но миссия важнее. Ты это знаешь».

Я хотел кричать. Бить стену.

«А если Цзинь смотрел? — продолжила она. — Он уже о тебе знает».

Она была права, я знал это. Наша миссия была важнее. И я действовал по личным интересам. Сострадание не помогло бы нам.

«Этого больше не произойдет», — ответил я.

«Я знаю, что ты добрый, Чжоу. Я всегда это знала», — прислала она. И добавила два розовых сердечка.

Я отцепил Вокс и бросил на кровать, а потом лазал остаток ночи по стенам. После почти трех часов лазания по стенам и потолку мое тело не выдержало, и я повис вверх ногами на горизонтальной балке. Я выключил свет голосом и смотрел в окна от пола до потолка на мерцающие огни Тайпея внизу. Здание 101 окружал красный неоновый свет, отражая мое настроение. Торопливый. Нетерпеливый. Злой.

Попытка спасти больного мэй была большим риском. Но я не жалел об этом. При виде него я ощутил беспомощность, которая была, когда моя мама была больна. Я не мог ничего сделать. Так было всю жизнь. Я должен был хоть попытаться в этот раз.

Я повис на руках, когда закружилась голова, закрыл глаза, прогоняя из головы вид моего города в неоновом свете, пока мне не стало лучше. Я спустился со стены, робот бесшумно подавал мне веревку, пока я быстро летел вниз, наслаждаясь этим. Я принял душ в забавной ванной комнате, где светились только стеклянные итальянские плитки бирюзового и голубого цвета, а потом рухнул на большую кровать, все еще мокрый и голый.

Я спал, мне ничего не снилось, пока дверной звонок не разбудил меня.

— Мистер... — Сяо Хуань кашлянул. — Доброе утро, Джейсон. Мисс Цзинь пришла к вам.

Я застонал и закрыл лицо большой подушкой. Который час? Я посмотрел одним глазом на часы на стене над кухонной стойкой. 9:53.

— Скажите мисс Цзинь...

— Эм, она уже поднимается, — сказал он.

— Ха! — прохрипел я. — Спасибо, Сяо Хуань!

Я неуклюже скатился с кровати, а потом встал у окна, глядя на город. Утро было плохим, коричневый смог навис над Тайпеем. В эти дни загрязнения ощущались особенно сильно в горле и носу, жгли и чесались, и казалось, что на глазах пелена из пыли. Я протер глаза, словно для раздражения хватало одного воспоминания, а потом провел рукой по волосам.

Снова раздался дверной звонок.

— Джейсон? Это я.

— Дайю, — сказал я натянутым голосом. — Минутку. Прошу, — я не привык к вежливости после долгой жизни на улицах. Было не до вежливых слов, когда ты голодал, или когда тебя избивали или обворовывали.

Я прошел в гардеробную, стены были из розового дерева, даже экстравагантнее, чем в ванной, одежды здесь было больше, чем у многих мэй за многие жизни, я вытащил черную футболку с длинными рукавами и джинсы, не думая. Виктор разозлился бы, узнав, что я ношу одну и ту же одежду, учитывая, сколько он потратил. Я надеялся, что он не узнает. Я пробежал в ванную, почистил зубы и умылся, а потом приказал открыть входную дверь.

Я услышал шаги Дайю, она прошла в квартиру.

— Я тебя разбудила, — сказала она.

Я вышел из гардеробной и улыбнулся ей, провел рукой по волосам, так их приглаживая. Дайю рассмеялась. При виде нее мое тело всегда гудело — внутренний ответ, смесь тревоги и желания. Она была в сиреновом костюме, держала шлем под одной рукой. Ее черные волосы были стянуты в хвост. Я изучал выражение ее лица и стойку, пытаюсь понять, помнит ли она что-нибудь. Но тогда она не пришла бы, да?

— Доброе утро, — сказал я. — Я долго спал. Моккачино?

— С удовольствием, — она устроилась за столом и положила на него шлем с легкостью, выглядя уверенно, как всегда.

Мои плечи расслабились, и я ощутил, что напряжение в груди уходит. Стирание памяти работало.

— Может, хочешь что-нибудь поесть?

— Я уже поела, — ответила она. — Но ты можешь сводить меня на ужин после тура.

Я ухмыльнулся.

— Ты меня приглашаешь?

— Ты поймешь, когда я тебя приглашу, — ответила она.

Я рассмеялся и стукнул кулаком по сердцу, словно был ранен.

— Хорошо. Ужин, но только из-за необходимости.

Она вскинула бровь, а я ушел на кухню, на этот взгляд было легко попасться. Я заказал два моккачино и зажарил три кусочка хлеба-таро, проглотив в процессе банан. Даже после шести месяцев я не привык есть, что захочу, когда захочу. Тело еще помнило, что такое постоянный голод.

— Разве у тебя сегодня нет занятий? — я поставил ее моккачино на стол, она помахала.

— Это выпускной год. И у меня практика у отца. Школа подстраивается под мое расписание, — она сделала глоток кофе и слизнула сливки с губы.

Я старался не смотреть.

— И я учусь там лучше всех, — сказала она.

Я сел напротив нее и ел, пока она скользила взглядом по квартире.

— Никаких фотографий друзей или семьи? — она сделала паузу и посмотрела мне в глаза. — Зачем же так, Ро?

Кровь прилила к моей голове, пульс участился. Этот вопрос она задала мне во время похищения. Я обхватил свою кружку и пару раз глубоко вдохнул, пытаясь ароматом кофе замедлить быстрое биение сердца.

— Не было времени. И я не сентиментален, — выдавил я.

— Не сентиментален? — она улыбнулась. — С татуировкой любимого цветка мамы над сердцем?

Я чуть не подавился напитком, вытер рот салфеткой.

— Ну, да. Этого ведь хватит? — я улыбнулся ей. — Никто не знает о той татуировке, кроме тебя, — я не думал, что Арун о ней помнит, он был пьян.

Она выглядела удивленной, но промолчала.

Я пожал плечами.

— Она новая. Итак... — я смял салфетку руками. — Я одеваюсь, если ты готова идти.

— Зачем ты просил меня надеть костюм? Лимузин ждет нас внизу.

— Потому что мы полетим на моем воздушном мотоцикле, — ответил я. Я хотел, чтобы мы были одни, вдали от глаз ее телохранителей. Так было проще управлять ситуацией.

Ее глаза расширились, она покачала головой, от этого двигался хвост.

— Я не могу. Я пришла с тремя телохранителями, и они тоже ждут внизу.

— Идем. Будет весело, — я пересек квартиру, отцепил костюм и надел его, проверяя места, где я прятал ножи. Легкий синтетический материал облепил тело, гладкий под моими ладонями, я застегнул его и схватил шлем. — Он на девятнадцатом этаже. Мы улетим, они и не узнают, — я подмигнул ей. — Пусть ждут.

— Отец убьет меня, — сказала она.

— Не говори ему, — я открыл дверь и склонил голову в сторону лифтов.

— Что подумают телохранители? — добавила она.

— Пусть думаю, что хотят, — ответил я. — Мы лазали по стенам часами, — уголок моего рта приподнялся. — Или что-нибудь еще.

Она широко улыбнулась, а потом рассмеялась и схватила свой шлем. Она прошла мимо меня, я уловил ее запах, запах свежей клубники, и вспомнил, как она сняла шлем впервые во время похищения.

— Да, — сказала она. — Пусть ждут.

Я закрыл за собой дверь, услышал щелчок автозамка, а потом попал на девятнадцатый этаж, отсканировав ладонь у лифта. Мы вошли вместе, и в замкнутом пространстве я ощущал ее аромат, мы не соприкасались, но она была достаточно близко, чтобы я представлял ее тепло. Я отошел на шаг, притворяясь, что смотрю на застежку своего костюма. Лифт был одним из самых быстрых в мире, он вскоре звякнул, и мы прошли в частный гараж.

Он был большим, бетонным, полным самых дорогих воздушных лимузинов, спортивных машин и роскошных автомобилей. У редких здесь были воздушные мотоциклы, я привел Дайю к своему. Их чаще называли воздушными мопедами, но Виктор купил мне именно мотоцикл: черный с серебром и красным Ямаха Блейд.

Дайю присвистнула и провела ладонью по черной коже с красным узором.

— Прекрасно.

— Впервые на мотоцикле? — спросил я.

Она кивнула, все еще разглядывая соблазнительные изгибы мотоцикла.

— Я подозреваю, в твоём костюме есть усиление безопасности?

Она взглянула на меня.

— И не только.

— Кстати, сколько у тебя костюмов?

— Я не считала, — она пожала плечами. — С десятков? Отец часто проверяет на мне новую продукцию корпорации, а потом уже производит ее на рынок.

— Как усиление Супермена? — спросил я ехидно. Мы с Аруном уточняли у Виктора детали, и он рассказал, что это усиление давало рентгеновское зрение, позволяло видеть обнаженными тех, кого выбирал хозяин костюма.

Щеки Дайю покраснели. Она медленно окинула меня взглядом, хитро улыбаясь. Я боролся с желанием скрестить руки, но вместо этого напряг тело. Если она могла видеть меня обнаженным, пусть себе смотрит. Я скрывал многое, но тело тревожило меня меньше всего.

Она посмотрела мне в глаза и рассмеялась.

— Нет. Я никогда не проверяла Супермена. Я не думала ни об этом усилении, ни о людях, покупающих его.

Я прищурился, подозревая, что она шутит, но расслабил тело и обошел мотоцикл, проверил шины, диски и двигательную установку, как меня научил Вик. Дайю прислонилась к кожаному сидению с ухмылкой.

— Выглядит неплохо, — сказал я скорее себе, чем ей, и поднял шлем. — Мы свяжемся в шлеме?

Она кивнула, мы надели шлемы на головы. Я забрался на мотоцикл первым и включил его, проверил фары и приборы, ощутил, как оживает и гудит подо мной двигательная

установка. Регулируемый воздух наполнял мой шлем, я сделал пару глотков чистого воздуха.

— Забирайся, — сказал я в шлеме.

Я ощутил, как дрогнул мотоцикл, когда Дайю устроилась за мной.

— Там можно поставить ноги. Только крепко держись за меня.

Ее бедра прижались ко мне, она обвила мой пояс руками.

— Готова, — сказала она, звуча немного запыхавшейся.

Я завел двигатель, и мы поехали по широкой бетонной дороге к стальной стене, что отъехала для нас, открыв стеклянную внешнюю стену, края озарял оранжевый неон.

— Держись, — сказал я, не скрывая волнение в голосе.

Я ощущал себя ребенком накануне дня рождения. Я всегда представлял себе, как себя чувствует ребенок перед днем рождения. Стеклянная стена разделилась, и я проехал в брешь. Мы вылетели в воздух, температура тут же упала вокруг нас, хотя наши костюмы не давали ей проникнуть, и на миг мы зависли там, а потом поднялись в небо.

Дайю охнула, крепче сжав меня. Я ощущал каждый ее дюйм, прижатый к моему телу. Сердце колотилось, мы направлялись вверх, и я говорил себе, что все ощущения у меня от скорости полета по небу, а не от того, что она цеплялась за меня так сильно, как за возлюбленного. Я знал, что мне нравится Дайю, хоть это и плохо. Я не мог позволить себе сильнее полюбить ее. Я врал ей и предавал.

Ее смех заполнил мои уши, мы проносились над невысокими зданиями, огибали высокие, миновали несколько воздушных мопедов и машин, ярко горящих даже при свете дня. Изогнутые линии моего мотоцикла сверкали серебром, чтобы нас видели другие водители. А еще было очевидно, что ю любили быть заметными.

День был зимним и холодным, и солнце скрывалось за облаками и загрязнением. Яркий свет в Тайпее исходил не от солнца, а от цветных реклам, которые показывали на стеклянных панелях небоскребов. Многие низкие здания тоже были оснащены большими билбордами на крышах. Мы пролетели четырехэтажную проекцию тайванской пары в деловой одежде, наслаждающейся кофе мистера Брауна вместе. На другом здании стюардесса из Императорских авиалиний предлагала быстро слетать в Пекин.

— Это невероятно, — выдохнула Дайю.

— Стоит проблем? — спросил я с улыбкой.

— Точно.

Мы пронеслись мимо высоких небоскребов, и они вскоре остались позади, и мы направились к району Датонг на западном краю Тайпея. Мы оставались на высоте двадцати этажей, воздух здесь был холодным. Пролетая коричневую мглу, я наслаждался тем, что нам было видно наш город без слезящихся глаз и сдавленного горла. Грязь была не такой плохой, когда на тебе был костюм.

Дайю согревала мою спину, была так близко, что я мог представить, что ощущаю биение ее сердца. Как и с карабканьем, она была бесстрашна на мотоцикле, легко отклонялась со мной на поворотах. Я набрал скорость, чтобы ощутить, как она сжимает меня, слышать, как она испуганно вдыхает.

Восьмиугольное здание корпорации Цзинь было сложно не заметить, как только мы попали в район Датонг. Снаружи оно было бледно-золотым. Не было лучшего воплощения богатства и процветания, чем восьмиугольная форма и цвет. Компания помогла оживить одну из старейших частей Тайпея, что долго была трущобами, когда экономический центр переместился оттуда век назад. Когда построили корпорацию, появились новые дома,

старые здания освежили. Появлялись новые рестораны и кафе для работников корпорации Цзинь. Они потеряют работу, если наш план сработает. Я знал, что это начнет революцию, ведь пострададут не только ю, но и многие мэй. С этим мне тоже предстояло смириться.

Средства для достижения цели.

Разве не так говорили злодеи в историях, точнее, запутавшиеся герои?

Ничего большого нельзя было достичь без жертв. Это можно было быстро понять, читая Ло Гуаньжуна, Толстого и Вульфа. Мы с друзьями часами обсуждали план, плюсы и минусы, снова и снова. Но правда была жестокой: чтобы изменить ситуацию, мы должны были разрушать.

Захватить власть над рассказчиком. Изменить содержание.

Я представил, как взрывается корпорация, это ощущалось правильным. Чистая страница. Новое начало.

— На крыше парковка, — сказала Дайю, врываясь в мои мысли. — Но ты можешь припарковаться в переулке?

Я кивнул, ее руки обвили меня крепче в благодарность. В доверии. В этот миг я ненавидел себя за то, что так поступал с ней. Но я отогнал мысль, как только она появилась в голове. Я заметил узкую улицу возле корпорации, нажал на кнопку приземления, мы осторожно снизились к бетону, проехали немного, я остановился и выключил двигатель.

— Иди первой, — сказал я, надеясь, что мой голос не звучит странно.

Она легко слезла с мотоцикла, и моей спине вдруг стало холодно. Я слез и опустил подножку.

— Это было невероятно! — сказала Дайю. Она взяла меня за руку и сжала пальцы.

Я чуть не отдернул руку, но вовремя сдержался, прижал большой палец к ее ладони и отпустил. Я был рад, что мой шлем был немного затемнен, ведь был уверен, что мое лицо сейчас было напряжено. Боги. Друзья рассказали мне обо всех нужных подробностях, но не предупреждали, что будет так эмоционально сложно.

Наверное, они не ожидали, что будет сложно.

— Я тоже все еще поражаюсь, — улыбнулся я Дайю и отогнал свои мысли. Отогнал все сложности и сосредоточился на девушке передо мной, ее глаза сияли так, что я видел их за ее затемненным шлемом. — Это мой первый мотоцикл.

Она посмотрела на летающий мотоцикл, провела ладонью по серебряному рулю.

— Его можно здесь оставить?

— Он на сигнализации. И выключенным его не увести.

Дайю кивнула и пошла к главной улице, тихой, лишь где-то над нами лаяла собака. Стены зданий были грязными, на всех балконах и окнах были решетки. Я оглядел тусклую улицу, а потом догнал Дайю. Она была на четыре дюйма ниже меня, но не отставала. Она повернула в другой переулок лабиринта старого района и сказала:

— Я проведу нас через задний ход.

В узком переулке мы с Дайю шли плечом к плечу, света было так мало, что казалось, что мы сейчас сумерки, а не полдень. Я слышал журчание воды из трубы, бегали крысы. Я был рад шлему, потому что хорошо знал затхлый запах воды, окружающей нас.

— Почему ты идешь так? — спросил я. — Не хочешь, чтобы тебя видели со мной?

Я услышал ее тихий смех в шлеме.

— Я пытаюсь держать тебя подальше от отца, — она взглянула на меня с хитрым видом. — Он не одобрит частный тур для нового парня в моей жизни.

— Это я такой? — спросил я с улыбкой. — Какой-то новый парень в твоей жизни?

Она не успела ответить, от шороха я обернулся. Две фигуры шли за нами по длинному переулку, и инстинкт говорил мне, что это не невинные пешеходы.

— Далеко еще? — я коснулся ее запястья. Меня засекли головорезы Цзинь на своей территории?

— Меньше десяти минут. Прямого пути к заднему ходу нет, — она вела меня с уверенностью. Она явно так уже ходила. Она часто давала такие туры или в тайне посещала компанию отца? — А что? — она взглянула на меня и обернулась, услышав приглушенные шаги за нами.

— Стоять! — крикнул один из них.

Я развернулся к мужчине, но тихо сказал Дайю:

— Держись позади меня.

Она встала за меня, ладонь легла на мою спину.

Двое мэй остановились недалеко от нас, их грязные изможденные лица исказились от алчности. Не люди Цзинь. Их лучше кормили. У одного была палка, другой направлял на нас грязный кинжал. Они были худыми, но отчаяние придавало силы. Я знал.

— Отдавайте кредитки, — крикнул тот, что был с длинными волосами.

— Это бесполезно, — сказал я. — Мы заблокируем доступ раньше, чем вы снимете наличные.

Другой помахал мне дубинкой.

— Снимайте шлемы, — закричал он. — Они ничего не могут без этих аквариумов.

Я слышал учащенное дыхание Дайю в шлеме, ее ладонь впилась в мое плечо. Я вытащил нож из скрытого кармана в моем рукаве и бросил его. Он попал в центр узкой палки в дюйме от пальцев бандита.

— Не подходите, — тихо сказал я. — В следующий раз я буду целиться между глаз.

Он потрясенно отскочил, тряся палкой, а потом попытался вытащить нож, вонзившийся в дерево.

— Бесполезный гад, — закричал другой и бросился на меня с ржавым кинжалом.

Дайю издала испуганный вопль, что звучал громко в шлеме. Я не понял, что происходит, она оказалась передо мной, неоновый красный лазер сиял в ее руке. Она направила его на мужчину с ножом, палец лежал на курке.

— Дайю, нет! — у лазера было две функции: мгновенная смерть или сильный ожог. Бандит бросился на нас. Отодвинув Дайю, я выхватил другой метательный нож и бросил, этот попал в руку мужчины, он разъяренно взвыл, упал на колени, нож зазвенел на земле.

— Уходите, — сказал я, его крики превратились в проклятия. — Пока вы не умерли.

Другой мэй отбросил палку и принялся поднимать напарника, возмущаясь, они пошли прочь, пропали в узком переулке. Пару мгновений было слышно эхо ругательств раненого. Дайю прислонялась к неровной стене, ее рука все еще была напряжена и вытянута, сжимая лазер. Я коснулся ее запястья и опустил ее руку.

— Дай мне, — сказал я.

Она покачала головой. Я слышал, что она задыхается.

— Выключи его и убери. Пока никого не убила, — сейчас она могла убить только меня.

Дайю выключила лазер, он загудел, красные огни потухли. Она спрятала оружие в карман на ноге.

— Эй, — я положил ладонь на ее плечо, хотел заглянуть в глаза. Но она смотрела на

землю. — Все хорошо. Они ушли.

Она выдохнула, содрогаясь, и я, не подумав, обвил ее руками. Из-за наших шлемов обниматься было неудобно, но она прижалась ко мне, и я ощущал, как ее тело дрожит.

Я крепче обнял ее, словно это могло ее успокоить, рассеять ее страх. Я говорил себе, что это хорошо. Что так я должен был действовать, чтобы заслужить ее доверие, ее уверенность, чтобы подобраться ближе к ней. Но часть меня знала, что я хотел успокоить ее, чтобы ей стало лучше. Часть меня сочувствовала Дайю. И я использовал эти чувства для своей пользы.

Через какое-то время она успокоилась, и я отодвинулся от нее.

— Я отвезу тебя домой. Я вызову воздушный лимузин, если не хочешь ехать на мотоцикле.

Она схватила мои ладони. Я вдруг вспомнил, как схватил ее за руку, когда она спросила, можно ли пойти в чащу Янминьшань. Потому что она никогда там не бывала. Мои ладони тогда были мозолистыми. Они стали мягче за полгода из-за ухода и жизни в стиле ю, но ее ладони были нежнее моих.

— Мне нужно было что-то сделать, — сказала она. — Я не могла прятаться за тобой.

Я хотел взять ее за подбородок, обхватить ее лицо руками, вдруг я стал благодарен аквариумам на наших головах. Я не думал адекватно.

— Дайю, я никогда не считал тебя трусливой, — это было так. — Ты всегда носишь лазер?

— Да, — она не отпустила меня, но говорила, глядя на наши ладони. — Из-за того, что случилось... прошлым летом.

Я ощутил, как кровь прилила к голове, и я понизил температуру костюма мыслью, стараясь держать тревогу под контролем.

— Меня научили использовать его. Я много занималась, — она подняла голову и заглянула мне в глаза. — Я могла убить им.

— Знаю.

— Почему ты мне не позволил?

Я покачал головой, криво улыбнулся.

— Чтобы это было на твоей совести всю жизнь? Я был бы виноват. Все не так благородно, как кажется в фильмах. Это не проходит без последствий. Убийство меняет жизнь навеки. Это изменило бы тебя. Посмотри «Постороннего» Камю.

Дайю слабо улыбнулась.

— Камю? Еще один французский автор, которого я не читала.

— Книжки не боятся показывать правду, — сказал я.

Я попытался отцепить ладони, но она отпустила одну и повела меня обратно, к моему мотоциклу. Я говорил правду, но я остановил ее, в первую очередь, потому что это было бы во всех новостях. «Дочь Цзинь убила двух бандитов в темном переулке» неделями оставалось бы на зданиях, в шлемах, во всем андернете. Моя фальшивая личность была бы в опасности. Все бы закончилось. Если настоящие личности меня и моих друзей всплыли бы, их бы бросили в тюрьму на всю жизнь.

А меня бы убили. Я не сомневался. Я знал это, когда согласился похитить Дайю.

— Джейсон, — сказала она. Ее тон был тихим и спешным, я остановился. — Я не хочу никого ранить. Но после случившегося... мне нужно защищать себя. Выбора нет.

Я кивнул, давая ей понять, что понимаю, хотя мой шлем не двигался. Темные стены переулка нависали. Давили.

— Это мы против них, — сказала она.

Я чуть не вздрогнул.

— Но так быть не должно, — прошептала она.

Я пошел снова, сердце колотилось о грудную клетку.

— Уверена, что не хочешь вызвать лимузин? — спросил я, сжимая ее руку, чтобы успокоить себя.

Никто не умер. Дайю ничего не помнила. Я все еще был Джейсоном Чжоу. Пока что.

— Нет, — ответила она. Ее голос уже звучал сильнее.

Я вспомнил первую кражу на улицах, когда мне было четырнадцать. Я боролся и выжил, окровавленный, но живой, и я прятался два дня. Мне было слишком страшно, я слишком злился, чтобы что-то делать.

— Я не хочу никого видеть. Не хочу... иметь дело с людьми сейчас, — она взглянула на меня с безмолвной мольбой.

— Я отвезу тебя, куда хочешь.

Мы добрались до очередного переулочка и повернули, было естественно идти рука об руку. Было легко играть эту роль.

После долгой паузы, Дайю успела дважды оглянуться через плечо, она сказала:

— Ты спас мне жизнь. Благодарности мало.

— Из-за меня возникла ситуация...

— Ты всегда носишь ножи? — ее темные глаза были пристальными, взгляд — быстрым на бледном лице за стеклянным шлемом.

— Да, — я быстро размышлял. — Я выиграл соревнование по метанию в Беркли. Дважды.

— Да? — она звучала ошеломленно. — Такое есть?

Теперь было. Я отправил мыслью сообщение Линь И, чтобы она разместила нужные фотографии и сообщения в андернет, чтобы прикрыть мою ложь.

— Да. Жаль, что ты не впечатлена.

Дайю тихо рассмеялась, звучало все еще испуганно.

Линь И ответила мне меньше, чем через минуту: «Просьбу получила. Хорошо, что ты на связи. Готово. Но зачем нужно было побеждать дважды?».

Я кашлянул, чтобы скрыть улыбку. Сарказм был замечен.

Мы добрались до моего мотоцикла в переулочке, где оставили его меньше получаса назад. Я забрался, Дайю села за мной, словно всю жизнь садилась на мотоциклы. Двигатель ожил, и мы понеслись по улице, словно нас преследовали демоны, а потом поднялись в воздух.

Мое сердце тоже воспарило.

Так было каждый раз.

Руки Дайю крепко обвивали мой пояс. Она прижалась сильнее. Ее грудь вдавилась в мою спину, одна рука добралась до моего сердца. Ладонь была над моей татуировкой.

— Я впечатлена, чтобы ты знал, — сказала она низким голосом. Звучало так, словно она шепчет мне на ухо. Волоски на моей шее встали дыбом. — Ты идеально целишься.

Я рассмеялся.

Горделиво.

Глупо радуясь, как Царь Обезьян.

Я резко развернулся, она вскрикнула, прижалась ко мне, ногти впились в мою грудь. Я хотел защищать ее. Так было, когда я повернулся к бандитам. Мне нужно было уберечь

Дайю. Я хотел этого. Я отметил иронию, покидая район Датонг, что сильнее всего ее нужно было защищать от того, кто мог навредить ей в конце больше всего. От меня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я проснулся, но не знал, где я был. Все тело болело, словно меня кто-то переехал, а потом развернулся и повторил это. Голова болела больше всего, пульсировала с каждым ударом сердца. Боги. Что это за писк? Я заставил глаза открыться. Я лежал на кровати. На своей большой кровати. В своей дорогой квартире. Мой Вокс мигал на тумбочке рядом со мной. Я взял его, и даже это требовало усилий. Я возился с экраном, пытаюсь ответить на звонок.

Наконец, я увидел лицо Линь И на экране, она была встревожена.

— Чжоу!

Я открыл рот, но не смог издать ни звука. Горло было опухшим.

— Ах! — воскликнула она. — Ты заболел.

Я моргнул, а потом вспомнил, как мне было жарко. Как першило горло.

— Я весь день пыталась с тобой связаться. Чжоу, слушай.

Глаза слипались, но я заставлял их открываться, смотреть на размытую картинку на экране. Я знал, что с Воксом нет проблем, дело в моем зрении.

— Человек, которого ты проверял в больнице, — сказала она, — которого пытался спасти на площади, был с пневмонией.

Мой затуманенный разум уловил последнее слово. Как у мамы.

— Джейсон! — она впервые использовала мое английское имя, ощущалось это так, будто она плеснула мне в лицо холодную воду. — Его смерть приблизил грипп. Птичий грипп, такой в больнице еще не видели. Очень заразный. Арун подозревает, что пациент Ноль не зря был на объявлении Цзинь. Я поискала связи, — ее голос дрогнул, я посмотрел на ее напряженное лицо, бледное на фоне темно-лиловых волос. Она сняла очки и протерла глаза. — Чжоу, Цзинь выпустил этот грипп. Ты его подхватил.

Черт. Я сухо закашлялся, тело содрогалось, и я ощущал себя избитым.

— Чжоу! — Линь И звучала отдаленно. — Нам нужно помочь тебе...

Я прервал связь.

Мысли двигались медленно, как мой древний МакПлюс в плохой день. Но я знал одно — никто не мог меня видеть. Я был очень заразным. Если грипп Цзинь так легко переходил от человека к человеку, то могла начаться эпидемия.

Мой Вокс снова запищал и замигал. Не обращая внимания, я попытался вызвать Сяо Хуаня голосовым приказом, но смог лишь хрипеть. Я перекатился к другому краю кровати и схватил стакан, наполовину наполненный водой, чудом не сбив его. Я дрожащей рукой вылил воду в рот, большая часть расплескалась на лицо. Но этого хватило.

— Сяо Хуань, — сказал я. Монитор у двери загудел, отмечая, что он слушает

— Я болен, — прохрипел я.

— Печально слышать это, мистер... то есть, Джейсон.

— Никаких гостей, — я вдохнул, — не пускайте.

— Да, Джейсон. Но...

Я прервал его.

Мой Вокс перестал гудеть. Я лежал как мертвый груз на мягкой кровати, свеча,

сгорающая изнутри. Тело болело. Я закрыл глаза. Не хотелось двигаться. Не хотелось дышать. Я желал, чтобы боли ушли. Я мог так умереть.

Я не мог даже спасти того больного с площади Свободы.

• • •

А потом я был в бреду.

Мне снилась Дайю.

Она ухаживала за мной, вытирала холодной тканью лоб, грудь, тихо шептала, уговаривая выпить воду. Она была в костюме, я попытался схватить ее за руку в перчатке. Я хотел извиняться. Я не знал, за что.

За все.

Она убрала волосы с моего лба, мокрые от пота, и взяла меня за руку. Ее перчатка была холодной на горячей коже.

Было утро.

Но я не видел ее лицо.

• • •

Когда я снова проснулся, было темно. Сколько времени прошло с тех пор, как я говорил с Линь И? Я посмотрел мутным взглядом на окна, на город внизу. Красивый, как всегда. Я никогда не видел ночное небо со звездами, но неоновые огни Тайпея никуда не пропадали.

Тело было слабым. Но постоянная боль ушла. Я попытался сесть, держась за титановое изголовье. Хотелось пить. И есть.

— Ты проснулся.

Я чуть не выскочил из кровати от удивления. Дайю сидела за обеденным столом, на шлем падало мягкое сияние экрана, с которого она читала. Она была в бледно-голубом костюме, длинные рукава были в серебряных звездах.

— Дайю. Что ты здесь делаешь? Я болею, — я даже не спрашивал, как она вошла. Ся Хуань не мог защитить от нее.

— Потому я и пришла, — она встала и подошла ко мне, а потом села на край кровати. — Я звонила, и ты ответил, нес чушь. Я знала, что у тебя нет семьи в Тайпее. Я хотела убедиться, что ты в порядке, — она коснулась моего лба рукой в перчатке. Я отпрянул. — Лихорадка прошла.

— Откуда ты знаешь... — я смотрел на свои слабо сжатые кулаки, пытаюсь собраться с мыслями. Воздвигнуть защиту. Я выдал что-нибудь, лепеча в бреду? — Что у меня нет здесь семьи? — я бы звучал недовольно, если бы голос не был таким слабым.

— Ты сказал, что твоя мама в Калифорнии, и что здесь нет кузенов, — сказала она. — Я догадалась.

— Тебе нужно уйти. У меня, похоже, что-то очень заразное...

— Это во всех новостях, — сказала она с мрачным видом за стеклянным шлемом. — Не меньше дюжины людей в городе заразились новым птичьим гриппом.

Гриппом, который выпустил твой отец. Я хотел это сказать.

Она склонилась ближе, проверяя костюмом свою температуру и пульс.

— Ты постоянно повторял: «Я не смог спасти его».

Паника сдавила мое горло. Боги. Я сказал что-то еще?

— Ты пытался спасти человека, упавшего на площади Свободы, — сказала она. — После объявления моего отца.

Цзинь. Он впустил того человека на площадь в день объявления о продаже более

доступных костюмов. Паника из-за болезни могла поднять продажи.

— Он умер, — хриплым шепотом ответил я и отодвинулся, стараясь увеличить расстояние между нами. — И если я заражу тебя...

— Я все время была в костюме здесь, Джейсон, — сказала она. — Не переживай.

— Я тоже был в костюме, когда попытался помочь тому мужчине.

— Мои костюмы лучше, — она сделала паузу. Я смотрел на нее, но она отодвинулась, и лицо закрывал шлем. Ее уже знакомый насыщенный голос в этом инопланетном костюме казались несовместимыми. — И я в перчатках, — добавила она.

Я злился на нее. Злился, что она пришла в мою квартиру без приглашения, словно владела этим местом. Злился, что она видела меня таким слабым. И я был в ярости, ведь она сильно рисковала. Из-за того, кого едва знала.

— Тебе не стоило приходить, — сказал я, слова звучали тяжело. — Даже если у тебя лучшие костюмы.

— Я в порядке. У нас дома очищающий робот. Он убивает все.

Я издал полубезумный смешок, не сдержавшись. Ее богатство защищало ее. Я был уверен, что никто из тех, кто дорог ей, не умирал. Ее бабушка с дедушкой могли быть еще живы.

— Что? — спросила она резким тоном.

— Как образец в склянке, — сказал я. — Так мы должны жить?

Она не ответила. Я понял, что обнажен под тонкой простыней, и я не мог даже встать.

Наконец, она сказала:

— Зачем ты это сделал? Зачем пытался спасти того мужчину?

— А я должен был ничего не делать? — было отвратительно, что она это вообще спросила. Это отразилось на моем лице. Потому что она встала и отошла к окнам во всю стену. Я хотел, чтобы она сняла аквариум. Я не хотел говорить с ней безликой. Так у меня не было преимуществ.

— Но все так делают. Отводят глаза. Каждый день, — она подошла ко мне. — Потому я попросила отца создать более доступный костюм. Не только богатые должны пользоваться благами, — Дайю расхаживала у моей кровати. — Но мой отец... — она скрестила руки и напрягла плечи. — Отец всегда думает как бизнесмен. Я не успела узнать, а он удвоил цену костюма, заключил сделку с банком... и лотерея. Дурацкая лотерея! — возмущение Дайю было осязаемым.

Стоило успокоить ее, сказать, что ее намерения были хорошими. В отличие от того, что делал ее отец с мэй. Он был готов убить нас, лишь бы получить прибыль. Но я был слабым, уязвимым и злым. И я не мог полагаться на затуманенный разум в оценке намерений Дайю.

— Не говори, что ты не знала, что твой папа получает прибыль от сломанных спин мэй. Ты все-таки его дочь.

Она говорила так тихо, что я едва слышал ее слова:

— Ты так плохо обо мне думаешь:

Я закрыл глаза, голова кружилась.

— Не знаю, Дайю. Я не знаю тебя, — я скривился, опухшее горло болело. — Я не знаю как много ты видишь.

Ее силуэт у окон напомнил мне о другом дне, когда она смотрела из окон моего брошенного дома на зелень Янминьшаня. Неоновые огни снаружи сказали мне, что сейчас пятница. Я был без сознания три дня.

— Почему ты считаешь меня такой ужасной? — она развернулась к кровати. Ее движения были смелыми, но голос выдавал ее боль. — Ты говоришь, что не знаешь меня, но уже успел сделать много выводов.

Я хрипло вдохнул. Она была права. Я судил ее до того, как встретил, потому что она была ю. Но, как бы она ни переживала, она смотрела издалека, из уютного места, обеспеченного богатством.

— Я понимаю, что ты хочешь помочь мэй, но...

— Я начинаю видеть больше, Джейсон, — сказала Дайю. — Я здесь, потому что переживаю за тебя. В это так сложно поверить?

— Глупо рисковать заразиться, — сглотнул я. — Мы едва знакомы.

— Я знаю тебя лучше, чем ты знал того незнакомца на площади Свободы.

Я моргнул, не ожидая этого.

— Это другое.

— Почему?

Я не хотел объяснять, ведь это раскрыло бы истинного меня и мое прошлое. Мой Вокс запищал, и я ответил, радуясь отвлечению. Лицо Линь И смотрело на меня с экрана.

— Чжоу! Мы...

— Я в порядке, — я прервал Линь И и подвинулся так, чтобы она видела Дайю за моим плечом. — У меня гость.

Линь И закрыла рот и смотрела на меня. Я представлял, как выгляжу, и провел рукой по волосам. Они торчали.

— Хорошо, — сказала она. — Перезвони позже, — и Линь И закончила разговор.

— Новая девушка? — Дайю говорила так ровно, что я повернул голову, но ее шлем отражал голубой неон здания.

Вместо ответа я сказал:

— Мне нужно в ванную.

Она склонилась у края кровати и бросила на мою простыню боксеры. Я, видимо, был потрясен, потому что она сказала:

— Я тебя не раздевала, если ты об этом думаешь.

Я перекатился на другой край кровати и надел боксеры, не прикрываясь, слишком растерянный для скромности. Я смутно помнил, как меня раздевали, ткань обжигала кожу во время лихорадки. Это был не сон. Мой первый шаг был неровным.

— Я сделала рисовую кашу, — сказала Дайю. — Подумала, что ты можешь проголодаться.

Я замер в центре квартиры. Она была темной тенью с серебряным и голубым силуэтом, близкая и далекая. Я из-за многого злился на нее — из-за привилегий, уверенности, что она получит все, что хочет, — но я понял теперь, что она заботилась обо мне. Жар поднялся по моей шее к лицу. Я обвинял в этом температуру и попытался не обращать внимания на совесть.

— Спасибо, Дайю, — сказал я. — Правда.

— Ты тоже спас мне жизнь, — ответила она насыщенным голосом.

— Я не знал, что мы ведем счет.

— Нет, — сказала она, идя на кухню. — Друзьям это не требуется.

...

Я пробыл в квартире пять дней подряд, не видя никого, кроме Дайю. Она приходила и

приносила еду, все время была в костюме. Арун предупреждал, что я все еще заразен и должен оставаться на карантине. Мы играли в китайские шахматы, она выигрывала каждый раз. Она делала школьные задания, много часов проводила за чтением или работой над исследованиями. Через пару дней я привык видеть ее вечером за обеденным столом, когда небо Тайпея начинало сиять за ней в сумерках. Я даже почти верил, что это моя жизнь.

Я был рад ее костюму, разделявшему нас. Потому что каждый раз, когда наши взгляды пересекались, между нами проносилось что-то напряженное. Я все еще был слабым, но это не мешало мне часто лазать по стенам за эти пять дней, что мы провели вместе. Я старался отвлечься от ее близости и своих озабоченных мыслей. Если ее называли в честь трагической героини «Сна в красном тереме», то я буду героем, Баою, и тогда наши отношения были обречены с самого начала.

— Что думают телохранители о том, что ты проводишь здесь время? — спросил я из любопытства в один из вечеров. Ее привозили на белом воздушном лимузине, как сказала Айрис, наблюдая за зданием.

— Я оплачиваю им отпуск, — улыбку Дайю было видно за стеклянным шлемом.

— Но твой отец...

— У меня есть доступ к его счету, я посылаю так сообщения.

Я потрясенно рассмеялся.

— Ты взломала его счет и притворяешься им.

Она скромно скрестила ноги, листая древнюю книгу китайского фольклора, изображая невинность. Я ощущал запах плесени от страниц, сидя напротив нее, и этот запах всегда отправлял меня в другую эпоху, в другое место.

— Я не подписываюсь как он, — ответила она.

Я покачал в потрясении головой. Мне нравилось, как она удивляла меня.

— А твой водитель?

— Я хорошо ему плачу, — ответила Дайю, все еще выглядя довольной собой. — И зверю. Из телохранителей мне нужен только он.

Я надеялся, что он был лучше того, с которым я разобрался, когда похитил ее прошлым летом. А потом меня охватил необъяснимый страх, что я как-то высказал это вслух, что она могла прочесть правду в моих глазах. Я снова отвлекся на стену, во второй раз не используя ремни и веревку, мне нужно было сосредоточиться на чистом адреналине. Она молчала.

В нашем с Дайю случае лучше было многое оставлять невысказанным.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На шестой день я поправился, и Дайю могла взять меня в личный тур по корпорации Цзинь, как и обещала. Линь И попросила меня собрать информацию о расположении охраны в здании и за всем следить. Она нашла личный код доступа в корпорацию на Ладони Дайю, но запрещенные зоны требовали скана мозговых волн. Она прислала прибор, который может уловить ее мозговые волны для нашего использования, если я смогу как-то уговорить Дайю зайти в защищенную зону.

Я поговорил с Аруном по Воксу, у него были свои инструкции для меня. Убежденный, что новый грипп был создан корпорацией Цзинь, он хотел, чтобы я увидел, есть ли там лаборатории.

— Я скоро сделаю свой антидот, Чжоу, — сказал он мне. Его лицо было крохотным на

моем Воксе, но я все равно видел темные круги под его глазами. — Я могу сдерживать эту эпидемию, но мне нужен образец самого гриппа, чтобы делать тесты и убедиться, что мой антидот его убьет.

Я повернулся к стене после разговора с Аруном. Экран опустился с потолка, и я включил канал новостей. Экран почти без звука показывал санитаров в костюмах, грузящих больных в машины скорой.

«Не меньше трех десятков уже заражены опасным гриппом в Тайпее, — было написано внизу. — Известно три смертельных случая».

Репортер в черном костюме и маске стоял в стороне от двух скорых. Было понятно по его напряженной стойке, как он отклонялся подальше от сцены, что он не хотел быть здесь.

— У нас нет информации об этом новом гриппе, но ученые верят, что это мутация птичьего гриппа с высокой смертностью. Врачи рекомендуют носить маски все время, стараться не выходить.

Я оделся. И хотя я был здоров, настроение было мрачным. Я не хотел сейчас в корпорацию, чтобы изображать богатого мальчика. Но времени было мало, люди умирали, а мои друзья рассчитывали на меня.

Дайю забрала меня на своем белом лимузине. Я во второй раз ехал в роскошной воздушной машине, я старался не пялиться на проекции на окнах, сидя на длинном белом кожаном диване. Дайю выбрала сцену под водой, погрузив нас в голубое мерцание воды в лучах солнца. Мимо проплывали медузы, странная рыба то появлялась, то пропадала. Хотя места было много, она села рядом со мной, так близко, что наши ноги соприкасались.

Я понизил температуру в костюме мыслью. Я держался от Дайю подальше, пока выздоравливал, и ее близость теперь вызвала тепло, не связанное с горячкой. Я был благодарен костюмам, разделявшим нас. Она какое-то время говорила о странных морских существах, проносящихся мимо: о величавой крылатке и ярком сине-желтом угре, похожем на ленту.

— У крылаток ядовитые плавники, — сказала она, когда одна пронеслась мимо нашего окна.

Изображение казалось настоящим, и я почти поверил, что мы плывем под водой.

— Красивые существа чаще всего самые опасные, — прошептала она.

Мы были без шлемов, и я вскинул бровь от ее комментария, но она пристально разглядывала рыбу. Мы пролетели сквозь водоросли, Дайю нажала кнопку на панели. Изображение замедлилось, и мы парили среди водорослей.

— Это мой любимый, — прошептала она, указывая на стебелек бледно-зеленых водорослей. — Лиственный морской дракон.

Я не сразу заметил, а потом различил фантастическое создание среди листьев, словно само сделанное из водорослей. Оно было почти полностью скрыто среди водорослей.

— Невероятно, — сказал я. Морской конек притих среди зелени. — Так умиротворяет.

Я ощутил на себе взгляд Дайю, наши взгляды пересеклись. Я улыбнулся, но ее улыбка едва тронула уголки губ. Я взволнованно сжал ее ладонь на миг, ее кожа была прохладной под моей горячей ладонью.

— Что? — спросил я.

Я хотел, чтобы она сказала: «Я помню. Это был ты».

Она покачала головой, а потом снова улыбнулась, но задумчиво, даже печально.

— Так много морских существ погибло. Они вымерли.

— Ах, — сказал я. — Это печально.

Она серьезно кивнула и нажала снова что-то на панели, вид океана пропал, открыв горизонт Тайпея, подернутый мглой после сумерек. Несколько воздушных мопедов промчались мимо в другую сторону, к сердцу города. Она прижалась ближе ко мне, опустила голову мне на плечо, переплела пальцы с моими, и это было естественно и знакомо.

Я надеялся, что она не ощущает, как быстро колотится мое сердце. Я знал, что она нравилась мне сильнее, чем стоило, и она вела себя так, словно я ей нравился. Этого я и хотел, этого и должен был добиться: завоевать ее доверие, очаровать ее. Но я все равно ощущал вину, сдавливающую грудь, я не мог разобраться в правде и лжи собственных эмоций.

Мы начали спускаться, минуя небоскребы, их окна сияли, как маяки. Яркую рекламу крутили на стеклянных зданиях, озаряя неоновыми зелеными, красными и синими огнями салон машины, и это очень отличалось от сцен под водой.

Воздушный лимузин опустился перед корпорацией Цзинь, дверь автоматически открылась. Она встала и надела шлем на голову, я сделал так же.

— Затемни стекло, — сказала мне Дайю, направившись к широким золотым дверям. — Говорить буду я.

— Как пожелаешь, — сказал я, радуясь подчиниться.

Двери бесшумно раздвинулись, и мы прошли в огромный вестибюль. Дайю пересекла бежевый каменный пол и остановилась перед большой круглой стойкой из розового дерева, сняла шлем.

— А Минь, — сказала она. — Я привела своего одноклассника, Эдварда. Мы вместе работаем над школьным проектом.

— Мисс Цзинь, — сказал юный страж. — Конечно. Я могу взять скан ладони и собрать подробности...

Дайю властно отмахнулась.

— Отец знает. Эдвард — мой гость, — она очаровательно улыбнулась А Миню.

Он улыбнулся в ответ. Но у парня не было ни шанса.

— Полагаю...

Но она уже прошла мимо него к золотым дверям, ведущим в самую корпорацию.

— Ты умница, А Минь.

Она подмигнула ему, вводя восьмизначный код на сияющей голубым клавиатуре у дверей. Я уже помнил код, этот Линь И нашла на Ладони Дайю.

— Мы справимся за пару часов, — бодро сказала она, помахал юному стражу и кивнула мне.

Я скрыл ухмылку и шагнул в широкий коридор за Дайю, двери за нами закрылись.

— Шлем не снимай и оставь его затемненным, — тихо сказала она. — Всюду камеры, а ты не похож на моего одноклассника Эдварда.

— Это плохо? — спросил я.

— Отец знает семью Эдварда. Они — постоянные клиенты, купили не меньше дюжины костюмов, — она вела меня по коридору. — Он бы не возражал, если бы я показала все здесь Эдварду. А в другом случае у нас могли возникнуть проблемы, — бежевые каменные полы продолжались и здесь, стены были выкрашены в стиле зеленого бамбука на бледно-золотом фоне.

— Ну, спасибо, Эдвард, — сказал я.

Широкие двери из красного дерева были по обе стороны коридора, на каждой был вырезан символ корпорации. Огни на потолке с арками окутывали коридор теплым приятным сиянием. Место источало профессионализм, богатство и важность. Становилось ясно, что здесь занимаются серьезными делами, и это получается хорошо. Я разглядывал коридор, искал пожарные выходы, ведущие на лестницы. Мы прошли один такой, бежевая дверь была с заметным красным знаком «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД» на ней.

Мы могли использовать эти лестницы, когда будем готовы взрывать здание. Я содрогнулся. Мысль о взрыве в корпорации, о разрушении казалась нереальной, пока я находился в шикарном здании.

Тихая классическая музыка играла из колонок. Группа из пяти человек впереди шла за женщиной в стильном красном ю-костюме с золотым солнцем нарисованным спереди. Ее волосы были стянуты в пучок, она говорила оживленно, но не громко. Они остановились перед длинной витриной в стене, показывающей прототипы и модели костюмов Цзинь за годы. Туристы озирались, разглядывая все.

— Первый этаж корпорации открыт для наших инвесторов, деловых партнеров, клиентов и туристов, — сказала Дайю, мы прошли мимо группы. Она улыбнулась и кивнула двум женщинам в деловой одежде. Они с любопытством смотрели на меня, но не остановили, чтобы заговорить с нами. — Туры проходят каждый день, но все должны делать скан ладони для проверки, только потом им позволяют войти.

«Кроме меня», — подумал я.

— Мне повезло быть твоим личным гостем, — сказал я.

Ее глаза расширились.

— Почему? Тебе есть что скрывать?

Я рассмеялся, хотя шея пылала.

— Я про то, что можно получить тур за кулисами.

Мы прошли мимо витрины, где изображалось, где в мире продавались костюмы: от Лос-Анджелеса до Лондона, Мексики и Каира. Я замер у большого изображения на стене: Цзинь младше видом пожимал руки азиатке, который выглядел знакомо. Рядом с ним была женщина в светло-голубом платье. На подписи читалось: «Цзинь Фэйминь заключает крупнейшую сделку в США с Саймоном Ли о прямой поставке костюмов в Калифорнию, в крупнейший центр в Лос-Анджелесе».

Ли была девичьей фамилией мамы, и я вдруг понял, что смотрю на своего дедушку со стороны мамы. Моя мама с бабушкой были довольно похожи, так что перепутать было сложно. Я знал, что мама была из обеспеченной семьи, но не подозревал, что они были связаны с продажами Цзинь.

— Джейсон? — сказала Дайю, коснувшись моего плеча.

Я вздрогнул и с усилием разжал челюсти.

— Что такое?

Я повернулся к ней с тенью улыбки.

— На миг затосковал по дому. Распространение товаров корпорации невероятно.

Дайю посмотрела на карту, светящиеся точки отмечали фабрики, центры продаж и города, где было больше всего потребителей.

— Потому что отец всегда путешествует. Он хочет, чтобы весь мир был в костюмах.

Она не улыбнулась в ответ и пошла дальше. Мы остановились у лифта, она ввела код на очередной голубой панели. Я не носил записывающие устройства, ведь меня могли поймать,

так что во всем полагался только на свою память. Мы вошли в лифт, Дайю выбрала пятый этаж, последний в здании.

Я не мог не думать о фотографии Цзинь с родителями моей матери, они сияли жизнью. Мои гнев и ощущение предательства усиливала печаль. Они пытались связаться со мной после смерти матери, но я разорвал все связи. Тринадцатилетний сирота, охваченный гневом и горем, считал, что это фальшивый жест — слишком мелко и поздно. Теперь я понимал, что они могли бы спасти маму, у них было достаточно денег, чтобы обеспечить ей лучшую медицинскую помощь, и это ранило больше всего. Но мама никогда не говорила, что у них можно попросить о помощи.

Отстраненный и слишком упрямый. Весь в мать.

— Внизу демонстрационная комната, туристам показывают, как делают костюмы, — вмешался в мои мысли голос Дайю, — но к этажу фабрики допускаются только инвесторы.

Дверцы лифта открылись, и мы вышли в еще один широкий коридор. Окна от пола до потолка позволяли разглядеть фабрику внизу, охватить взглядом весь четвертый этаж. Десятки работников в белых лабораторных халатах работали на своих местах, я видел, что на этаже делали около десяти костюмов.

— Это все заказы, — сказала она, стоя у стекла. — На втором этаже производят костюмы дешевле.

Я смотрел, как работник опускает стеклянный шлем на костюм, в котором была кукла размером с человека, рукава сияли сложными фиолетовыми узорами.

— Заказы, как ты знаешь, производятся под конкретного человека, — сказала она. — Когда получают мерки, создается манекен, повторяющий тело заказчика, чтобы мы могли быть уверены в правильности размера и качестве, — Дайю пошла по коридору, что находился по краю восьмиугольного здания. На другой стороне были двойные двери из красного дерева. — Это исполнительный этаж, — сказала она. — Здесь кабинет моего отца, но еще и кабинеты команд разработки. Здесь наши ученые и инженеры создают улучшенные костюмы и приложения к ним. Здесь и все компьютеры и серверы, которые поддерживают работу костюмов наших клиентов.

Если на первом этаже было тепло и приятно, то здесь было наоборот. Пустой коридор был тускло освещен, двойные двери казались зловещими, охраняющими секреты внутри, отгоняющими незнакомцев. Я заметил, что у дверей не было голубых панелей, которые позволяли нам пройти по зданию. Вместо этого у каждой двери был стеклянный купол на стальном пруте. Она проследила за моим взглядом.

— Сканы мозговых волн нужны для мест с повышенной безопасностью, — сказала она. — Проход на этот этаж строго запрещен.

Линь И была права. Мне нужно было убедить Дайю использовать скан и как-то уловить копию.

Дайю смотрела на просторную фабрику внизу. Пространство было чистым и хорошо освещенным, но слишком строгим, без хаоса лаборатории Аруна, которая казалась от этого уютной.

— Почему скан мозговых волн? — спросила я.

— Это лучший вариант на рынке, — она повернулась ко мне, вскинув бровь. Ощущалось почти как вызов.

— Я не удивлен, — ответил я. — Только лучшее для корпорации, — я подошел к стальной колонне и посмотрел на купол над головой. — Как он работает? Я никогда такого

не видел.

Она без уговоров прошла мимо меня и встала под куполом.

Она повернулась ко мне, и я слишком поздно понял, что нужно было прикрепить прибор, что дала мне Линь И, к колонне раньше, чем она подошла. Теперь я уже не мог сделать это скрытно.

Машина тихо загудела, а потом лазеры начали вспыхивать у головы Дайю, и ее черты стали призрачно-голубыми.

— У нас уникальные мозговые волны, как отпечатки наших пальцев, — сказала она. — Запись моей мозговой волны поможет опознать...

Ее перебила дверь рядом с нами, она пикнула, и золотая дверная ручка стала светиться зеленым. Дайю отошла от стеклянного купола и открыла тяжелую деревянную дверь, а потом закрыла. Зеленый свет погас.

— Нам нужно представлять картинку, пока наши мозговые волны сканируют и записывают, а потом сосредоточиться на этой картинке для входа.

— Какую картинку? — с любопытством спросил я.

— Иероглиф Цзинь, — ответила она.

Я заметил сарказм в ее голосе, но мне могло показаться. Я спрятал тонкий прибор в скрытый карман костюма и ругал себя за то, что не сыграл лучше. Как мне заставить ее использовать скан снова?

В центре коридора я посмотрел на работников, усердно трудящихся на местах, и представил, как эта огромная стена из стекла взрывается, осыпая всех в фабрике внизу. Крики и кровь. Нам нужно было как-то вывести всех из здания. Я ненавидел корпорацию Цзинь, но я не хотел терять невинные жизни, если был шанс спасти их.

Мы медленно шли по коридору, Дайю снова вошла в лифт. В этот раз мы остановились на третьем этаже. Коридор был выложен серой плиткой, был не таким роскошным, как на первом этаже. Лаборатории за стеклянными окнами были по бокам узкого коридора, отсюда было видно еще больше работников в белых халатах с символом корпорации над сердцами.

— Здесь проходит тестирование? — спросил я, наблюдая, как техник проверяет износостойкость тканей на стойке.

— Да, — сказала она. — Для костюмов. Но здесь еще и лаборатории научных исследований.

Это привлекло мое внимание. Это и просил меня поискать Арун.

Я улавливал как можно больше, не привлекая внимания Дайю, отмечая пожарные выходы на этом этаже. Но увиденное не казалось необычным: техники проверяли материалы для костюмов и шлемов, инженеры работали над разными 3D-моделями новых дизайнов, художники рисовали узоры для костюмов.

— Что это? — спросил я, указывая на овальную структуру, похожую на большое яйцо, что было в лаборатории, такой же, как та, где работал Арун.

— Это очищающий робот, — ответила Дайю. — У нас дома такой же. На этом этаже их два.

Это только подтверждало подозрения Аруна, что грипп создали здесь.

Вскоре мы добрались до части этажа за стальными дверями, рядом с ними были станции со сканерами мозговых волн.

— Снова запрещенная зона? — спросил я. Дайю могла еще раз использовать машину. Но как украсть копию?

Мы проходили нескольких работников в халатах в коридоре, но эта часть здания выглядела пустынной и тихой. Словно в подземелье из стали, двери не выдавали, что за ними.

— Да, — сказала она.

— Ты знаешь, что они там делают?

Она скрестила руки, глядя на стальные двери.

— Нет, — сказала Дайю. — Но я знаю, что отец несколько лет работал над тайным проектом.

Я сделал шлем прозрачным, она смотрела на меня с оценкой. Я плохо играл? Слишком долго смотрел в окно, проявил слишком сильный интерес? Она заметила, что я запоминаю план этажей по пути, отмечая каждый коридор и пожарный выход?

— Уверена, скоро он объявит и об этом, — сказала она. — Но теперь и мне любопытно.

Я опасно ухмыльнулся.

— Давай посмотрим.

Одна из стальных дверей отъехала, выпуская холодный воздух. Дайю напряглась и коснулась моей руки.

— Шлем не снимай, но не затемняй.

Вышел высокий мужчина в таком же белом халате, как у всех, он держал стопку файлов. Он читал записи, бормотал под нос, а потом заметил нас с Дайю у закрытой зоны. Он узнал Дайю, и его глаза расширились.

— Мисс Цзинь, — сказал он. — Добрый вечер.

Она кивнула ему с улыбкой.

— Доктор Лю. Вы поздно здесь.

— Да, по уши в делах, — он сдвинул темные брови. — Могу чем-нибудь помочь? — он взглянул в мою сторону. Не дружелюбно. — Это закрытая зона.

— Да? — Дайю вскинула голову. — Даже для меня?

Высокий ученый переминался с ноги на ногу, не скрывая неуверенности и неловкости.

— Я... думаю, вам лучше спросить у вашего отца, мисс Цзинь.

Она обезоруживающе улыбнулась.

— Я просто устроила небольшой тур для одноклассника, — сказала Дайю бодрым тоном. — Я отведу его к Вивиан и покажу свой новый костюм.

Доктор Лю просиял.

— Вивиан. Она такая талантливая, — он прижал файлы к груди. — Повезло, что она — ваш дизайнер.

— Да. Мы туда и шли.

Он кивнул, мы развернулись, и он поспешил мимо нас по своим делам.

Она схватила меня за руку, остановив, и кивнула на закрытую лабораторию. Я подмигнул. Мы молчали, она шагнула под сканер. В этот раз я прикрепил прибор, когда она шагнула под купол. Я не знал, пропустят ли ее, судя по неуверенному выражению лица Дайю, она тоже не знала.

Три секунды спустя мы услышали громкий щелчок, стальная дверь с тихим шуршанием открылась. Дайю заглянула внутрь. Я воспользовался шансом, снял прибор и спрятал в карман, надеясь, что копия получена. Она поманила рукой, и я пошел за ней. Дверь закрылась, будучи в фут шириной. Большая лаборатория была пустой, два прямоугольных рабочих стола были заполнены машинами и оборудованием. На большом подносе на

маленькой тележке стояли пробирки для тестов. Большие механизмы стояли вдоль стен лаборатории. Было холодно, Дайю дрожала, хоть была в костюме, но без шлема она не могла регулировать температуру. Я поднял себе температуру до комфортной.

— Что будет, если нас поймают? — спросил я.

Она пожала плечами.

— У меня есть сюда доступ, так что мне не смогут сказать, что место закрыто для меня.

— Но со мной не так, — я вскинул бровь.

— Точно, — улыбнулась Дайю. — Но я знаю, что охрана просматривает записи только в крайнем случае.

— Значит, нельзя давать им повод?

— Именно, — ответила она.

Дайю пошла по большой комнате, обнимая себя, чтобы согреться.

— Доктор Лю не странно себя вел? — тихо спросила Дайю.

Я тоже так думал. Он явно что-то скрывал.

— Может, он просто смутился.

Дайю не нужно было знать то, что мы подозревали.

Она издала тихий смешок.

Я ходил по длинной лаборатории, изучал все с неприкрытым любопытством. Закрытый холодильник у стены привлек мое внимание, и я постарался неспешно дойти до него. За стеклом были три пробирки. Я склонился, чтобы видеть лучше эти флаконы. На каждом был ярлык H7N9S, края пробирок были с красной каймой.

— Как думаешь, что это? — спросила Дайю.

Я чуть не вздрогнул, не услышав, как она подошла сзади.

H7N9 был птичьим гриппом. Я был уверен, что H7N9S был образцом, который выпустил Цзинь, и его искал Арун.

— Не уверен, — соврал я. — Нам стоит уйти. Доктор Лю может скоро вернуться.

Она согласилась и нажала на большую квадратную кнопку у стальной двери. Она отъехала, и мы вышли и убедились, что дверь прочно закрылась за нами.

— Я все еще хочу отвести тебя к Вивиан, моему дизайнеру, — сказала Дайю.

Мы шли бок о бок, ее рука задевала мою достаточно долго, так что это было не случайно. От этого по моему телу растекся жар, к моему недовольству, ведь она могла вызывать во мне такую реакцию малейшим прикосновением. Несмотря на то, что творилось во время тура.

Лаборатории за окнами требовали только личный код, и Дайю не скрывала его от меня, когда применила в третий раз.

Дайю поприветствовала женщину лет тридцати, которая была высокой и стройной, черные волосы были стянуты в пучок. Она выглядела бы строго, но ее лицо сияло радостью при виде Дайю.

— Мисс Цзинь! — воскликнула она. — Какой неожиданный сюрприз, — женщина стояла у длинного белого стола, на нем лежал светло-голубой костюм. Он не был закончен, но один рукав сиял замысловатой паутиной серебряных звезд.

— Я работаю над проектом с другом, — Дайю кивнула на меня, — и решила заглянуть к любимому дизайнеру. Как новый костюм, Вивиан?

Вивиан кивнула, едва взглянув на меня, и поманила Дайю к столу.

— Вы пришли вовремя. Я начала его украшать.

Они обсуждали работу Вивиан над новым костюмом Дайю: тему звезд. Дайю с энтузиазмом говорила о своих любимых китайских созвездиях и историях, связанных с ними. Я разглядывал большую лабораторию, полную занятых работников. Вся комната была наполнена белыми предметами, из цвета здесь были только экраны. Юноша двадцати лет с любопытством смотрел на меня. Он явно знал Дайю, но через миг вернулся к работе. Я увидел объемную модель костюма в реальный рост на стене у его места.

Пока они обсуждали дизайн, мне пришло сообщение от Линь И: «Получила. Все хорошо».

Копия мозговых волн Дайю успешно дошла с прибора Линь И.

Мы пробыли в корпорации два часа. А Минь еще сидел в вестибюле, и Дайю улыбнулась ему, когда мы уходили.

— Хорошего вечера, мисс Цзинь, — крикнул он нам вслед.

Уже было девять вечера, ее белый лимузин подъехал минутой спустя.

— Хочешь поужинать? — спросила Дайю.

Я не ожидал вопроса и не скрыл удивления.

— Не могу, — сказал я. — У меня встреча.

Я хотел тут же доложить Линь И, но не мог пойти, потому что хотел проводить больше времени с Дайю. Мне слишком сильно нравилось быть с ней. Она мне слишком сильно нравилась. Это нужно было остановить. Мы расстались, она подошла, чтобы обнять, но я остановил ее, положив ладонь на ее плечо.

— Спасибо за личный тур, мисс Цзинь, — сказал я.

Она слабо улыбнулась, но я увидел разочарование в ее глазах.

Я получил то, что мне от нее требовалось.

Моя работа с Дайю была закончена.

...

Через двенадцать дней после большого объявления Цзинь у парка о доступных костюмах и падения пациента Ноль смертельных исходов болезни в Тайпее стало больше двух десятков. Хотя болезнь быстро распространялась, правительство не объявляло об эпидемии, ведь страдали только бедные мэй. Многие умершие уже болели, их иммунитет был подавлен, или они были бездомными и жили на улицах, но Арун говорил мне, что грипп опасен.

— Он может стереть половину Тайваня, если мы его не остановим, — сказал он. — Тебе нужно вернуться в корпорацию и добыть образец для меня.

И через три дня после тура Дайю, в крошечной тьме воскресной ночи, я вернулся.

После двух часов ночи я взял воздушный мотоцикл и полетел к корпорации Цзинь. Я был в костюме, но отсоединен от коммуникационной системы, чтобы меня не выследили. Вооруженный кодом Дайю и прибором, записавшим ее мозговые волны для скана (Линь И убеждала меня, что он сработает), я позволил эйфории накрыть меня. Я разогнался и летел над Тайпеем, модные районы были заполнены юными ю и мэй, готовыми развлекаться. Пылали знаки и лазеры, и это резко отличалось от темных зданий заброшенных мест или тех, кто уже спал.

Казалось, молодежь Тайпея не замечала эпидемию гриппа, занятая развлечениями, не знающая, как опасен был вирус. Столько жизней зависело от того, добуду ли я образец для Аруна. Я не мог его подвести.

Я направил мотоцикл в темный лабиринт улиц за корпорацией Цзинь, оставил его на

узкой пустой улице. Без колебаний я пошел по затхлым переулкам, путь озаряли шлем и костюм. В этот раз со мной было шесть ножей, хотя они окажутся бесполезными, если система защиты корпорации засечет меня и запрет корпорацию.

Не слушая учащенное биение сердца, я нашел задний ход, в который Дайю хотела проскользнуть со мной в первый раз. Панель была темной, но тускло сияла, когда я вводил личный код Дайю рукой в перчатке. Я ждал, сердце шумело в ушах, дверь тихо щелкнула через пару секунд. Я применил приложение, улавливающее движения, которое Виктор достал мне, чтобы заметить любые признаки движения в коридоре. Я, ничего не видя, прошел внутрь.

Я был на первом этаже у лестницы пожарного выхода, который мог видеть, когда ходил здесь с Дайю. Мы обменялись парой коротких сообщений после тура, больше ничего. Может, она поняла намек. Я ощутил сожаление. Злясь, что опять думаю о ней, я заставил себя сосредоточиться. Не уловив движения за дверью пожарного выхода, ведущего в главную часть корпорации, я затемнил шлем и прошел в широкий пустой коридор. Я был в части первого этажа, где не проходил с Дайю, но я узнал общий декор и направился в сторону лифта.

Вскоре я прошел дверь, ведущую в вестибюль, витрину с костюмами и картами и остановился у лифта. Здание казалось пустым, но мой детектор уловил стража у главного входа. Я ввел код Дайю, и лифт ожил и открыл дверцы двадцать секунд спустя. Я нажал кнопку третьего этажа, молясь, чтобы доктора Лю или кого-то еще в выходной там не было.

Я пригнулся и вышел из лифта, помня о стеклянных окнах в коридоре. Мой детектор ничего не уловил, и я встал. Лаборатории по сторонам были тусклыми, от зловещей тишины покалывало кожу, хоть я и был в костюме. Я пошел к закрытой зоне, попытался уловить активность за дверями. Шлем вспыхнул красным: «НЕУДАЧА».

Боги! Приложение не могло пробиться. Я снял шлем и сунул устройство в сканер, глубоко вдохнул, а потом шагнул под стеклянный купол. Он загудел, и я представил, что будет, если прибор Линь И не сработает. Я был в маске на лице, скрывающей нижнюю часть, но все было записано камерой. Мы могли лишь надеяться, что никто не смотрит, что ни у кого не возникнет причины пересматривать запись этой ночи. Перед глазами вспыхнул голубой свет, сканер притих. Я ждал приговора, стальная дверь открылась через пару секунд.

Я спрятал прибор в карман. Линь И не подвела меня. Я надел шлем и прислушался у двери. Услышав только тихий шум машин, я прошел внутрь и закрыл дверь за собой. Свет в пустой лаборатории был тусклым, но стал ярче, когда я вошел. Было еще холоднее, чем когда я был здесь с Дайю. Я пошел туда, где хранился виру, заглянул в холодильник и достал флакон из кармана. Арун сделал мне копию пробирки из холодильника по моему описанию. Я сравнил их внешне и был удовлетворен.

Пока они не проверят образец, никто не заметит разницы.

Я убрал пробирку и провел руками по прямоугольному стальному холодильнику. Когда я был с Дайю, я не смог рассмотреть, как получить пробирку. Рядом не было панели. А время неумолимо отсчитывалось в шлеме. Уже было полтретьего. Я скользнул перчаткой по нижнему краю и ощутил квадратную кнопку. Я нажал, появилась панель. Я думал лишь о коде Дайю, но у нее вряд ли был доступ.

Удивительно, но стеклянная крышка открылась, выпуская порыв холодного воздуха. Я забрал пробирку и оставил замену. Спрятав пробирку в скрытый карман, я вышел из лаборатории, обрадовался пустому коридору. На половине пути к лифту я услышал тихий

свист и шум катящихся колес по плитке. Мысленно ругаясь, я юркнул в одну из дверей справа, уборщик повернул за угол.

Он не видел меня. Но, как только я обрадовался, свет в лаборатории загорелся из-за моего движения, уборщик перестал насвистывать.

— Кто здесь?

Черт!

Я спрятался за столом, меня не было видно из окон на стороне коридора. Колеса катились уже медленнее и ближе. А потом тишина, щелкнула дверь комнаты, где я был.

— Эй, — хрипло сказал уборщик. — Кто здесь?

Я не двигался, не дышал. Я мог отключить его инъекцией сонных чар, если нужно, но тогда уборщик остался бы, и его нашли бы утром, а потом начали бы смотреть записи. Во второй раз за ночь я помолился, чтобы удача была на моей стороне.

— Бесполезная технология, — сказал уборщик после долгой паузы.

Он вкатил тележку в комнату, и я воспользовался шумом, чтобы вытащить шприц. Выбор этой ночью был невелик. Но он проехал мимо моего стола к другой части лаборатории. Я смотрел на его удаляющуюся спину и выскользнул из комнаты, побежал, пригибаясь, к лифту. На часах в шлеме было 2:49.

Лифт ехал очень долго. Когда я вышел из той же двери, в которую вошел, было больше трех часов. Я прислонился к ней и медленно выдохнул, расслабляясь. Я и не знал, что вспотел, и изменил температуру костюма. Луна пропала за мглой загрязнений Тайпея, и я использовал сияние шлема, чтобы освещать путь. Я замер на миг и вытащил флакон, когда кто-то с силой толкнул меня сзади.

Я развернулся и увидел ю-парня в красном костюме с ярким лиловым узором.

— Зачем ты ворвался в корпорацию Цзинь?

Я был так потрясен, что парень снова толкнул меня. В этот раз я заметил за шлемом лицо друга Дайю, Джозефа Чена.

— Я не врывался, — спокойно ответил я.

— Тогда почему ты не подключен к системе коммуникаций?

Он пытался толкнуть меня снова, и я отошел в сторону.

— Я не обязан тебе объяснять, — сказал я.

Джозеф сорвал свой шлем.

— Дай тебя увидеть.

Я знал, что Джозеф ищет боя. Я не слушал его и повернулся уходить. Он врезался в меня сзади, и я развернулся. Ударив ладонью по моей груди, он выхватил из моей ладони пробирку. Боясь, что в бою пробирка разобьется, Джозеф отодвинулся. Он, торжествуя, поднял ее.

— Что ты украл?

Я с недовольством снял шлем.

— Ты меня преследовал.

Он улыбнулся.

— Я тоже живу в 101. Я увидел тебя в гараже на мотоцикле. Стало любопытно.

— Я ничего не брал, — сорвал я. — Это мое. Верни, — мои слова разносились зловещим эхом в темном переулке.

— Вранье, — сказал Джозеф. — Я знал, что тебе нельзя доверять. Что это... — он потянул за колпачок пробирки. — Наркотик?

Я сжал его запястье с силой. Он пытался высвободить руку, но я был сильнее. Хотя Джозеф вел себя храбро, я был уверен, что он еще не бывал в настоящей драке.

— Не важно, — сказал он и уронил флакон.

Я успел поймать его, сердце подпрыгнуло к горлу. Боги. Но я не успел спрятать пробирку, ю-парень ударил меня по щеке расслабленным кулаком. Боль тут же проступила на лице Джозефа, он покачал рукой. Он не знал, как драться.

Выбора не было. Я не мог допустить, чтобы он помнил или следовал за мной до 101, вопя по пути. Я ударил его в челюсть с силой, чтобы остался след. С силой, чтобы она опухла. Чтобы выглядело как нападение вора.

Джозеф отшатнулся, белки его глаз выделялись в темноте.

Я спрятал пробирку и вытащил шприц с веществом, стирающим память. Я вонзил иглу в ладонь Джозефа.

— Что это было? — он смотрел на меня, раскрыв рот, а потом упал на землю.

Я обыскал карманы его костюма. Кредитка. Шесть тысяч юань наличными. Забрав их, я бросил кредитку на земле рядом с ним. Я проверил Ладонь, обнаруженную в его кармане, прибор был заряжен и отмечал его положение. Мне почти было его жаль.

Утром у него будет ужасно болеть голова.

• • •

Линь И созвала собрание на следующий день.

Я пришел, оставив пробирку в лаборатории Аруна. Он похлопал меня по плечу, а потом забрал ее руками в перчатках.

— Ты крут, Чжоу!

Я улыбнулся.

— Надеюсь, этого тебе хватит.

Он остался там и не пошел на собрание, желая сразу проверить образец.

Я ощутил напряженное волнение друзей, как только вошел в штаб-квартиру. Айрис висела на толстом канате под потолком на высоте двадцати футов, раскачиваясь. Она развешивала на потолке красные фонари и бумажные гирлянды в честь лунного Нового года. Я зачарованно смотрел, как она перебирается с веревки на веревку. Виктор сидел за обеденным столом, смотрел в Ладонь. Но Линь И тоже следила за Айрис, откинув голову, ее волосы так касались плеч. Она улыбалась, поражаясь ловкости Айрис. Та ощутила взгляд Линь И, посмотрела вниз и подмигнула ей, ее лицо было открыто для Линь И.

— Хорошо, Айрис, — сказал я. — Хватит уже красоваться.

Айрис прикрепила последний красный фонарик и гирлянды с позолотой, а потом легко съехала по канату.

— Чжоу. Погляди, что Виктор достал для нас!

Вик, услышав свое имя, присоединился к нам у диванов. Он поправил манжеты и распрямил жилет.

Линь И устроилась в красном бархатном кресле, поджав под себя ноги и поправив белую длинную юбку. Она окинула нас взглядом, темные глаза пронзали из-за очков с толстой черной оправой, а потом сказала:

— Я узнала, что у корпорации Цзинь есть страхующее место для их систем безопасности в здании у улицы Змеи. Назовем это место крепостью. Виктор и Айрис уже проверили место, оно защищено не так сильно, как главный штаб корпорации. Там всего восемь стражей. Айрис и Чжоу, вы проберетесь в здание, чтобы я могла оценить их систему

безопасности. Оно обособлено и не в сети. Мне нужна близость к тем машинам, чтобы взломать их.

— Как? — спросил я.

— Заберетесь туда, — сказал Виктор. — Я получил для вас современное снаряжение.

Линь И начала последовательно излагать план в подробностях.

— Ты думаешь, что код Дайю сработает в крепости, — сказал я, когда мы все проверили три раза. — А если нет?

— Тогда все пропало, — ответила Линь И.

Я рассмеялся слишком громко.

— Это радует.

— Я смогу взломать панель доступа, когда вы будете там. Но вы сможете пройти так лишь пару раз, а потом сработает сигнализация, — Линь И заправила прядь лиловых волос за ухо. — У нас есть максимум шесть попыток. И это пустяки, ведь речь идет о коде в восемь цифр.

— Код Дайю должен сработать, — сказал Виктор.

— Чжоу сказал, что она проходит практику в корпорации, — сказала Линь И. — У нее должен быть доступ, особенно, как у дочери Цзинь и наследницы.

— Рискованно, так ведь? — Виктор сцепил пальцы и вскинул брови. — Если Айрис и Чжоу не справятся, их бросят за решетку. Цзинь не будет милосерден касательно их наказания, у него лучшие адвокаты. Но, может, это лучше суицидальной миссии.

Я фыркнул.

— Говори правду, Вик.

— Это риск, — согласилась Линь И.

— Мы всегда это знали, — парировал я.

Линь И прикусила губу и сказала:

— Если вы с Айрис хотите отказаться...

— Нет, — ответил я, прервав ее. — Я хочу это сделать.

— Я с Чжоу, — пропела Айрис. Она в углу качала пресс на металлической планке. Я никогда не видел ее сидящей на месте дольше пяти минут.

Линь И кивнула.

— Виктор, ты еще с нами?

— У меня есть выбор? — он лениво улыбнулся, прикрыв глаза, словно был готов вздремнуть. — Без меня вы безнадежны. Шансы ужасны, — он переключился на английский. — Мы играем своими жизнями, и казино всегда в выигрыше.

У нас почти не было шансов, но я не собирался отказываться. Возврата не было. Мы еще не попробовали.

Линь И встала. Она была разумом нашей группы, хакером, стратегом, лидером. Но, как ее друг, я видел, как она напряжена, понимал, как много зависело от этой миссии. Если мы провалимся, нам конец.

— Я не могу описать, как важно следовать плану, — она посмотрела на каждого из нас по очереди, долго выдерживая взгляд, чтобы мы ощутили вес. — Понятно?

— Да, — ответили все, кроме Айрис, которая забралась на обитую платформу. Она была в черном, стояла идеально прямо на краю, склонив голову, и напоминала мне спичку, готовую быть зажженной.

— Айрис? — спросила тихо, но твердо Линь И.

Айрис исполнила идеальное сальто на пол и ответила.

— Да, босс. Я тебя слышала.

Она вытянула руки над головой, как пантера.

Линь И покраснела, но давить не стала. Смущение было не в ее стиле. Стресс миссии явно влиял на нее.

Мы должны были ворваться успешно, иначе нам не достичь цели. И время было не на нашей стороне.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Через три дня после кражи из корпорации я получил неожиданное сообщение от Дайю, пока бросал ножи в мишень. Волнение забурлило во мне, когда я увидел ее иконку на экране Вокса. Я вел себя как ослепленный любовью мальчишка.

«Эй, я была занята выпускным проектом, но хотела, чтобы ты знал, что моего друга Джо нашли за зданием корпорации без сознания».

Я поискал новости об этом, но ни на что не наткнулся.

«Что? — ответил я, не в силах игнорировать чувство вины. — Что случилось?».

«Похоже на ограбление. Он проснулся в лихорадке и бреду. Врачи думают, что он подхватил этот грипп. Он ничего не помнит».

Меня пошиб холодный пот. Этого не было в плане. Джозеф был открыт гриппу, потому что коснулся пробирки, или я был еще заразным. В любом случае это была моя вина.

«Мне жаль, — ответил я. — Надеюсь, ему станет лучше».

Но я знал, что Арун считал, что смертность от этого гриппа была выше 80 процентов.

«Его отправили в закрытое учреждение вне Тайпея, чтобы дать ему лучшее лечение. Я боюсь за него».

Я сглотнул. Я никак не мог успокоить ее, как и не мог раскрыть правду. Из-за меня твой друг может умереть, Дайю. Вместо этого я ответил:

«Береги себя».

«Ты тоже, Джейсон».

Тихий звон, она отключилась.

Я провел рукой по волосам, чувствуя себя ужасным злодеем.

— Сяо Хуань, — сказал я вслух, связываясь со швейцаром через систему коммуникаций дома.

— Да, Джейсон? — он смотрел на меня с экрана двери.

— Я бы хотел отправить цветы семье Джозефа Чена. На каком этаже они живут? — я не хотел отправлять цветы, это было бы лицемерием в свете правды, но я хотел проверить семью.

— Простите, Джейсон, — пробормотал Сяо Хуань. — Это, кхм, закрытая информация.

— Почему?

— Надзиратель дома запретил мне распространять информацию о Ченах, — Сяо Хуань на экране был бледнее обычного.

— Вот как, — сказал я. — Я могу спуститься и узнать информацию лично, если нужно, — я бросил нож, и он попал с приятным стуком. Я бросил следом еще два и продолжил. — Не думаю, что мы это хотим.

Я увидел, как качнулся кадык Сяо Хуаня.

— Юный мистер Чен заболел, и они думают, что его мать, миссис Чен, тоже заражена.

— Какой этаж, Хуань?

— Восемнадцатый, — сказал он, сдавшись.

— Спасибо.

— Да, Джейсон. Но я бы держался подальше. Они думают, что всюду этот грипп-убийца, — он отключился, впервые сделав это самостоятельно.

Я собрал ножи с доски и бросил их снова, а потом надел костюм и поехал на лифте на восемнадцатый этаж. Двойные двери их квартиры были перекрыты желтой клейкой лентой. Одна панель была открыта, я заглянул внутрь. Четыре человека в оранжевых костюмах были в огромной гостиной. Правительство или люди Цзинь? Двое пошли к входной двери, и я быстро вернулся в лифт и в свою квартиру на шестьдесят девятом этаже.

Еще час я искал в андернете новости о болезни Джозефа Чена. Ничего. Дайю знала о болезни друга, значит, знал и Цзинь, и он вмешался и быстро скрыл факт, что богатый ю в костюме смог заразиться гриппом. Никого не волновали заболевшие мэй, но такие страдания для ю были ему не выгодны.

Я сделал такой вывод и увидел, как воздушная скорая улетает из гаража здания 101, пропадая за горизонтом. Я не мог рассказать Дайю о том, что знал, и я решил не рассказывать друзьям. Чем бы это помогло? Я просто добавил это к растущей коллекции своих проступков и грехов.

Может, в конце я не смогу никому смотреть в глаза. Или, может, я сделаю это и больше не буду переживать.

• • •

Крепость находилась посреди заброшенных домов и закрытых контор. Только бездомные мэй бывали в этом районе, и даже тогда они прятались в брошенных домах. Это здание было десятиэтажным, без окон и с пятью сторонами, сделанное из бетона, расположенное в зоне, где не летали. Одно разрешение должно было стоить Цзинь не меньше пары миллионов. Единственный вход на первом этаже охранялся толстыми стальными дверями и был круглосуточно под наблюдением стражи. Крыша была незащищена, там была сеть сенсоров, защищающая ее.

Мы с Виктором пригибались в тени пустого здания. Мы заплатили бездомным мэй, обитавшим там, за каждое утро, когда мы приходили и следили за крепостью. Они брали деньги без слов. Некоторые с опаской кивали, не глядя нам в глаза. Они были грязными и лохматыми, со знакомым голодом на изможденных лицах. Они оставляли нас с Виктором в покое, получив деньги за день.

День был необычно теплым для раннего февраля, влажным, густой коричневый смог закрывал бледное солнце. Пот собирался сзади на моей шее, скатывался между лопаток. Я пожалел, что был в черной футболке, и скучал по своему костюму, контролирующему температуру. Я ощутил отвращение к себе, вдохнул наш загрязненный воздух, пахло выхлопными газами и мочой. Я подавил подступившую тошноту.

— Что с тобой? — спросил Виктор. Он был одет с иголочки, как и всегда, в белой рубашке с короткими рукавами, аккуратно заправленной в темно-серые брюки.

— Ничего, — сказал я. — Уже неделя. Уверен?

Виктор посмотрел на меня поверх дизайнерских итальянских очков.

— Генераторы проверяют ежемесячно. Техник должен скоро вернуться.

Он не успел договорить, белый грузовик подъехал к крепости. На боку виднелись синие

иероглифы: «Услуги и товары Лю». Мужчина за тридцать в синей фуражке выскочил с водительского места и захлопнул дверь машины. Он поспешил к двойным стальным дверям, а потом вытащил кошелек и показал карточку монитору на двери. Через пару мгновений из крепости появился страж в серой форме.

— Видишь? — улыбнулся Виктор и захрустел костяшками.

Охранник прошел к квадратному бетонному зданию, где были генераторы, соединенные с крепостью. Мы смотрели, как он отпирает стальную дверь здания двумя разными ключами, а потом оба мужчины пропали внутри. Ключи хранились на шнурке, какой вешали на шею. Через сорок минут мужчины вышли из здания генераторов.

Виктор вытащил перед рубашки из брюк, растрепал идеальные волосы и выбрался из нашего укрытия. Когда страж запер здание обоими ключами, Виктор уже шагал по пустынной улице, пьяно шатаясь и громко напевая. Охранник говорил с техником рядом с его грузовиком, когда Виктор помахал и кивнул стражу. Охранник оттолкнул его, громко ругаясь, и Виктор отшатнулся и врезался в дерево, почти съехал на землю. Он сжался там. Я знал, что Виктор вытащил ключи из кармана стража и теперь делал их 3D-сканирование. Пот собирался у моих волос, я вытер влажные ладони о темные джинсы. Вик был профессионалом, но я все равно нервничал, следя за этим. Мужчина уехал на грузовике, а охранник пропал в крепости. Виктор пошел обратно, шатаясь, а потом согнулся и издал громкие звуки, будто его тошнило. Он хорошо играл, я почти поверил, что он пьян. Он выпрямился, и я увидел, что он выронил ключи на землю и пошел в другой переулок. Он говорил, что вернется ко мне по обходному пути.

— Убедись, что страж вернется и найдет ключи, — предупреждал Виктор. — Если нет, найди их для него. У нас будут проблемы, если они поменяют замки.

Страж вышел через три минуты, озираясь. Виктор постарался обронить ключи на пути охранника к зданию генератора, и страж склонился и подобрал ключи с земли, сжимал шнурок пальцами, возвращаясь в крепость.

Через пять минут после этого Виктор вернулся ко мне, его рубашка была заправлена, а волосы приглажены, как обычно.

— Готово, малец.

У нас был доступ к зданию генераторов. Но нам с Айрис все еще нужно было забраться и пролезть в крепость. Но я посчитал успех Виктора хорошим знаком. Я не был суеверен, но нам нужна была вся удача, какую можно было найти.

...

Я шагал по крытому рынку аллеи Змеи. Вечером четверга людей было не много, но достаточно, чтобы я легко смешался с ними. По обеим сторонам популярной улицы Тайпея светились магазины и рестораны. Воздух был тяжелым от запахов жареной еды, дыма сигарет и более экзотичных ароматов. Большие змеи лежали в стеклянных террариумах, чтобы было видно клиентам, их толстые тела были свернуты кольцами, они словно были готовы напасть. Черепахи забирались друг на друга в красных и голубых пластиковых тазах, пахло морской водой и гнилыми яйцами так сильно, что маска на лице не помогала. Считалось, что черепахи и змеи обладали исцеляющими свойствами, из них делали супы. Но в эти дни можно было легко заболеть, съев рептилий, из-за грязи и вируса.

Еще больше пешеходов было в плотных масках на лицах из-за новостей об опасном гриппе. Правительство приказало убить тысячи кур, но вспышка гриппа уже убила десятки мэй, заражались уже не только бездомные или слабые. Смертность превысила 80 процентов,

как и предсказывал Арун. Это не считалось эпидемией, потому что еще не умер никто из ю, их жизни ценились больше, потому что они были богаче. Я понимал теперь, что чудом выжил, я пережил нечто похожее, когда мне было десять, и это усилило мой иммунитет.

Новости о болезни Джозефа Чена так и не появились, через четыре дня после того, как я видел людей в защитных костюмах в доме Чена, квартиру выставили на продажу. Я в смятении подлетел на мотоцикле к окнам восемнадцатого этажа. Квартира была пустой, словно Ченов и не было. Мне стало не по себе, будто Цзинь мог убить семью, а я был виноват в этом.

Я не писал Дайю насчет ее друга. Чем дольше мы не общались, тем больше я убеждался, что это помогло бы порвать связи.

Не удивительно, билеты лотереи на более доступные костюмы Цзинь продавались, как лунные пряники перед фестивалем середины осени. Звуки китайской поп-песни смешивались с голосом мужчины из громкоговорителя, он показывал, как сдирать кожу с желтого удава, а потом выдавливать из него кровь. Я ощутил присутствие Айрис, как укол в затылок. Я знал, что не замечу ее, если обернусь, она была беззвучной, преследуя мишени. Но она была где-то за мной. Мы согласились встретиться у крепости в половине мили от аллеи Змеи через десять минут. На это здание Айрис легко могла забраться, она была сильнее и более ловкой, чем я. Виктор достал нам обувь и хваты на руки, которые позволяли цепляться к бетону, как ящерица к плоской стене, как он объяснил. Это была новинка на рынке, их еще не продавали. Но Виктор смог их достать, как и всегда.

Сложнее всего было отключить сенсоры, которые образовывали купол над крышей крепости, которые включили бы сигнализацию, если бы мы с Айрис попытались забраться наверх. У нас были копии ключей к зданию генераторов, и Виктор понял без намека и отключил автоматический перевод поддерживающей энергии. Линь И взломала энергетическую компанию Тайваня и была готова отключить электричество в радиусе мили от крепости. Теперь нам с Айрис нужно было только незамеченными забраться на здание.

Я вышел из аллеи Змеи и повернул на небольшую улицу с несколькими прохожими. Грязные стены, железные прутья, бесконечные ряды одежды, сушащейся по сторонам. В одиннадцать дома были тихими и темными. Чем дальше я уходил от аллеи Змеи, тем пустынное становилось. Разбитые окна пустых заброшенных квартир, рамы без дверей зияли, когда я проходил мимо. Я не знал, сколько бездомных мэй спало в этих зданиях, которые выглядели готовыми рухнуть в любой миг.

Я добрался до возвышающегося здания из бетона, оно напоминало мне огромного каменного монстра. Глядя на плоскую стену, я ощущал прилив адреналина. Я вытянул руки над головой и размял плечи. Мы выбрали безлунную ночь, густой смог накрывал город, здесь было темно, светили только два прожектора у входа крепости. Я добрался до мешочка на поясе и посыпал порошком руки. Я никогда не забирался так высоко без снаряжения.

Я вытащил хваты для рук, проверил их о бетонную стену. У них были короткие ручки, прикрепленные к шестидюймовым дискам, способным прилипнуть к плоской поверхности. Обувь была из того же материала, только это удержит нас на стене. Если мы удержимся. Мы с Айрис пробовали забираться по стенам в штаб-квартире. Она быстро освоилась, но у меня такого таланта не было. Я тряхнул запястьями, как показывал Виктор, чтобы отключить хватку на бетоне, проверил это несколько раз.

Слабое движение воздуха сообщило, что прибыла Айрис. На ее коротких платиновых волосах была черная вязаная шапка, она подмигнула мне.

— Эй, — сказала она, вскинув голову. — Неплохо

Ага. Будет неплохо, если я не расшибусь в лепешку.

— Точно, — сказал я вслух. — Пустяк.

Она улыбнулась, но я видел только блеск юмора в ее темных глазах над маской. Айрис была в таких же черных штанах, как и я, и в черной футболке с короткими рукавами. Только к ее штанам были прикреплены полдюжины шприцов, она была готова ударить любого сонным зельем или стирающим память.

— Чисто? — заговорила Линь И в наших наушниках. Она направляла нас со своего МакФолда из штаб-квартиры. Я мог представить ее в яркой блузке, поправляющей черные очки, пока она печатала. Арун не требовался для нашей операции, он трудился в лаборатории и не был соединен с нашей коммуникационной системой.

— Да, босс, — ответила Айрис. — Мы сообщим, когда будем наверху.

Она кивнула мне, и мы обули ботинки и прикрепили хваты, взялись за ручки.

— Двигайся параллельно со мной, — сказала она и прикрепила хват к бетону. Айрис поднялась уже на восемь футов, когда я только начал забираться. Подошва моих ботинок приклеивалась к бетону, я двигался вверх, привыкая к движению запястьями и лодыжками, чтобы отцепить каждый раз хват.

Было сложнее, чем выглядело со стороны у Айрис. Все мои мышцы напряглись, пока я цеплялся за стену, сердце с силой колотилось о ребра. Глаза слезились от загрязненного воздуха, они стали чувствительнее, потому что я часто дышал чистым отрегулированным воздухом. Я ногами толкал себя наверх, ведя хватами по бетону при этом. Рискнув взглянуть наверх, я увидел, что Айрис уже преодолела треть пути, забираясь как чертов паук. Сосредоточившись на ритме, я поднимался все выше. Не было времени на панику и ошибки.

Когда я поднялся, адреналин бурлил так, что я мог бы забраться еще на десять этажей. Вблизи мы видели паутину бледно-голубых огней, пересекавших крышу крепости.

— Хорошо, босс, — сказала Айрис. — Выключай огни.

— Автоматическая передача выключена, — добавил Виктор из здания генераторов. — Можно.

Мы с Айрис ждали, я слышал свое дыхание, пока мы прижимались к холодному бетону.

— Работаю, — сказала Линь И. — Держитесь.

Я сморгнул пот с глаз.

— Без проблем, босс.

Айрис даже не вспотела, она легко прижималась к стене, словно отдыхала на диване.

— Ты робот, знаешь? — процедил я.

Ее глаза озорно блестели.

А потом над нашими головами раздалось гудение, кварталы вокруг нас почернели. До нас донеслись отдаленные гудки машин и мопедов. Люди кричали и ругались в панике.

— Вперед, — сказала Айрис, и мы забрались на крышу, лишенную сенсоров.

Крыша была пустой. Мы пригнулись, озираясь. Кожу головы и рук покалывало, словно сенсоры оставили гудение в воздухе вокруг нас.

— Все хорошо, босс, — сказала Айрис.

— Отлично, — ответила Линь И.

А потом небо зашипело над нашими головами, голубые сенсоры вернулись. Кварталы вокруг нас снова озарил тусклый свет фонарей, неоновые вывески аллеи Змеи сверкали вдали.

— Двенадцать секунд, — сказала Линь И в наушниках. — Генератор не включился. Если повезет, охрана не станет проверять, решив, что это был небольшой сбой. Виктор, мне нужно, чтобы ты спрятался, на случай если они придут.

— Понял, босс, — сказал Вик.

Сбои в Тайпее случались часто, мы использовали это для своих целей.

Айрис кивнула мне, и мы отцепили снаряжение, вытащили обычную обувь и черные перчатки, а потом побежали к единственному выходу, стальной двери в центре пустой крыши. Голубая панель сияла рядом с ней. Виктор отправил маленького камеробота следить за зданием перед нашим приходом, но ветер был сильным, и, хотя сенсоры мы разглядели, изображения двери и панели были размытыми.

— Как в корпорации Цзинь, — подтвердил я. — Я попробую код Дайю.

Я сомневался, что код сработает. Я ввел восемь цифр с колотящимся сердцем. Пять секунд ничего не происходило. А потом громкое гудение раздалось из-за двери, и она открылась внутрь.

— Да, — сказал я, дав Айрис пять ладонью. — Мы внутри, босс.

— Хорошо, — ответила Линь И. — Вам нужен девятый этаж.

Внутри не было панели, отмечавшей, что за дверь нельзя ходить всем. Я закрыл ее за нами, надеясь, что охрана не заметила, что через дверь на крыше проходили. Это был наш путь внутрь, но и обратный путь. Айрис пошла первой по узкой лестнице, освещенной тусклыми голубыми огнями.

Я шел за ней по бетонным ступенькам, что вели вниз под углом. Она двигалась бесшумно, как пантера, и каждый шорох моей подошвы звучал слишком громким. Ступеньки ограничивались на девятом этаже, дальше была лишь стальная дверь с засовом. Айрис надела очки, улавливающие движение, их зеленые лучи проникали через бетонные стены.

— Чисто, насколько мне видно, — сказала она.

Она толкнула засов без колебаний и прошла, огляделась и поманила одной рукой. Я все еще ощущал адреналин, остро чувствовал окружение, казалось, что я могу выбить дверь или прыгнуть со здания на здание, если требовалось. Коридор был длинным и пропадал с обеих сторон с резкими поворотами пятистороннего здания. Двойные стальные двери были перед нами с такой же голубой панелью безопасности. Мы с Айрис переглянулись.

Я дождался, пока Айрис обойдет этаж, проверяя стены на движение за ними. Ее очки могли уловить малейшие изменения — движение груди, когда человек дышал, движущееся горло, когда человек сглатывал. Через пару минут, тянувшихся очень долго, она вернулась и кивнула мне. Задерживая дыхание, я ввел код Дайю еще раз. В этот раз машина вспыхнула красным: «Добро пожаловать Цзинь Дайю».

Блин.

Двойные стальные двери открылись, выпуская порыв холодного воздуха и запах машин. Мы прошли внутрь, двери закрылись за нами.

— Мы вошли, — сказала Айрис Линь И. — Но система опознала код Дайю.

— Охрана заметит, что она в здании? — спросил я, голова кружилась.

— Вряд ли, ведь они ждут гостей у входа, так что не должны проверить, — сказала в наушниках Линь И. — Но одного взгляда на данные хватит, чтобы вас засекли. Скорее, — Линь И была властной, как всегда, но я уловил напряжение в ее голосе. — Как только я получу доступ к комнате безопасности Цзинь, я сотру ваше использование кода Дайю из записей.

— Хорошо, босс, — я размял пальцы. — Я готов.

— Машины там? — спросила Линь И в наушнике.

— Сотни, — ответил я.

Ряды стальных стоек содержали в себе мигающие серверы. Низкое гудение раздавалось в просторной бетонной комнате. Центр данных тоже был пятиугольным с потолком в десяти футах, тускло освещенным голубыми огнями на каждом углу, где встречались пять стен. Я включил на Воксе фонарик, двигаясь по случайному ряду машин.

— Что я ищу? — спросил я.

— Сервера безопасности расположены на этом этаже, — сказал Линь И. — Любой подойдет.

Я прошел по темному ряду, окруженному мигающими зелеными и синими огнями, порой вспыхивали красные или желтые. Я выбрал сервер подальше от входа.

— Есть.

Айрис пропала в другом ряду машин, рыская, как всегда.

— Огни мигают одного цвета? — сказала Линь И в моем наушнике.

— Да. Синие.

— Отлично, — сказала Линь И. — Просто включи Ладонь, что я тебе дала, и постави перед одним из огоньков. Нажми зеленую иконку двери.

Я так и сделал. Иконка двери задрожала, когда я нажал, и на прямоугольный сервер передо мной полился зеленый луч света.

— Готово.

— А теперь замри, — сказала Линь И. — Надейся, что это сработает.

Из клапанов вылетал холодный воздух вокруг меня, я не двигался, молясь Богине милосердия. Я не был верующим, но это не повредило бы. Линь И объясняла, что система безопасности Цзинь была вне сети, была закрытой. Потому было важно взломать ее и получить доступ, иначе никак не вышло бы проникнуть в их системы. Линь И нужна была физическая близость.

— Двойник работает, — сказала Линь И, ее голос стал выше от волнения. — Почти.

Линь И написала «Двойника», программу, которая не пробивалась в систему безопасности, а изображала из себя ее часть. Мы не пытались пробить невозможные двери, что они воздвигли, как она объясняла для нас, не-хакеров. Мы протискивались в щель между дверью и рамой.

Девять минут спустя, судя по моему Воксу, мигающие огоньки на сервере вдруг начали вспыхивать желтым.

— Кхм. Босс... — сказал я.

— Вижу. Знаю, — ответила она. Я слышал быстрый стук по клавиатуре. — Держись.

Пот стекал по моему лбу, по шее, несмотря на ледяной воздух вокруг меня. Айрис появилась из ниоткуда, словно призрак. Мы молчали. Желтые огни быстро пять раз мигнули, а потом снова стали спокойно светить голубым. Зеленая иконка двери на Ладони открылась, рисунок девочки с лиловыми волосами Линь И выбежал из нее и дергано затанцевал.

— Вышло! — сказала Линь И.

Мы пробрались, изображая часть системы. Мы заставили системы думать, что все время были там. Линь И взмахнула руками, словно творила волшебные фокусы.

— Ты это сделала! — воскликнул я. Мы с Айрис стукнулись кулаками, празднуя.

Смех Линь И звучал так ясно, словно она была здесь с нами.

— Не без вашей помощи, — ее радость была осязаемой. — Теперь бегите оттуда!

— Хорошо, босс, — сказал я. Убрав Ладонь, я дождался, пока Айрис проверит округу очками и кивнет, мы быстро покинули центр данных и вернулись на лестницу за минуты. Айрис снова шла первой. Когда мы вышли на крышу, воздух был влажным и теплым, по сравнению с сухим холодным воздухом крепости.

— Можешь еще раз выключить свет, босс? — спросила Айрис.

— Я готов, — сказал Виктор из здания генераторов.

Мы ждали у стены, стараясь не задевать голубые сенсоры. Воздушные машины, сияющие неонами, проносились на горизонте, направляясь к небоскрегам, где в это время начинались вечеринки ю.

Линь И выругалась.

— Энергетическая компания закрылась от меня. Они, видимо, перезагрузили систему после сбоя, что я устроила, — она печатала быстрее, чем говорила. — На взлом уйдет пару часов. У меня есть доступ к безопасности крепости через нашего «Двойника», но выключение сенсоров выдаст меня. Придется рискнуть и включить их сигнализацию. Если повезет, вы успеете сбежать.

— Блин, — сказал я.

Айрис уже спокойно нацепляла снаряжение.

— Мы справимся с бедой, босс, — она кивнула мне. — Ты же хорошо бьешься? И бегаешь.

Я невольно рассмеялся и тоже надел снаряжение.

— Я многое пережил.

— Я могу прикрыть с земли, — добавил Виктор в наушнике.

— Не выходи без надобности, — приказала Линь И. — Чем меньше людей вовлечено, тем лучше.

— Понял, босс, — ответил Виктор.

— Идешь рядом со мной, — приказала Айрис. — Бок о бок, как поднимались, — мы подошли к краю стены, встали лицом к пятнадцатизэтажному обрыву. — Готов? — спросила Айрис.

Я кивнул, потрянул руками.

Она легко забралась на выступ стены, я — за ней. Вся крыша вспыхнула красным, как только мы задели сенсоры. Я прижал хват к бетонной стене, попытался найти ботинками опору. Спускаться было намного сложнее и неудобнее, чем подниматься. Загудела сигнализация, красный свет слепил нас.

— Они заперли здание, — сказала Линь И. — Я слежу за происходящим внутри.

Я быстро двигал руками, не так отцепил хват и повис на одном хвате и ноге. Сердце подпрыгнуло к горлу, я был уверен, что упаду и разобьюсь.

— Спокойно, — сказала Айрис, ее ровный голос вернул мне сосредоточенность, хотя кровь шумела в ушах.

Я пошевелил рукой, еще соединенной со стеной, и подтянулся, напрягая мышцы, а потом прижал ботинок к бетону, убедился, что крепко держусь всеми конечностями, и продолжил спускаться в быстром темпе.

— Пятерых послали наружу, — сказала Линь И. — Они проверяют записи камеры, но я все стерла, так что они думают, что попытка пробраться не удалась. Как я и надеялась. Они хотят перехватить вас внизу для допроса.

Айрис прыгнула на землю, и двое мужчин бросились к ней с красными лазерами. Я не успел добраться до земли, а она выбила лазеры из их рук, выкрутила одному из них руку и вонзила в его шею шприц. Великан тут же обмяк и упал. Я приземлился, она вытащила из штанов еще два шприца ловким движением, один вонзила в горло охраннику, ползущему по земле к оружию. Он рухнул, как мешок с рисом. Пришли остальные три стража, крича в тревоге, я снял хваты и потянулся за метательными ножами. Раз. Два. Я выбил лазеры из их рук, один из стражей поранился, Айрис разобралась с третьим.

Невредимый страж бросился ко мне, дико размахивая, выпучив глаза. Я легко пригнулся и ударил его в лицо, костяшки взорвались болью. Он не узнает, что ударило его, ведь Айрис напала сзади и вонзила шприц в его шею. Он рухнул как курица без костей.

— Готово, — сказала Айрис. Ее дыхание было учащенным, на лице блестел пот, но выражение ее лица ничего не выдавало.

Я забрал хваты и пошел вынимать ножи, перекатил охранника, чтобы вытащить один из них. Сердце колотилось, рука дрожала, когда я забирал ножи.

— Охрана внутри ничего не подозревает. У них никогда не было проникновения, — сказала Линь И в наших наушниках. — Они ждут, что охранники приведут вас. Пора уходить.

— Я уже ушел, — ответил Виктор в наших наушниках. — Вы профессионалы.

Я представил, как он идет по темной узкой улице. Я готов был поставить деньги, что он был в хорошей рубашке и с запонками на манжетах. Даже для нападения.

Айрис кивнула мне, словно заключала сделку с деловым партнером, а потом повернулась и побежала в ночь. Я бросился в другой переулок. Мы встретимся в штаб-квартире.

— Ты молодец, — сказала Айрис в моем наушнике. — Думаю, те стражи были без опыта, — я слышал ее нахальную уверенность.

— Ты — машина, — ответил я Айрис, задыхаясь, ведь я бежал на полной скорости.

Знакомый смех Линь И донесся до нас.

— Потому я и люблю ее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мы встретились в штаб-квартире через два дня. По пути я захватил пять порций блинчиков и пончиков, завернутых в тонкую лепешку с кунжутом для друзей с одного из прилавков на улице, улыбнувшись, когда мэй-девушка дала мне бесплатно соевое молоко за большой заказ.

Линь И встретила меня у дверей, сияя, и заверила, что «Двойник» полностью внедрился в систему безопасности корпорации Цзинь. Она провела почти двое суток за МакФолдом, изучая план корпорации, движение в ней, продумывая лучший способ проникнуть в здание и взорвать его.

— Проще всего активировать пожарную сигнализацию, — сказала Линь И. Мы ели, сидя на диванах, пока она размышляла вслух. — В корпорации действует строгий протокол. Все работники должны покинуть здание за десять минут, а через десять минут им можно вернуться. Это дает нам двадцать минут.

— Я предлагаю взорвать бомбы через три минуты после того, как здание опустеет, — сказал Виктор, и это привело к долгому разговору о том, где расположить бомбы, и сколько их нам нужно.

— Во время сигнализации главная система безопасности даст доступ к резерву из-за

экстренного случая. И у меня будет полный контроль над системой, — Линь И показывала изображения и видео интерьера корпорации Цзинь и планы этажей, пока мы обсуждали варианты. Через два часа Линь И сообщила о перерыве. Я встал с дивана, и она сказала мне:

— Тебе стоит порвать с Дайю. Ты получил от нее все, что требовалось.

Я побелел, Виктор вскинул темную бровь. Вслух это звучало так жестоко, хотя эта мысль посещала меня после тура по корпорации.

— Я давно не говорил с ней, — соврал я. Но совесть одолела меня, и я написал ей, знает ли она, что с Джозефом. Дайю ответила, что он все еще заперт на карантине вне Тайпея для выздоровления.

Айрис схватила яблоко из миски на стойке, каждое движение было плавным.

— Ты просто теряешь интерес. Ты же можешь это сыграть?

Я чувствовал, как Линь И смотрит на меня поверх МакФолда.

— Не думаю, что навредит, если Чжоу продолжит ухаживать за ней, — сказал Виктор. — Всегда хорошо держать врага близко.

— В этом есть смысл, — ответил я, совладав с предательским языком. — Нам может помочь то, что мы останемся друзьями.

Я совершил ошибку, согласившись с Виком, ведь я редко так делал.

— погоди, — сказала Линь И, стуча розовыми ногтями по стеклянному столу. — Ты ведь не влюбился в нее?

Все повернулись ко мне. Арун скрестил руки на груди. Он добавил к оранжевым волосам синие кончики и теперь напоминал агрессивного петуха.

— А если да, то что? — Виктор отклонился в кресле. — Пока что это не мешает ему делать работу. Не все могут так легко выключать чувства Линь И, — протяжно сказал он.

В комнате стало тихо, словно мы все вдохнули и задержали дыхание. Линь И покраснела, Айрис закатила глаза и продолжила отжиматься в углу. Арун смотрел на ботинки, заинтересовавшись шнурками. Линь И, Айрис и Вик хорошо работали вместе, но он никогда еще так не намекал на свои чувства к Линь И. Он всегда вел себя так, словно ему все равно, притворялся, что не расстроен. Но все мы знали правду.

Они встречались всего пару месяцев, а потом Линь И рассталась с ним, как только к нашей группе присоединилась Айрис. Никто не обсуждал разрыв со мной, но было ясно, что Линь И переживала из-за этого меньше Виктора. Он старался выглядеть спокойно, но он сильно влюбился в нее. И хотя она была у него не первой, Вик еще никем так серьезно не увлекался.

После долгой паузы Линь И сказала:

— Чувства могут все усложнить...

Виктор мрачно посмотрел на Линь И, она открыла рот, словно хотела сказать больше, но закрыла его.

— Виктор, если хочешь поговорить...

Он отмахнулся.

— Нет. Я не хочу говорить. Ты — босс, — Вик очаровательно улыбнулся Линь И и подмигнул. — Но тебе стоит уважать выбор Чжоу. Он знает, что делает.

Разве?

Я пожал плечами, скрывая эмоции.

— Не важно. Это закончилось.

Я следующие несколько дней игнорировал звонки и сообщения Дайю, бросал Вокс на

кровать и накрывал подушкой, злясь на себя за то, как сильно хотел поговорить с ней.

Как сильно скучал по ней.

...

На следующий день Арун прислал мне сообщение на Вокс: «Плохо дело. В штаб-квартиру».

Я вышел из 101 через задний ход, который знаменитости использовали, чтобы убежать от папарацци. Но я так избегал людей, которые могли задуматься, куда я уйду без костюма. Я не мог идти в штаб-квартиру в образе ю-парня, это привлекло бы слишком много внимания.

Людей этим утром было мало. За последние три дня умерла еще дюжина мэй от нового птичьего гриппа, это еще не сообщили в прессе. Эксперты утверждали, что, хотя смертность выше обычного, многие смерти были у тех, кто уже страдал от болезни или сильно подорвал иммунную систему. Они обыгрывали факт, что зараженные были со слабым иммунитетом и жили в заброшенных домах или на улицах. Они не сообщали людям, что этот грипп уже распространялся среди юных и здоровых мэй, и они тоже умирали.

Но андернет гудел от новостей и обсуждений действий правительства, там вели свой счет смертям.

Я сунул руки в кожаную куртку, не смотрел никому в глаза в серой дымке, укутавшей наш город. Несмотря на маску на лице, запах бензина и выхлопных газов все еще проникал в меня с каждым вдохом. Я был рад свернуть на пустую улицу нашей штаб-квартиры, чтобы оказаться вдали от прохожих, что кашляли, от гудящих такси и шума мопедов.

Я постучал в потертую деревянную дверь штаб-квартиры, и она открылась без ответа Линь И. Мне стало не по себе. Я прошел внутрь, тяжелая дверь закрылась. Желудок сжался от сцены передо мной. Айрис и Линь И лежали бок о бок на импровизированных кроватях в зоне отдыха, напоминая трупы. Девушки были бледными, яркие пятна были на их щеках — только это и показывало, что они не мертвы.

Они заразились новым гриппом.

Диван и кресла были отодвинуты к стенам. Арун склонился над Айрис и проверял пульс на ее запястье, потом положил ладонь к перчатке на ее лоб. Он был в желтом костюме, какой хранил в лаборатории для экспериментов. Выглядело так, словно мы были в зоне биологической войны.

Окно было закрыто, он приглушил свет, и комната казалась мрачной, напоминала склеп. Арун поднял голову. Я видел, что его глаза были красными за маской на лице.

— Чжоу, — его голос был приглушен. — Я пришел к Линь И с новостями.

Арун за пару дней убедился, что образец H7N9S, который я забрал из корпорации, был мутировавшим штаммом, выпущенным на площади Свободы.

— Я работал без перерыва, чтобы сделать рабочий антидот, — сказал Арун. — Я так близко, что почти чувствую присутствие мамы в лаборатории, — он судорожно вдохнул.

Друг посмотрел на девушек. Он напоминал насекомое с прибором, закрывающим его лицо.

— Когда я пришел, у них уже была лихорадка, они бредили.

Я был уверен, что они заразились не от меня. Я держался подальше от друзей, пока был заразным. Но грипп разошелся широко, правительство паниковало и никак не вмешивалось.

Арун поднялся на ноги с трудом, словно он был стариком за восемьдесят.

— Не переживай. Ты дважды тот же грипп не подхватишь. Потому я не принес

респиратор для тебя.

— Они не защищены, — сказал я с паникой. Горло сдавливало. — У них никогда не было птичьего гриппа.

В этот миг мы вздрогнули от громкого стука в дверь.

— Впустите меня! — кричал Виктор.

Арун вздохнул и заговорил с помощью Ладони через колонки над дверью.

— Нельзя, чтобы заразился и ты, Виктор.

— Чжоу там, — возмутился Виктор.

— Он уже болел этим гриппом.

— Плевать, — прокричал он, это было на него не похоже. Я никогда не слышал, чтобы Виктор повышал голос. Он заколотил по двери громче. Виктор ударял ее ногами в своих дорогих туфлях. Он был разъярен. Безумен. — Впусти меня! — проревел он.

Мы с Аруном переглянулись, он пожал плечами и вытащил из рюкзака респиратор на все лицо и перчатки.

— Он не отступит, — сказал Арун и приоткрыл дверь, чтобы Виктор не мог пройти. — Сначала надень это. Но нет никаких гарантий, что ты не заразишься. Рисковать тебе.

Я слышал, как Виктор зло ворчал, Арун открыл дверь, и Виктор ворвался, как слон готовый к бою. Он был в сером костюме в полоску, чистый респиратор смотрелся нелепо на его смуглом лице. Его глаза расширились при виде девушек.

— Нужно отправить их в больницу, — Виктор подошел к нам. — Почему вы стоите здесь, как дураки?

Арун пытался схватить Виктора за плечо, но он отпрянул и опустился рядом с Лин И. Он убрал влажные пряди лиловых волос с ее лба.

— Любовь моя, — прошептал он на английском.

— Врач ничем им не поможет — тихо ответил Арун. — Больницы переполнены. Лучше держать их здесь. И это сохранит нашу анонимность...

Виктор вскочил на ноги, сжав кулаки.

— Ты ставишь миссию выше наших жизней?

— Мы все ставили миссию выше жизней, когда соглашались, — сказал я.

Виктор развернулся и взмахнул локтем, словно хотел ударить меня, но вместо этого сильно толкнул меня в плечо. Я отшатнулся, но не упал.

— Этого хотела Линь И. Она бы не позволила нам отвернуться от миссии, — сказал я. — Не сейчас. Не после того, что мы достигли, — я пронзил Виктора взглядом, лицо пылало.

— Я следовал вашим кривым схемам, и смотрите, куда они нас привели, — он указал на девушек, в темных глазах блестели слезы. — Линь И не согласилась бы на это, если бы ты не подтолкнул ее, Чжоу!

Я бросился на него, Арун вмешался, наши тела столкнулись, и я лишился дыхания.

— Линь И делает, что хочет. Она верит в эту миссию. Я знаю, что ты любишь ее...

Виктор всхлипнул, и мой гнев рассеялся. Он страдал от страха и боли, я понял это. Я тоже много раз так делал. Я сглотнул и попытался совладать с голосом.

— Это сделал Цзинь. Он выпустил штамм, чтобы заработать ценой жизнью мэи. Потому мы должны продолжать действовать по плану.

Арун схватил Виктора за руку.

— Я ввожу им воду и проверяю температуру. Врачи могут только это, — Арун ослабил

хватку на Викторе и размял пальцы, словно хотел кого-то придушить. Аруна, казалось, вот-вот стошнит.

Я отказывался сдаваться панике или страху, потому что это вело к знакомой беспомощности и отчаянию. Я не хотел этого ощущать после того, как видел, как умирает мама. Зловещее спокойствие охватило меня. Я готов был на все, лишь бы выжили друзья.

— Арун, сядь, — сказал я, подойдя к нему. — Может, ты тоже заражен.

Арун опустился на диван у стены, склонил голову, словно она была слишком тяжелой для него.

— Нет, — он выдохнул, и респиратор запотел. — Я принял антидот.

Виктор упал на колени перед Аруном, не думая о выглаженных брюках. Он схватил Аруна за плечо так крепко, что костяшки Виктора побелели. Арун не замечал железную хватку Виктора.

— У тебя есть антидот? — Виктор говорил медленно. — И ты не дал его им?

— Я не могу! — закричал Арун. — Это новая разработка. И в последний раз... — он ударил кулаком по бедру. — Чжоу видел, что случилось. Обезьяны умерли. Я не могу так рисковать Линь И и Айрис!

— Но ты разработал антидот новее? — спросил я.

Арун кивнул, глаза были большими и серьезными.

— Последний я еще не проверял.

— Так проверь! — сказал я.

— Обезьяны придут через два дня, — ответил Арун, — но и тогда мне сначала нужно будет заразить их гриппом. Судя по тому, что я нашел в андернете, этот птичий грипп тяжелый и быстрый. У нас нет времени.

Мы посмотрели на мертвенно-бледные лица девушек, я знал, что он прав.

— Шанс, что они умрут от этого — восемьдесят процентов, Арун, — сказал Виктор. — Не думаешь, что это стоит риска?

— Если они умрут от моего антидота... — сказал Арун.

— Они точно умрут, если ты не поможешь, — прервал его Виктор, звуча зло. — Я сам вколю его, если нужно. Знаю, ты принес антидот, я вижу это по твоему лицу, — он вскочил на ноги и пошел к открытому рюкзаку Аруна.

— Хорошо! — Арун встал и пошел за ним. — Я сделаю это.

Виктор отошел в сторону, и Арун вытащил длинный чехол, а из него — два шприца.

— Я это сделаю, — снова сказал он, едва слышно в этот раз.

— Согласен с Виктором, — сказал я. — Ты сам сказал, что ты близко.

Арун покачал головой.

— Близко для науки недостаточно. «Близко» не вводят друзьям. Но вы правы, это стоит риска, если посмотреть со стороны статистики.

Я почти улыбнулся, потому что это было в стиле Аруна. Я был уверен, что он согласился использовать антидот не из-за наших просьб. Арун согласился, потому что высчитал вероятность в голове.

Он опустился рядом с Айрис, снял со шприца колпачок, но его рука дрожала слишком сильно, когда он поднес иглу к впадинке ее локтя. Он выпрямился, сделал пару глубоких вдохов, а потом присел снова и ввел антидот в руку Айрис. Арун подошел к Линь И и сделал то же самое.

Мы с Виктором стояли у их кроватей, безмолвные, как свидетели древнего ритуала.

Арун присоединился к нам, когда закончил, сжимая кулаки по бокам.

— Теперь мы ждем, — сказал он.

— Как долго? — спросил я, не сводя взгляда с бледных лиц девушек.

— Если наноботы будут действовать правильно, они за пару часов оглушат вирус в их организмах. А потом нужно будет ждать, пока их иммунитет победит, — Виктор скрестил руки на груди. — Мы узнаем результат часов через восемь.

Виктор обвил Аруна рукой, и тот не перечил.

— Они будут в порядке, — сказал Виктор, пытаясь звучать уверенно. — Они сильные. Они выстоят.

Арун обхватил рукой мои плечи, и мы стояли, как братья. Мое сердце было тяжелым. Я хотел верить ему.

...

Мы оставались с девушками. Они все еще были бледными и с румянцем на щеках. Они начали ерзать больше, порой неразборчиво бормотали или стонали, словно от боли. Они сильно кашляли даже во сне. Айрис почти пришла в себя, ее веки затрепетали, и я воспользовался шансом, приподнял ее и дал воды. Она открыла глаза, допив, но не смогла сосредоточить взгляд. Вместо этого она повернула голову к Линь И, тихо заскулила, слабый звук я не ожидал услышать от нее. Айрис, которую ничто не задевало, которая казалась неразрушимой. Быстро улыбалась, быстро бушевала, но всегда была отдаленной эмоционально. Закрытой.

Я осторожно опустил ее голову, ее ресницы трепетали, словно она пыталась оставаться в сознании. А потом с очевидным усилием она вытащила руку из-под тонкой простыни, мокрую от пота, и потянулась к руке Линь И. Та не дрогнула. Пальцы Айрис двигались медленно, словно сонный паук, но добрались до запястья Линь И, она взяла ее за руку.

Айрис тихо выдохнула и закрыла глаза. Но не отпускала руку Линь И.

Арун придвинул стул и сидел в пяти футах от нас, сцепив руки. Его нога дергалась. Вряд ли он осознавал это. Если наноботы начнут действовать не так, они могли начать создавать свои копии или заполонить орган — мозг, сердце, легкие, так нам объяснял Арун. Если наноботы взбунтуются, девушки умрут через несколько часов. Удар по их иммунной системе будет быстрым, болезненным и необратимым.

Я вспомнил, как бились в конвульсиях тела обезьян в клетках, кровь текла из их носов и ртов, и я подавил дрожь.

Я слышал, как за мной расхаживал Виктор, туда-сюда, туда-сюда, подавляя горе и гнев. Мне поручили уход за ними, ведь я уже перенес грипп. Я вытирал лица девушек, их шеи холодной мокрой тканью, пытаясь остудить их жар. Через три часа Арун дал мне большой стакан сока из сахарного тростника со льдом и две горячих булочки с мясом.

— Тебе нужно подкрепиться, — сказал он. И хотя у меня не было аппетита, я вымыл руки и все съел и выпил.

Смуглый Арун был бледным, как в день смерти его матери. Он маячил рядом со мной, ходил кругами, постоянно поглядывая на девушек.

— Мне кажется, или они стали румянее? — спросил Виктор.

Я коснулся лба Линь И.

— Она пылает, — я придвинулся к Айрис и коснулся ее щеки, она была такой же горячей. Я проверил их температуру, и она была выше 103°F. Мое сердце колотилось, я был беспомощен.

— Плохо дело, — я едва выдавливал слова. — Им становится хуже.

Арун дал мне еще одно ведро воды со льдом. Он выжал тряпку и передал мне.

— Мы можем лишь остужать их. Их тела борются с вирусом. Им может быть хуже перед тем, как станет значительно лучше.

Но Арун выглядел так, как я себя ощущал. Мы были готовы расплакаться в любой момент.

Я провел холодной тканью под подбородком Линь И, поверх ее лопаток и ключиц. Она была в светло-голубом топе, ее любимом виде одежды, они были у нее всех цветов радуги, независимо от погоды. Я сделал так же с Айрис. Ее руки были вялыми, тяжелыми. Было сложно поверить, что эти руки одолели трех стражей с молниеносной скоростью пару ночей назад, что эти руки могли карабкаться и ударять с такой силой.

Прошло еще три часа, мы ничего не говорили. Время тянулось бесконечно, я старался не следить за каждым вдохом девушек, боясь до смерти, что они будут последними. Единственными звуками в штаб-квартире был сухой кашель Айрис и Линь И, от которого содрогались их тела. Я давал им воду, когда мог, и продолжал остужать прохладной тряпкой.

Ранним утром Арун остановился на полушаге и сказал:

— Думаю, они выглядят лучше.

Я слишком близко смотрел на девушек, все расплывалось перед глазами. Я коснулся щеки Линь И, а потом Айрис, измерил их температуру.

— Ниже 100°F!

— Да! — воскликнул Арун. — Антидот, наверное, работает.

— Слава богам, — пробормотал Виктор, хрустя костяшками с нервным напряжением, его взгляд сосредоточился на лице Линь И. Он был готов упасть на колени.

Прямые черные брови Линь И были чуть сдвинуты, словно она тревожилась или негодовала. Если до этого у меня были сомнения насчет чувств Виктора, теперь и не было. Я сопереживал ему. Почему мы так часто не получали того, что хотели?

Арун потер виски.

— Еще не все. Эти несколько часов самые важные. Но я не могу просто смотреть, — он, казалось, хотел вырвать себе волосы. — Я сделаю рисовой каши, — сказал он. — Мне нужно что-то делать.

Виктор, считавший себя лучшим поваром, пошел за Аруном на кухню. Я был рад. Ему нужно было чем-то занять меня. Вик, который всегда был бесстрастен, был сам не свой от тревоги.

Я слушал шум с кухни, они работали вместе, и я сел на край кровати Линь И, опустил ладонь на ее колено. Чуть позже она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Чжоу, — прохрипела она.

— Эй, — сказал я, пытаюсь звучать нормально. Кончики пальцев покалывало от невероятного облегчения. Казалось, мое сердце было в горле весь день. — Как ты?

— Кошмарно, — прохрипела она, а потом сухо закашлялась.

Я приподнял ее и помог выпить воды. Она жадно пила, а потом рухнула на подушку. Вдруг поняв, что она сжимает руку Айрис, она резко села.

— Она в порядке? — спросила Линь И, обезумев. Я сжал ее руку, пытаюсь успокоить.

— Она будет в порядке, босс, — сказал Арун. — Вы неплохо восстанавливаетесь, — они с Виктором пришли, как только увидели, что Линь И проснулась.

Линь И повернулась на бок, чтобы видеть Айрис.

— Милая? — прошептала она на английском, а потом провела кончиками пальцев по руке Айрис, обхватила ее лицо нежно, как возлюбленную. — Айрис, сердце мое, вернись ко мне, — в этот раз на мандаринском.

Меня словно ударили в грудь. Я ощутил, как Арун и Виктор застыли в потрясении за мной. Они были удивлены, как я. Линь И с Айрис были вместе два года. Мы все знали это. Но никогда не видели выражение их чувств ни физически, ни на словах. Они не выставляли напоказ свои отношения. Так часто, что я часто забывал об этом, кроме того, что Айрис всегда была рядом с Линь И, как убийственная тень.

Айрис тихо застонала, ее глаза приоткрылись. Я никогда не видел ее такой открытой, незащищенной, она казалась младше своих семнадцати лет. Ее лицо было мягким, а не замкнутым, как обычно, когда она ухмылялась или подмигивала.

— Линь И, мне так жаль, — сказала она. — Думаю, я подхватила его первым...

— Я не могу жалеть о наших поцелуях, — Линь И слабо улыбнулась. — Ты не знала.

Она привстала на локте и снова погладила лицо Айрис, глядя на нее с нежностью.

Айрис так же смотрела на Линь И. У нас были защиты, твердая поверхность, но Айрис выстроила стену выше всех. Теперь я видел в ее глазах любовь, которую она всегда скрывала рядом с нами. Чтобы казаться крепче, сильнее, неуязвимее? Я не знал.

Но я понимал ее колебания, инстинкт независимости ради выживания. Любить кого-то было опасно. Любовь открывала слабости.

Другие двое пошевелились за мной. Мы переглянулись, удивленные выражения отражали друг друга. Виктор опустился на колени у кровати Линь И и произнес ее имя прерывающимся шепотом.

— Если скажешь что-то глупое, — вмешался Арун, — я ударю тебя по губам.

Я рассмеялась, удивив себя. Мои руки казались слабыми от облегчения, что худшее прошло, я был эмоционально выжат. Я рискнул до этого своей жизнью, похитив Дайю, ворвавшись в корпорацию, столкнувшись с болезнью и смертью. Но видеть это со своими друзьями было другим.

Виктор не слушал Аруна.

— Я не мог вынести мысли, что потеряю тебя, Линь И, — сказал он. — Мы не можем тебя потерять. Ты — сердце нашей миссии, ядро нашей группы.

— Никто меня не потеряет. Я буду управлять вами вечно, — прошептала Линь И, повернулась к нему и улыбнулась. Осторожно, почти робко, если бы я не знал Линь И лучше.

Вик кашлянул, но улыбнулся в ответ, хоть и едва заметно.

— Ловлю на слове, — Виктор, оставаясь в маске, «поцеловал» свою руку в перчатке и прижал ее к щеке Линь И.

Он отвернул лицо от девушек, и я увидел, что его глаза были темнее обычного, боль искажала его черты, а через миг он взял себя в руки. Для Виктора собранность означала не позволить никому узнать, как ты себя чувствуешь. Он хотел, чтобы мы верили, что ему важно только дело, только прибыль. Он не понимал, как сильно выдавал себя тем, кто был ему близок. Вик всегда следил за нашими спинами, заботился о друзьях и лучшем для Тайваня. Если бы я сказал Виктору, что знаю это, он бы разозлился.

Мы сгрудились там, Арун сжимал мое плечо, моя ладонь лежала на колене Линь И. Виктор прижимал ладонь к ее лицу на миг дольше, а она переплела пальцы с Айрис. Связанные. Объединенные. Мы были едины перед заданием, что лежало перед нами.

Это должно было сделать нас сильнее, но вместо этого я вдруг ощутил слабость. Мы

играли с опасностью и шагали по краю убийственного обрыва.

Виктор был прав. Я любил каждого из них, как семью, и я привел их к такой опасности.

...

Позже вечером Линь И и Айрис смогли съесть рисовую кашу, жареного цыпленка и маринованные огурцы, ужин готовил для них Виктор. Арун поджарил для нас бобы с чесноком и подал с блинчиками, в комнате пахло невероятно вкусно. Девушки были слабыми, но их температура почти вернулась к норме. Даже их кашель уменьшился. Я ел с ними, пока Виктор и Арун ушли заказать что-нибудь в кафе. Арун сказал, что девушки будут заразными еще неделю.

Дайю написала мне после ужина. Мне не нравилось, как сдавило мою грудь при виде ее имени на моем Воксе.

«Ты избегаешь меня?» — спрашивала она. Я смотрел на сообщение, раздраженный борьбой эмоций, которую она вызывала во мне. Я выключил Вокс, пока Айрис и Линь И обсуждали, какой новый фильм им посмотреть, пока они восстанавливаются. Они склонили головы, чтобы рядом друг с другом могли быть только они, близко. Угроза смерти от гриппа изменила их.

Постукивая пальцами по стеклянному столу, я включил Вокс через пару мгновений.

«Прости, — ответил я. — Друзья болели».

Через десять секунд она ответила:

«Печально слышать. Увидимся в ближайшее время?».

Я потер глаза, колено подпрыгивало под стеклянным столом.

Линь И коснулась моей руки.

— Ты в порядке?

Я кивнул, не глядя на нее.

А потом я отцепил Вокс с моего запястья, выключил звук и сунул его в карман куртки. Арун и Виктор вернулись через два часа. Они принесли покупки: фрукты, овощи и бутылки свежих соков, холодного чая, выглядывающих из их переполненных пакетов. Виктор заварил час с хризантемами, а потом присоединился к нам за обеденным столом. Айрис и Линь И сидели с одеялами, накинутыми на плечи, подняв ноги на стулья, прижимаясь друг к другу.

— Выглядите намного лучше, — сказал Арун. — Как ощущения? — он переоделся в костюм из лаборатории перед тем, как войти в штаб-квартиру, Виктор был с респиратором.

— Снова человеческие, — ответила Айрис. — С этим гриппом шутки плохи.

Линь И кивнула.

— Арун, твой антидот спас нас.

Арун опустил голову, его щеки пылали.

— Ага. Я проверял его до этого со смешанными результатами. Новую версию проверить не успел. Я не думал, что подопытными станут мои друзья, — он выдохнул.

— Мы не дали Аруну выбора, — сказал я.

Линь И послала Аруну воздушный поцелуй.

— Ты невероятен. Это все невероятно. У тебя есть еще антидот?

— Немного, — ответил Арун. — Но в лаборатории я смогу сделать больше за пару часов.

— Мы можем представить антидот людям и помочь остановить грипп, — сказала Айрис. — Остановить смерти мэй.

Арун покачал головой.

— Он еще не был одобрен агентством лекарственных средств. Больницы не примут его. Линь И издала разочарованный звук.

— Так разнесем его сами, — ответил я.

Друзья устали на меня, и я улыбнулся.

— Серьезно. Виктор, у тебя всюду связи. Вы с Аруном можете возглавить эту операцию.

— Это вряд ли спасет тех, кто заражен давно, но все еще может помочь многим другим, — темно-карие глаза Аруна сияли от восторга. — Это поможет остановить распространение гриппа, если мы введем вакцину достаточному количеству человек.

Виктор уже был с Ладонью и быстро печатал.

— Они сжигают тела, — мрачно сказал он.

— Что? — сказал я.

— Мои источники подтвердили, что правительство сожгло тела тех, кто умер от этого гриппа, а зараженных мэй закрыло на карантин в амбарах.

— Запер, ты хотел сказать, — ответила Линь И.

— Но я не слышал такого в новостях! — воскликнул я.

— Они скрывают это, чтобы не разжигать панику, — сказал Арун. — И в это время угрожают людям.

— План Цзинь все равно работает, — Виктор оскалился, это было видно даже за респиратором, это было непривычно, ведь его лицо всегда было маской. — Продажи билетов для лотереи и заказы на новые, более доступные костюмы растут с каждым днем, как бы сильно правительство и медиа не вмешивалось в это.

— Учитывая, что я знаю о вирусах, — добавил Арун. — Костюмы Цзинь не могут гарантировать, что человек не заболеет. Смотрите, что случилось с Чжоу. Вирус найдет путь.

— Нас окружили со всех сторон, — гнев бурлил, усиливая все эмоции, которые я пытался подавить, пока жизни девушек были в опасности.

— Но мы можем с этим справиться, — ответил Виктор. — Склады не охраняются, судя по данным моего источника. Будет легко ворваться туда и раздать антидот.

— Мы можем отправиться на улицы и устроить пункты вакцинации, — сказал Арун.

Линь И кивнула.

— Мы с Айрис заперты, но я могу следить за новостями о гриппе в андернете. Отслеживать распространение вместе со связями Виктора.

— Я могу помочь на месте, — предложил я, но Линь И покачала головой.

— Так ты можешь раскрыть себя, Чжоу. Лучше будь в стороне, ведь кто-то может узнать «Джейсона», — Линь И зевнула, выглядя изможденной, Айрис обхватила ее плечи, обняв. Платиновые волосы Айрис контрастировали, как языки белого пламени рядом с темно-лиловыми волосами Линь И. — Виктор и Арун справятся, — сказала Линь И.

— Я могу использовать помощь Чжоу, — ответил Арун. — Я попросил дать мне еще пару защитных костюмов в лаборатории, так что твое лицо не будет четко видно. С третьим человеком мы сможем двигаться быстрее, спасем больше жизней.

— Я хотел бы, — добавил я. — Обещаю, я буду осторожным.

Линь И посмотрела на нас обоих по очереди, а потом с неохотой согласилась.

— Потому что это спасет больше жизней, — повторила она. Хотя она знала о моем прошлом, я никогда не описывал подробности смерти матери. Но Линь И кивнула мне, и я подозревал, что она знает, как это важно лично для меня.

Я стукнулся кулаком с Аруном, радуясь, что смогу помочь больным мэй. Я подумал о

мемуарах «Суп из травы». Чжан десятки лет пробыл в тюрьме и трудовых лагерях во время Культурной революции, он делал все, что мог, чтобы выжить, даже ел суп из травы.

Я знал, что воля людей Тайваня сильна, что мы преодолеем это. Но нам нужен был хотя бы шанс дать отпор.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мы решили встретиться с Аруном у его лаборатории следующим вечером, дав себе время отдохнуть, дав время подготовиться большему количеству антидота.

Я устал и отправился домой спать. Через пару мгновений я понял, что квартира в 101 теперь стала мне домом.

Я вышел на пару остановок раньше и шел дальше пешком. Хотя я и устал, я не мог устать от гула города. Людей этой ночью было меньше, а те, кто рискнул выйти, закрывал плотными масками лица. Но торговцы все равно работали на улицах, продавали жареные лепешки и мясо на пшажках, жареные луковые пирожки и чашки рисовой лапши в бульоне. Я взял мешочек сладкого картофеля в вязком сиропе, доел его раньше, чем вошел через задний ход в 101 и забрался в постель.

Я спал до полудня, принял душ, надел дизайнерские голубые джинсы и серую футболку с длинными рукавами. Я заваривал тройной эспresso для себя и только включил МакФолд, когда в дверь зазвонили. На экране появилась Дайю. Упс. Она нажала на звонок снова.

— Я знаю, что ты дома, Джейсон, — сказала она. — Сяо Хуань сказал мне.

Я, похоже, мало платил ему. Или Дайю платила ему больше чаевых. Он знал, какой житель был дома, даже если они приходили через черный ход, ведь каждый прижимал ладонь к сканеру у входа. Я долго молчал, а потом приказал двери открыться.

Дайю прошла в квартиру, она была в черных узких брюках и красном свитере. Черные сапоги на каблуках резко стучали по бетонному полу. Ее длинные волосы не были собраны в хвост, и она казалась старше. Мое сердце забилося чаще, как всегда было при виде нее — мой инстинкт осторожности боролся с желанием. Пульс зашкаливал. Я не видел Дайю две недели.

Я отклонился на стуле и скрестил ноги.

— Эй, — сказал я. — Разве ты не должна быть в школе?

Один взгляд в ее светло-карие глаза, пылающие внутренним огнем, сказал мне, что я в беде.

Она села за стол напротив меня.

— Сегодня у меня практика в корпорации Цзинь.

— Так ты не должна быть здесь, да? — я сделал глоток эспresso, но теперь он был горьким и едва теплым. — Разве твой отец не ждет тебя?

— Он уехал. Занят рекламой более доступных костюмов в других странах.

Я ощущал на себе ее взгляд, она все время смотрела на мое лицо. Я притворился, что отвлечен Воксом.

— Ты не хочешь, чтобы я с ним встретился, да?

Я не мог встретиться с Цзином. Всегда оставался риск, что он узнает меня по картинке, которую разослал с теми бандитами. Вряд ли, но шанс оставался. Но Дайю все для меня упростила.

Почему?

Дайю пожала плечами.

— Отец странно себя ведет из-за парней, с которыми я... — она замолчала и рассеянно провела ладонью по волосам.

Парней, с которыми она катается на воздушных мотоциклах?

Парней, ради которых она пропускает школу?

Парней, которых она едва знает, но ухаживала, потому что они подхватили вирус-убийцу?

Парней, которые похитили ее и держали ради большого выкупа?

Я заставил себя посмотреть ей в глаза.

— Почему ты мне кажешься знакомым, Джейсон?

Я чуть не отпрянул, но вовремя напрягся. Дурацкий стеклянный стол не позволял мне сжать кулаки или заерзать. Я встал, сунул кулаки в карманы джинсов, желая, чтобы в них был нож.

— Не знаю, — сказал я. — Ты мне тоже кажешься знакомой.

Я расхаживал, пытаюсь себя успокоить. Размышляя, не стал ли выветриваться стиратель памяти.

Дайю вспоминала?

Она тоже встала из-за стола, плавно и элегантно, по сравнению с моими дергаными движениями. Встав в нескольких шагах передо мной, она схватила меня за руку, через миг до меня донесся клубничный аромат.

— Может, мы знали друг друга в прошлой жизни? — спросил я, стараясь сделать тон бодрым.

Она смотрела на меня, но не отвечала.

Я смог придумать только один способ отвлечь ее и шагнул вперед. Ближе. Ближе, чем стоило.

— Это тоже знакомо? — мой голос стал грубым, я сглотнул. Подавил желание кашлянуть.

Она едва заметно кивнула.

Я поднял другую руку и провел пальцами по ее мягким волосам, а потом опустил ладонь на ее шею, склонился и поцеловал ее. Она замерла сперва, а потом вжалась в меня, я ощущал части ее тела своим: грудь, бедра. Она обвила руками мою шею и открыла рот.

Боги.

Мое тело пылало, каждый нерв стоял дыбом. Потрескивал от электричества.

Но я сдерживался. Пытался. Не стоило делать этого. А она манила меня поцеловать ее глубже, звала своим языком, и я сдался ощущениям. Сдался поцелуям. Моя ладонь прижалась к ее талии, другая все еще держала ее за шею. Ладони Дайю скользили по моим плечам, груди, кончики пальцев скользнули к моему животу. Все это время она исследовала меня своими губами и языком, словно долгий поцелуй дал бы ей нужный ответ. Реальность была намного лучше фантазий. Мое тело реагировало. И она ощущала это, потому что прижалась сильнее ко мне. Я невольно издал звук горлом, изо всех сил борясь с желанием потащить ее к кровати.

Я схватил ее за запястья и отпрянул, разрывая наш поцелуй. Мы задыхались, она смотрела на меня с красным лицом. Изумленная.

— Дайю... — я сделал еще один неуверенный шаг назад.

— Мы никогда так не делали, — сказала она хрипло. — Я бы помнила.

Я рассмеялся низко и хрипло, поражаясь, что на это хватило воздуха.

— Так почему мне кажется, что я встречала тебя раньше? — прошептала она и схватила меня за подбородок, заставляя смотреть на нее.

— Не знаю, — ответил я, повернув голову. Требовалось много усилий, чтобы не поцеловать ее снова, чтобы закончить начатое. — Не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал.

Она гладила мою щеку мгновение, а потом опустила руку.

— Я сама не знаю, что хочу от тебя услышать.

Вдруг полил дождь, порыв ветра ударил в окна во всю стену, тяжелые капли падали с небес, заглушая напряженную тишину, повисшую между нами.

...

Мы с Виктором прибыли в национальный университет на встречу с Аруном к шести часам вечера. Он был небритым, с темными кругами под глазами, но в восторге, потому он и его команда смогли создать больше двух сотен антидота. И они делали больше. Виктор нанял неприметный голубой грузовик, чтобы мы поехали к Ваньхуа, район на юго-западе Тайпея, где были амбары с больными мэй. Мы согласились, что воздушная машина привлечет лишнее внимание. Я помогал Аруну грузить шприцы на запечатанных подносах в грузовик. Арун показал нам, как носить защитные костюмы, и мы надели их перед началом.

Виктор ехал по улицам Тайпея, а я все думал о Дайю, о том поцелуе. Она ушла после этого, мы лишь попрощались. Она хотела правду, и я не мог дать ей это.

Сверху сияли экраны с рекламой, красивые мужчины и женщины пытались продать нам красивые вещи. Холодный ветер бил мне в лицо из приоткрытого окна. Мы обсуждали планы и стратегии в университете, но молчали в пути. Я нервничал, но и радовался. Если мы с друзьями поможем мэй, зараженным вирусом Цзинь, это помешает гриппу распространяться. Предвкушение ощущалось в грузовике, и я знал, что Арун и Вик очень хотят уже начать.

Виктор остановился на пустынной дороге в Ваньхуа, не было ни машин, ни людей. Несколько витрин зияло с одной стороны улицы, на другой стороне виднелся заброшенный парк, заросший сорняками. Большой бетонный склад стоял у парка, раньше там была пекарня. Фонарей было мало, и те, что работали, слабо светили. Мы выбрались из грузовика и надели на лицо респираторы.

Старая пекарня была квадратным зданием без окон, кроме самого верха, и они были разбиты. Изнутри исходил очень тусклый свет, такой слабый, что мне показалось, что меня обманывают глаза. Высокая деревянная дверь была защищена большим, но дешевым замком. Я взломал его за минуту, замок громко щелкнул. Виктор, Арун и я посмотрели друг на друга, я приоткрыл дверь.

Сцену, что предстала перед нами, разъярила меня, тошнота тут же подступила к горлу. Не меньше пятидесяти человек было на бетонном полу склада, у них были лишь тонкие одеяла. Правительство не смогло даже предоставить кровати, потому что они ожидали их смерти. Стоны, кашель и всхлипы раздавались в здании. Я не ощущал запахи с респиратором, но я видел достаточно рвоты и мочи на полу, грязные тела блестели от пота, выступившего от жара, так что я мог представить запах.

Арун включил мощную лампу, и раздались крики тревоги и хриплые просьбы о помощи. Больные лежали по возрастам, хотя я видел среди них больше морщинистых лиц с сединой на головах. Не меньше восьми детей, многие лежали на боках, лица пылали от жара. Я закашлялся, борясь с тошнотой.

Было очевидно, что все здесь были бедными и бездомными, без семьи или друзей, которые могли заступиться за них, потребовать, чтобы к ним относились, как к людям, а не как к псам, брошенным в клетке умирать.

Виктор выругался.

— За работу, — сказал Арун дрожащим голосом.

Он показал, как лучше вводить антидот в руку. Мы быстро шли среди рядов. Некоторые пытались бороться, спрашивали со страхом, что мы делаем, не верили, что мы пытаемся помочь, а не убить их инъекцией. Я не винил их после всего, через что они прошли. Я успокаивал, как мог, но они были слишком слабыми, чтобы бороться. Мы закончили через час и отправились дальше.

Через пятнадцать минут мы оказались у второго амбара. Это была заброшенная текстильная фабрика, мы ходили среди пыльных швейных машинок, сорок мэй было заперто здесь. Пока Виктор и Арун доставали бутылки с водой, чтобы оставить для тех, кто придет в себя, я снял перчатки и проверил в Воксе сообщения и новости.

Анדרнет пылал, ведь видели трех мужчин у складов. Они были одеты не как те, кто бросал людей там или забирал, чтобы сжечь, как говорил один информант. Другой видел, как кто-то взламывал замок. Видел меня. За этим следовали обсуждения, кто были эти люди, и что они делали. Кто-то хотел посмотреть. Еще через час: «они были там какое-то время: высокий вышел, и я успел заглянуть, пока он придерживал дверь. похоже они вкалывают людям что-то».

Обсуждение стало оживленнее, выдвигались гипотезы, строились теории. Многие соглашались, что мы были там, чтобы убить их, чтобы остановить вирус. Я не знал, что это значило для нашей операции, но ответ скоро стал понятен. Виктор крикнул снаружи предупреждение. Я выглянул из-за старой деревянной двери, трое мужчин вышли из черного седана, который остановился у нашего грузовика. Они были в черных костюмах, где скрывалось много оружия, я был в этом уверен.

Блин.

Со мной был только один нож.

— Мы не просили помощь, — сказал Арун. Даже за респиратором я видел, что он выпятил подбородок.

Не слушая больше, я побежал к пожарному выходу на другой стороне этажа, молясь, что дверь не заперта, что она не на сигнализации. Дверь поддалась не сразу, но открылась со скрипом. Мужчины встали напротив Аруна и Виктора, они были напряжены, шеи склонились вперед. Красный лазер ярко сиял в руке одного из бандитов, и он размахивал им агрессивно, готовый стрелять.

Я выбрался, бесшумно закрыл за собой дверь. Улица была темной, скрывала меня, пока я заходил за спины мужчин и бежал к группе, их громкий спор заглушал мои быстрые шаги. Я взял нож в правую руку, но было рискованно бросать его — мог выстрелить мужчина с лазером, а я потерял бы свое единственное оружие.

Потому я мог сделать только одно. Я бросился в него на полной скорости, сбил на землю в стороне от своих друзей. Он закричал, вскинул руку, лазер затрещал. Он мог убить меня в любой миг.

Ругаясь, он повернул лазер. Я инстинктивно ударил его по руке, острое лезвие ударило по кости. Закричав, он согнулся подо мной и выронил лазер. Я ладонью прижал его руку к земле, а другой обхватил его горло.

— На кого ты работаешь?

Он отплевывался, лицо исказилось от ненависти, он пытался сбросить меня, но я сжимал его коленями и давил на горло. Его глаза выпучились.

— Отвечай, — сказал я.

— Чжоу! — крикнул сзади Арун.

Я посмотрел на Аруна. Из другого черного седана выбрались еще четыре человека. Всего их было семеро. Намного больше, чем нас.

Виктор оттащил Аруна, сжимая его плечо. Все внимание было на мне.

— Я убью его, — сказал я, голос приглушал респиратор.

Не было ни звука, кроме дыхания человека, прижатого мной.

— Убей его, — сказал один из бандитов. — Но ты идешь с нами.

Я узнал его даже в тусклом свете фонаря. Да Гэ, правая рука Цзинь.

Я бросился к упавшему лазеру, все еще сияющему убийственным красным, и выстрелил. Все упали на землю, избегая выстрела.

— Бегите, — крикнул я друзьям. Они побежали, Вик тянул Аруна за руку.

Да Гэ и еще один мужчина встали на ноги, я выстрелил снова. Да Гэ уклонился, действуя невероятно быстро. Другому повезло меньше. Я попал ему в грудь. Он тут же упал, забился на земле в конвульсиях. Виктор и Арун скрылись в темном переулке. Это дало друзьям достаточно времени...

Я не успел закончить мысль, открытое запястье пронзила боль. Мужчина подо мной вонзил в меня шприц.

— Сладких снов, гаденыш, — сказал он, и мир вокруг меня почернел.

...

Я пришел в себя, голова была тяжелой, как камень, виски пульсировали. Во рту у меня был кляп, горло першило. Я медленно открыл глаза. Они были опухшими, слезились. Меня бросили в каком-то складе. Коробки и машины были у стен. Бандиты привязали меня к металлическому стулу, руки были за моей спиной, лодыжки обвивала веревка. Конечности онемели, я попытался размять плечи. Покалывание, и боль пронзила суставы и руки.

Я не знал, как долго был без сознания. Часами. Может, день. Волна тошноты нахлынула на меня, я боролся с ней. Если меня стошнит, я подавлюсь насмерть своей же рвотой. Замедлив дыхание, я просил пульс успокоиться, а разум — перестать кричать в панике.

Единственным выходом была металлическая дверь с круглой ручкой. Я прислушался, пытаюсь понять, где я. Ничего, кроме гудения тусклой флуоресцентной лампы надо мной, отбрасывающей на комнату бледный свет. Я осмотрел пустые стены, поднял пульсирующую голову, чтобы взглянуть на потолок. Квадратная вентиляционная решетка была надо мной, но я не мог так сбежать. Слезающиеся глаза уловили красный свет в темном углу. Я быстро заморгал, пытаюсь сосредоточиться. Камера, и она записывала. Значит, кто-то следил за мной.

Я услышал резкий звук шагов, а потом пониженные голоса. Опустив голову, я закрыл глаза, ключи звякнули в замке. Металлическая дверь открылась через миг.

— Он еще без сознания, — сказал грубый голос.

— Так разбуди его, — сказал другой мужчина скучающим тоном.

Кто-то пошел ко мне, схватил за волосы и поднял голову, а потом вырвал кляп из моего рта. Я не хотел реагировать, но вдохнул. А потом меня с силой ударили по щеке, голова дернулась в сторону, звук разнесся эхом по комнате. В ушах звенело от этого. Укол

адреналина наполнил мою голову жаром, кончики пальцев покалывало. Бандит попытался ударить меня снова раскрытой ладонью, но я извернулся, пошевелив плечами, и он ударил меня вместо этого по челюсти и шее. От удара разум резко прояснился.

— Он проснулся, Да Гэ, — ухмыльнулся боров, скалясь желтыми от курения зубами. Я ощущал запах табака от него.

Да Гэ подошел, узкая фигура нависла надо мной.

— Что ты делал у временной палаты?

— Вы про склад? — я говорил с бетонным полом. — Где они позволяли больным мэй умирать?

— Кому до них есть дело? — прорычал Да Гэ. — Что ты там делал?

— Встречался с друзьями.

— Ты раздавал лекарства. В андернете пишут что то, что ты сделал, сработало, — он захрустел костяшками. — Что некоторые гады выздоровели.

Я поднял голову и посмотрел на Да Гэ, ничего не говоря. У него были подлые беспощадные глаза и острые скулы, он напоминал акулу.

— Что ты им давал?

Я не отвечал, он ударил меня по лицу, и моя голова ударилась о металлический край стула. Кровь полилась из моего носа, я чувствовал, как опухает щека под глазом.

Я закашлялся и плюнул на их ноги, кровь текла из моего рта и капала на мою футболку. Гнев наполнил меня, он был с привкусов крови и горечи. Я не ощущал боль, только натянулось лицо.

Я опустил голосу и громко закашлялся. Я сплюнул снова и продолжил кашлять так сильно, что металлические ножки стула подпрыгивали на полу.

Я ощущал, что двое мужчин следят за мной. Ждут.

Наконец, я притих и вытер нос о плечо.

— Похоже, я заразился от них, — сказал я подавленным шепотом. — Вы знаете, что это. Медиа скрывает, но эта форма гриппа очень заразная, — я вскинул голову и посмотрел им в глаза. — Смертность — восемьдесят процентов.

Они отпрянули, не осознавая этого.

— Лживый гад, — сказал мужчина, но неуверенно переводил взгляд с меня на закрытую дверь.

— В следующий раз лучше вернуться в костюме, — сказал Да Гэ.

— О, уже поздно, господа. И костюм не защитит вас. Вирус найдет путь, — я сверкнул окровавленной улыбкой, зная, что выгляжу чудовищно. — Я заражен, на вас попала моя кровь и слюна.

— Идем, — Да Гэ пошел к двери.

Мускулистый подельник вскинул лазер, когда его босс вышел в коридор.

— Цзинь хочет его живым, — сказал Да Гэ снаружи. — Идем в лабораторию и используем очищающего робота.

Я едва слышал Да Гэ, боров ушел за ним, захлопнув дверь со звоном.

Я вспомнил приборы в форме яйца в лаборатории на третьем этаже. Я был уверен, что я где-то в корпорации Цзинь.

И Цзинь был в пути.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я задремал, несмотря на боль в голове и руках. Сонные чары сгладили мою боль. Я проснулся, когда услышал, как скривит, открываясь дверь, но притворился, что еще без сознания.

— Что вы с ним сделали? — голос мужчины, уверенного и образованного.

Я узнал его и посмотрел, приоткрыв глаз. Дорогие кожаные туфли и костюм в полоску. Цзинь.

Вернулся только Да Гэ.

— Всего парочка ударов.

Цзинь подошел ближе, и я увидел край его серого пиджака. Его ногти были ухоженными, на руке был толстый золотой браслет, на другой — резное нефритовое кольцо.

— Дураки, — сказал Цзинь. — Я же говорил, что его нужно допросить. Как это пройдет, если его мозги вытекают из носа?

Да Гэ отошел, и я увидел, как он подчиненно кланяется.

— Мы били его не сильно.

— Ага, — прохрипел я, подняв голову, глядя Цзинь в лицо, удивляя обоих мужчин. Моя скула опухла, конечности болели из-за онемения. Но глаза не слезились, я смотрел ясным взглядом на Цзинь.

Он хорошо выглядел в свои сорок. Я изучал его профиль и фотографии. Но в реальности он выглядел младше, сиял здоровьем, как было у всех ю. И хотя Дайю была больше похожа на свою маму, бывшую модель, были манеры — то, как Цзинь скидывал голову, как он тут же оценивал ситуацию одним лишь взглядом, — которые напоминали мне о ней. Не возникало сомнений, что Дайю — дочь своего отца.

— Вы давали ему еду? — холодно и отрывисто спросил Цзинь, хотя не отводил взгляда. — Хотя бы немного воды?

Я сглотнул, во рту было сухо, горло опухло и болело.

Да Гэ прищурился, глядя на Цзинь с нечитаемым выражением лица.

— И не думали.

— Так делайте! — проревел Цзинь.

Да Гэ покинул комнату, закрыл дверь с громким стуком.

— Виноват, — Цзинь вздохнул и придвинул стул из угла, убирая с пути запчасть, чтобы сесть напротив меня на небольшом расстоянии.

Я смотрел на него.

— У тебя правда грипп, как ты и говорил? — спросил Цзинь, улыбка тронула уголки его рта. Я хотел больше всего на свете ударить его по нахальному лицу. Я знал инстинктивно, что Цзинь не знал, что такое страх или гнев, он даже никогда не ощущал себя беспомощным.

Я пожал плечами.

— Я отчасти следил за стараниями тебя и твоих друзей, пока был за границей. Не знал, что вы задумали, — Цзинь сцепил пальцы и сжал большие пальцы. — Но мой интерес усилился, когда пришли доклады, что вы делаете то, что помогает зараженным. Что может побороть неизвестный штамм гриппа. Как это?

Я молчал, облизнул зубы и ощутил вкус крови.

— Ясно, — ответил Цзинь. — Хорошо, что мои люди могут слушаться хоть каких-то приказов. Они подобрали пару образцов, что вы обрели там. Их изучают сейчас в лаборатории.

— Мы уже отправили антидот на проверку в АЛС, — сказал я. — Если вы решили вдру его украсть.

Цзинь рассмеялся.

— Зачем мне антидоты? Моя работа не в исцелении мира от болезней. Я устрою так, что ваш антидот не одобряют. Я прослежу, чтобы и вашу лабораторию прикрыли, — он встал и отряхнул штаны, движение было умелым, но изящным. — Я впечатлен, что вы смогли создать антидот для вируса, который, как я знаю, не существовал вне пробирки до недавнего времени, — он замолчал и улыбнулся, словно я должен был благодарить его за комплимент.

Я вскочил на ноги, потащил стул с собой и врезался головой в тело Цзинь. Он оттолкнул меня за плечи, ножки моего стула ударились об пол, я содрогнулся. Мои плечи пылали от удара.

— Ты не так прост, — сказал Цзинь. — Я это заметил, — он поправил рукава рубашки, провел руками по дороговому пиджаку. — Я убиваю людей, встающих на моем пути.

— Так убейте меня, — оскалился я, не переживая, если умру, если это могло защитить друзей.

Он вскинул брови.

— Сначала ты ответишь на вопросы, — Цзинь склонил голову, глядя на меня пронзительными глазами. Я видел, как так со мной делала Дайю, и я не смог подавить дрожь от близости этого. — Я хочу знать, — сказал Цзинь, — почему ты выглядишь знакомо. И звучишь знакомо.

Я покачал головой, чтобы сосредоточиться, но промолчал.

Он поднял меня за воротник футболки, сжав его так, что я задыхался.

— Это ты украл у меня три миллиона, — сказал он. Это не был вопрос. — Ты немного не такой, как на рисунке, но... — Цзинь прищурился.

Я должен был бояться. Вместо этого во мне поднялся гнев, я был лицом к лицу с человеком, приказавшим убить доктора Натарай, он мог быть связан со смертью моей матери, ведь держал мэй, как тараканов, под каблуком своих дорогих туфель. Его больше тревожили украденные деньги, чем похищение дочери. Цзинь не ослаблял хватку на моей футболке, перед глазами все расплывалось. Я собрал остатки сил, отклонился и ударил его головой между глаз. Боль вспыхнула в моем лбу, Цзинь отпрянул, ругаясь.

Я пошатнулся, рухнул со стулом, смеясь. Но не было ни звука. Конечности онемели, в ушах звенело.

Цзинь потирал лоб, и я пожалел, что не ударил его по носу или губам, чтобы потекла кровь. Но я все равно ощущал мрачное удовлетворение, ведь ему было больно.

— Я разберусь с каждым из твоих друзей, — сказал Цзинь холодным спокойным голосом. — Они умрут не так жалко, как ты, а проведут остаток жизни за решеткой.

Мне было плевать на его угрозы. Но неприятный страх пробрался в мой пустой желудок, когда он упомянул моих друзей. Что я мог сделать? Как их предупредить? Я ничего не мог.

Дверь открылась, задев плечо Цзинь, Да Гэ пришел с бутылкой воды. Он окинул комнату взглядом, отметил, как изменилось мое положение.

— Я отправлюсь домой на ночь, — сказал Цзинь.

Да Гэ отклонил мой стул, прижал бутылку к моему рту, не заботясь из-за того, сколько воды льется по моему подбородку на одежду.

— Хотите, чтобы я убил его? — спросил он.

Я пил воду, стараясь не подавиться. Но не сводил взгляда с Цзинь. Он отчасти

обернулся, его взгляд снова скользнул по мне.

— Завтра будут результаты того, что мы собрали на месте, — он взглянул на свой Вокс, прикрепленный к запястью золотым браслетом с бриллиантами. — Убьешь его, когда я допрошу его утром.

Он кивнул, словно на деловой встрече, и покинул комнату, тихо закрыв за собой дверь.

• • •

Да Гэ бросил пустую бутылку в угол, она громко загремела. Проверив, что мои руки и ноги крепко связаны, он сунул грязный кляп мне в рот, ничего не сказав. Он выключил гудящий свет, уходя, и я остался в крошечной тьме.

Я опустил голову, утомленный, молясь, чтобы сон спас меня.

Я задремал, не знал, сколько прошло времени, когда раздалась пульсирующая сигнализация, как рожок полицейской машины.

— Внимание, — заговорил приятный женский голос на точном мандаринском. — Прошу, покиньте здание через ближайший выход. У вас десять минут, — звучала пожарная тревога. Я тут же подумал о друзьях и нашем разговоре пару дней назад.

Если я узнал Да Гэ, то Виктор тоже должен был узнать. Что означало, что они должны были поискать меня в корпорации через камеры наблюдения, но было глупо пытаться ворваться сюда и спасти меня, если они видели меня на экране.

Моя грудь дрожала от смеха, заглушенного кляпом.

А потом я понял, что все это означало. Мои друзья не могли использовать пожарную сигнализацию дважды, не вызвав подозрения охраны Цзинь. Мы планировали взорвать корпорацию через неделю. Они решили сделать это сегодня, чтобы спасти меня и заложить бомбы? Я бы так сделал. Особенно, зная, что у Цзинь здесь еще больше этого гриппа. Такой шанс нельзя было терять. Мы все рисковали жизнями, когда согласились на это, так я сказал Виктору. Миссия была важнее. Если они не смогут найти меня, я взорвусь вместе со зданием.

Снотворное перестало действовать, голова гудела от боли. Я возился с веревками, сковывающими руки, они не отвечали, ладони покалывало, словно их жалила тысяча муравьев. Я шевелил пальцами, боролся с путами, но тщетно. Сигнализация пищала, не переставая.

Я верил, что Линь И отправила кого-то за мной, но найдут ли меня вовремя — другое дело. Я поменял тактику, двигался потихоньку, проверял веревки, пытаюсь ослабить их на запястьях. У меня все еще был нож на бедре, но я не мог до него дотянуться.

Вдруг раздался хлопок, металлическая дверная ручка упала на бетон. Желтый свет проникал в дыру размером с кулак. Надежда вспыхнула в моей груди. Это Арун? Виктор и Айрис будут взрывать бомбы. Дверь распахнулась, комнату заполнил свет, и фигуру, стоящую в этом сиянии, я сразу узнал, хоть она была в костюме.

Дайю.

Я моргал и качал головой, почти веря, что это галлюцинация. Но она включила свет, ее уверенная походка рассеяла сомнения. Убрав пистолет в кобуру на поясе, она склонилась. Она легонько коснулась моего плеча. Нежно вытащила кляп из моего рта. Я судорожно вдохнул.

Ее ладонь замерла над моей опухшей щекой.

— Поверить не могу, что они сделали это с тобой, — сказала она. Ее шлем был немного затемнен, но я видел блеск в ее глазах.

— Дайю, — горло пылало, слово вырвалось хрипом. — Что ты здесь делаешь?

Она скользнула за меня, принялась за веревку на моих запястьях.

— Отец вернулся из-за границы сегодня, раньше, чем должен был. Я отследила его по Воксу, который он всегда носит. Он прибыл в корпорацию, когда я уже собиралась уходить с практики, — тихо сказала она.

Веревка ослабла, и чувства вернулись моим рукам, покалывая, было больно, но я радовался. Я разминал пальцы, Дайю на миг сжала их, а потом веревка упала.

Я встряхнул руками и потер плечевой сустав, кривясь.

Она присела у моих ног передо мной и развязала веревку на лодыжках.

— Я не побежала к нему, но было любопытно, куда он пошел из лифта, ведущего к его кабинету. Стало еще любопытнее, когда к нему присоединился Да Гэ.

Я представил, как Дайю отслеживает отца с видом, что она имеет полное право быть там, где она оказывалась, потому что она была дочерью Цзинь.

— Я пошла за ним сюда и услышала достаточно. Я знала, что отец устраивал допросы в своей практике, но... — она тряхнула головой, и это было видно даже в шлеме, — я должна была вернуться и освободить тебя, — она потянула веревку. — Нет размытых граней, когда дело касается убийства. Даже отец должен это знать, — горечь в ее тоне не могла скрыть боль и разочарование.

Но ему было все равно. Он был готов на все ради прибыли. Дайю только сегодня узнала, что ее отец способен на убийство?

— Он и раньше приказывал убивать, — было жестоко говорить это так прямо, но ей нужно было знать правду. Особенно сейчас, когда корпорация могла вот-вот взорваться.

— У меня не было доказательств до этого, но теперь... — ответила она. Я едва слышал ее за постоянным воем сирены. Веревка упала с моих лодыжек, и Дайю помогла мне встать.

Я пошатнулся, ощутил рядом Дайю, она обхватила мой пояс рукой, поддерживая. Ее близость успокаивала и тревожила одновременно.

— Три минуты, — напомнил вежливый женский голос. — Прошу, покиньте помещение. У вас три минуты.

— Представь мое удивление, когда моя Ладонь показала, что с моим кодом проходили через главный вход, — сказала Дайю. — Я знала, что это должны быть твои друзья, который не поймал Да Гэ.

Перед глазами на миг потемнело, в тусклой комнате это не сильно что-то меняло, голова закружилась. Она дала мне увидеть свой код во время тура, так ведь? Хотя Линь И уже взломала информацию. Как долго она отслеживала наше использование кода? И зачем? Как много она знала?

Я отпрянул от нее.

— Ты меня вспомнила, — хрипло прошептал я. Вспомнила меня, похитившего ее ради выкупа.

— Я знала, — ответила она.

Эти слова пулями пробили мою грудь. И я не мог дышать, меня словно сбили. Я бы согнулся, если бы не последние месяцы обучения и игры в того, кем я не был, игры в кого-то крепкого, более уверенного. Это привязалось ко мне. Я стал Джейсоном Чжоу, таким мне было комфортнее, чем я хотел. Пока я страдал из-за лжи Дайю, она играла со мной.

— Нужно идти, — мой голос был твердым, не выдавал бурю эмоций во мне. — Они взорвут это место.

— Вы использовали пожарную сигнализацию, чтобы работники ушли, — пробормотала она. — Мило.

— Две минуты, — сообщил вежливый женский голос.

Как только здание опустеет, бомба взорвется через пару минут. Я знал, как это планировал Виктор.

— Идем! — я схватил ее за руку, потому что, что бы ни происходило между нами, я бы не простил себя, если она не выйдет невредимой.

— Я знаю ближайший выход, — сказала она и повела. — На верхнем уровне подвала.

Мы бежали вместе, сердце колотилось вдвое быстрее от отчаяния, от руки Дайю в моей, коридор казался длиннее, тянулся, словно в кошмаре.

— Спасибо, что ушли вовремя, — сказал женский голос поверх сигнализации.

Время заканчивалось.

Мы бежали по лестнице бок о бок.

Мы добрались до выхода на лестничной площадке, я нажал на засов и врезался в нее, как в кирпичную стену. Заперто. Боги. Дайю отодвинула меня и выхватила пистолет. Дуло вспыхнуло красным, она нажала на курок. Ее рука отдернулась от выстрела. Круглая дыра размером с кулак появилась там, где был замок. Воздух пах дымом. Я толкнул засов, и оглушительный взрыв раздался над нами, здание содрогнулось. Дверь не поддавалась. Следом послышался еще один взрыв, мы с Дайю упали друг на друга. Она уткнулась лицом в мое плечо, я обхватил ее руками, прижимая к себе, стеклянный шлем охлаждал мою щеку.

Земля гудела под нашими ногами, все здание дрожало и стонало, как пробуждающийся монстр. В моих ушах звенело, хотя в здании стало тихо. Одной рукой обвивая плечи Дайю, я толкнул дверь.

— Бесполезно, — сказала Дайю. Она звучала так, словно говорила со мной с другого конца длинного коридора. — Корпорация Цзинь заперта, эти двери не пробить. Я только что получила сообщение в шлеме.

— Мы в ловушке?

— Нет, — ответила она. — Я знаю выход.

Она устремилась прочь, я следовал за ней. Я смотрел на ее прямую спину, а она толкнула дверь и попала в основной коридор на первом этаже. Золотое сияние, что было там во время тура, померкло, его заменили красные пульсирующие огни, широкий коридор окутало жуткое кровавое свечение, как из сцен ужасов в «Сиянии». Сигнализация утихла, не было ни звука, кроме наших шагов и чудовищных стонов здания. Я еще слышал далекий звон.

Дайю оглянулась, смешанные эмоции пронзили меня, когда наши взгляды пересеклись: досада, что она меня обхитрила, облегчение, что она знала правду. Но сильнее всего был страх. Страх, что никто из нас не выберется из здания живым. Я подписывался на это с самого начала. Она — нет.

Через миг рев сотряс корпорацию, звук был не таким, как от взрывов. Дрожал пол, я сократил расстояние между нами. Она схватила меня за руку, мы упали на колени, а здание дрожало.

— Над нами рушатся этажи, — прокричала Дайю.

Я встал, когда здание замерло, и поднял Дайю на ноги.

— Сюда, — сказала она.

Она оставалась рядом со мной, словно боялась, что мы потеряем друг друга в пустом коридоре. Приглушенный золотой свет мерцал над головой, а потом пропал, осталось только

аварийное освещение. Пылинки вылетали из вентиляции, доносился запах дыма. Слезы лились из моих глаз, дым был таким сильным, что я постоянно кашлял.

Дайю прижала пальцы к моим ладоням и вела меня, серый дым слишком быстро заполнял зал, воздух становился темнее вокруг нас. Мы бежали по широкому коридору, мимо золотых раздвижных дверей, ведущих в вестибюль. Еще один гул сбил нас с ног, здание дрожало, было слышно, как обрушивается бетон. Еще один удар, мы упали, и в этот раз Дайю подняла меня на ноги.

— Мы почти там, — прокричала она, но во внезапной тишине это звучало как выстрел.

Наш мир содрогался вокруг, пока мы бежали, и дым сгущался, было сложно видеть. Я снял футболку и прижал ткань ко рту и носу, но знал, что этого не хватит надолго. Видно было плохо, я чуть не сбил кого-то. Мы с Дайю удивленно вскрикнули, но человек ничего не произнес. Я заметил платиновые волосы и выдохнул:

— Айрис?

— Чжоу! — воскликнула она, узнав меня. — Слава богам. Арун не смог тебя найти...

— Дайю нашла меня, — я перекрикивал шум. — Она знает выход.

Айрис кивнула, недоверие к Дайю было заметно в ее глазах.

— Чжоу здесь. Мы уходим, — отчиталась она Линь И.

Мы помчались дальше вместе. Я сжимал ладонь Дайю, Айрис держала меня за плечо, и мы не теряли друг друга.

— Вик уже вышел? — спросил я.

Айрис не ответила, и я замер, думая, что не услышал ее в шуме, но по одному взгляду на ее испуганное лицо я все понял. Я отпрянул от девушек.

— Нужно вернуться!

Я развернулся и бросился обратно. Коридор был черным от дыма и пыли. Сильная ладонь сжала мою руку, остановив. Я двигался вперед. Айрис была сильной, но я был тяжелее.

— Чжоу, — кричала она. — Хватит. Чжоу! — она закашлялась.

Виктор. Нет.

— Слишком поздно! — вопила Айрис. — Мы потеряли с ним связь после взрыва второй бомбы. У него были проблемы с таймером... — ее голос оборвался. — Линь И сказала ему уходить, но он не слушал.

Кто-то схватил меня за другую руку.

— Прошу, Джейсон, — Дайю. — Мы все умрем. Прошу, иди с нами, — я видел, как слезы текут по ее лицу, через покрытый сажей шлем.

Я знал, что Дайю не отпустит меня одного. И хотя я был готов рисковать своей жизнью, я не мог допустить, чтобы ее смерть была на моей совести. Я кивнул и позволил Дайю вести нас к выходу. Айрис двигалась последней, словно подозревала, что я убегу. Может, она понимала меня лучше, чем я сам.

Мы шатались на ногах, когда раскачивалось здание, падали снова и снова на колени. Наверное, таким был ад. Не получалось дышать, мы ничего не видели, нас окружал гул земли и камня, мы вдыхали смерть. Я бежал за Дайю в дыму, уверенный лишь в том, что наши пальцы переплетены, что моя рука сжимает ладонь Айрис.

В голове всплывали воспоминания о друге разных времен. Виктор бережно поправлял бабочку и мой фрак. Я шутил, что никуда без него. И он ответил, что знает это, с дьявольской улыбкой.

Виктор схватил меня с тревогой в темных глазах. После этого он практически вытолкнул меня из окна небоскреба. Ты в порядке?

Виктор — досаждающий старший брат, которого у меня никогда не было. Нет, я не был в порядке. Ничто уже не будет в порядке.

Я должен был погибнуть. Я должен был рисковать всем. Не Виктор, который изначально во всем сомневался. Не Виктор, который мог всех очаровать и спастись.

Но не в этот раз.

Дайю остановилась у стальной двери, требующей скана мозговых волн. Ее лицо было то красным, то бледным, из-за вспышек красных огней вокруг нас. Она начала стягивать шлем, потянула за воротник, но аквариум не слушался.

— Можешь снять с меня шлем? — спросила она. — Костюм мертв.

Лиловые неоновые огни ее костюма померкли. Я вытащил нож и вытер глаза, кашляя. Я задержал дыхание и опустил ладонь на плечо Дайю.

— Не двигайся, — сказал я.

Я пошатывался, но заставил себя сосредоточиться, осторожно поддел ножом край ее воротника и разрезал материал. Ее грудь слишком быстро вздымалась и опадала, и я боялся, что случайно пораню ее. Она задыхалась.

— Все костюмы теперь бесполезны, — сказала она между вдохами. — Отец хотел, чтобы костюмы не функционировали, если не существует корпорации.

Я осторожно разрезал ее воротник и снял шлем с ее головы. Она вдохнула и закашлялась. Пряди черных волос прилипли к ее лбу и щекам.

Она встала под стеклянным куполом у двери, голубые лазеры окутали ее макушку, коснулись висков и лба. Дверь открылась, и мы выбрались, хватая ртами воздух.

Айрис толкнула дверь, и та закрылась. Мы были в переулке за корпорацией Цзинь, в безопасности... пока что. Словно читая мои мысли, Дайю сказала:

— Отец построил здание так, чтобы оно выдерживало бомбардировку, так что оно не рухнет.

Пока она говорила, восьмиугольное строение содрогалось.

— Не думаю, что нам стоит проверять это, — сказал я. Мы побежали прочь от корпорации, по извилистым темным переулкам, Ладонь Дайю озаряла наш путь. Наконец, когда мы оказались вдали от здания, я остановился, легкие пылали.

— Нужно уходить, Чжоу, — сказала Айрис. Я впервые видел ее такой запыхавшейся, готовой упасть, как я. — Копы скоро будут здесь.

Я долго молчал, не мог сосредоточиться, все еще не оправившись от потери Виктора.

Пальцы Дайю задели мою ладонь.

Я удивленно взглянул на нее.

Айрис вскинула бровь.

— Нужно убираться отсюда.

— Иди без меня, — ответил я. Мысль о возвращении в штаб-квартиру без Виктора, который ухмыльнулся бы там, была невыносимой. Я не хотел разделять горе. Мне нужно было побыть с ним наедине.

Айрис размяла ладони в перчатках.

— Он не идет, — сказала она. Я понял лишь через миг, что она говорила с Линь И.

Она подошла ко мне, и я отпрянул, не желая сражаться. Я знал, что сейчас проиграю. Вместо этого она сунула наушник мне в ухо.

— Возвращайся домой, Чжоу, — сказала Линь И напряженным голосом. Я понимал, что она плакала.

— Арун в порядке?

— Я здесь, бро. Где ты был? — спросил Арун. — Я обыскал весь подвал.

— Там два этажа, — тихо сказала Линь И, услышав вопли Аруна.

Он был не на том этаже.

— Мне нужно время, — хрипло ответил я. — Виктор мертв, — я знал, что они должны были знать, но мне нужно было озвучить это.

— О, Чжоу, — Линь И всхлипнула. — Знаю. Иди с Айрис. Прошу.

Перед глазами все расплывалось.

— Не могу, — я ощутил ладонь Дайю, ее пальцы прижались к моей ладони. — Я иду с Дайю.

— Она — дочь Цзинь, Чжоу, — сказала Айрис, не скрывая презрения в голосе.

Я поймал ее взгляд. Ее темные глаза слабо мерцали в свете далекого фонаря.

— И она спасла мою жизнь. Спасла твою.

— Ты злишься, — ответила Линь И. — Потому что мы не нашли тебя. Мы оставили тебя там...

— Нет, — я прервал ее. — Я не злюсь. Миссия всегда была первой. Мы все это знали, — мы следовали этому и потеряли из-за этого Виктора. В этот миг, когда мы должны были праздновать, я лишь ощущал онемение. Горе разбухало в тени, ждало, это было знакомо.

— Это было сложнее всего, — сказала Линь И сломленным тоном. — Мне пришлось отозвать Аруна из здания.

— Ты правильно поступила, — я вытер с глаз пепел и слезы. — Потому ты наш босс.

Она издала слабый смешок.

— Тогда приходи домой. Я приказываю.

— Увидимся, босс, — я снял наушник и отдал Айрис.

Она тоже плакала, но выглядела так разъяренно, что я боялся, что она потащит меня за ухо. Вместо этого она развернулась без слов и убежала в ночь, пропадая, как дым в темноте.

Вдали были сирены и приближались к нам.

— Джейсон, — сказала Дайю. — Твой секрет, что твои друзья сегодня сделали, я никому не раскрою.

Я кивнул, желая упасть в ее руки или прижать ее к себе. Потому что мне казалось, что я все потерял с падением корпорации Цзинь.

— Спасибо за... — что? За спасение жизни? За сохранение секрета? — За все, — я поцеловал ладонь Дайю и отпустил.

Она крепко поймала меня за запястье.

— Ты сказал друзьям, что пойдешь со мной... сегодня.

— Я был самонадеянным, — сказал я с тенью улыбки. Даже это было неприятно с моим израненным лицом. Но я выбрал ее. Я не объяснил, что этот выбор разделит меня с друзьями дольше, чем на одну ночь. Я знал, что Линь И и Айрис посчитают это предательством, ведь я выбрал ю. Я не знал, что скажет Арун. Виктор бы все время дразнил меня за то, что я выбрал девушку против своих идеалов, но дело было не только в этом. Я начинал, видя мир в четком контрасте: черный и белый, мы против них. Теперь я знал, что все не так просто.

Голова закружилась. Вик ушел. Мертв.

— Нет, — сказала она.

— Скажи сначала, почему, — прохрипел я. Она склонила голову ко мне, свет далекого фонаря отбрасывал тень на ее лицо. — Почему ты позволила нам использовать свой код безопасности? Когда ты узнала?

— Я ни в чем не была уверена, — прошептала она, запинаясь. — Но я начала следить за действиями отца и начала подозревать... всякое. Он давал мне доступ ко многому в корпорации, но я смогла отослать сообщение безопасности за него с запросом расширить мне доступ. Полный доступ. Я увидела, что он делал — подкупал политиков против реформы окружающей среды, угрожал им, если они не будут сотрудничать...

Потому мы могли использовать код Дайю в крепости, потому у нее был доступ к закрытой лаборатории, чтобы мы смогли украсть вирус. Цзинь недооценил свою дочь.

— Я не знала, могу ли доверять тебе, но послушалась инстинктов, — она обхватила мою ладонь, уголки ее губ приподнялись. — Я хочу кое-что тебе показать.

Я замешкался на миг, но кивнул. Я относился к ней предвзято, потому что она была ю. Она удивляла меня снова и снова, но сегодня, услышав ее слова, я не был удивлен. Это было логично. Дайю любила Тайвань так же сильно, как я. Я помнил девушку у стеклянной стены моего старого дома в Янминьшань, дикие заросли были за ее спиной. Она смотрела наружу с такой задумчивой тоской. Я не понимал тогда, что не только мэй страдали от загрязнений в нашем городе. Мы шли вместе в тишине, а потом она повернула на еще одну пустую улицу. Воздух был влажным от дождя, запах напоминал о весне, где-то вдали квакала лягушка, звук был низким и довольным.

Она могла вести меня к своему отцу. Или к группе бандитов, желающих расправиться со мной. Но я не верил этому. Мы с друзьями выполнили миссию. Все было закончено. И я решил следовать за своим сердцем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дайю вела меня дальше по извивающимся переулкам. В этом месте на нас напали два отчаянных вора в прошлом месяце. И хотя я прислушивался к шуму вокруг, я ощущал себя нахальным после случившегося ночью. Усталость смешивалась с волнением, никуда не пропадало горе. Мне было все равно, куда меня ведет Дайю, пока я был с ней. После всей лжи и наших игр я вдруг понял, что доверяю ей.

Несмотря ни на что.

— Расскажешь мне, как ты вспомнила? — рискнул спросить я, нарушая тишину.

Она сжала губы и покачала головой.

— Позже.

Она остановилась в одной из узких улиц, рядом с Ямаха Блейд, похожим на мой, но модель была дороже, украшенная рисунком, настоящие камни блестели на нем. Мотоцикл был насыщенного красного цвета с золотыми языками огня впереди и по бокам. Удивительно, но из руля торчали два серебряных рога. Дайю увидела, куда я смотрю, и сказала:

— Потому что я родилась в год козы.

На год младше меня. Конечно, она такая упрямая.

— Это твой воздушный мотоцикл? — сказал я.

Она приблизилась к шикарному мотоциклу, панель инструментов загорелась неоновым голубым. Золотые фары, скрытые на мотоцикле, загорелись, озаряя его светом.

— Да, мой.

Она забралась, а я просто смотрел, восхищаясь тем, как двигалось ее тело, как она удобно устроилась на золотом кожаном сидении, прижала к мотоциклу свои длинные ноги.

Черт.

Дайю окинула меня взглядом, губы медленно растянулись в улыбке. Она знала, о чем я думал.

— Давай. Залезай.

— Отец не будет тебя искать? — спросил я.

Ее плечи напряглись, она сдвинула темные брови.

— Я пожелала ему спокойной ночи несколько часов назад. Дверь в мою спальню закрыта. Он слишком занят этой ночью, чтобы думать обо мне.

Я залез за ней, обвил руками ее талию, крепко прижался к ней. Я ощущал напряжение ее мышц.

— Я думал, что ты никогда не каталась на мотоцикле, — сказал я ей на ухо.

Она выдохнула и расслабилась.

— Я соврала, — ответила она.

Дайю завела двигатель, и Блейд заурчал и понесся по пустой улице.

— Тебе нравилось рисоваться, — сказала она поверх шума.

Я уткнулся лбом в ее плечо и смеялся. Мы поднялись в воздух, и мое сердце тоже взлетело. Она была права. Мне это нравилось.

• • •

Дайю осторожно летела по пустым небесам, ведь я был без костюма, а ее был отключен. Несчастный случай мог убить. Мы не были в центре Тайпея, и в районе трех часов утра здесь летало мало ю, ищущих, чем заняться. К моему удивлению, Дайю направилась к Шилинь и горам Янминьшань, где все началось, куда я принес ее, похитив прошлым летом. Я смотрел на Тайпей внизу, лабиринт узких улиц, темных переулков и ярко освещенных бульваров. Я любил этот город, мой город, я не знал, поможет ли то, что сделали сегодня мы с друзьями, так, как мы надеялись. Оживятся ли люди?

Только бы Виктор умер не зря.

Если я и выучился чему-то, повзрослев, то это то, что в жизни не было гарантий. Но это не означало, что нужно сидеть и не пытаться ничего сделать. Я поежился. Моя дорогая кожаная куртка плохо защищала от холода при полете так высоко, но грудь была теплой. Я ощущал биение своего сердца у спины Дайю. Мы были возле Янминьшань, когда Дайю опустила мотоцикл на широкую дорогу, выключила его и выставила подножку.

После шума воздуха в ушах и гудения двигателя внезапная тишина казалась громкой.

— Мы на месте, — сказала Дайю и дождалась, пока я слезу с мотоцикла, а потом съехала сама.

Я огляделся. Мы были на пустой дороге, что вела к горе, никто больше сюда не ходил после землетрясений и пожаров. Я ничего не видел, но заметил изгиб купола, скрытый за чащей деревьев вдали.

— Идем, — сказала она. Дайю пошла к деревьям, и я последовал за ней.

Мы быстро добрались до большой поляны, срезали к зданию, которое я заметил издали. Здание было из бежевого камня, гладкое и круглое, с куполообразной крышей. Квадратный вестибюль был впереди с широкими серебряными дверями. Он напоминал мне старые обсерватории, которые я видел в андернете, когда астрономы могли изучать звезды и

солнечные системы из городов. Теперь небеса были слишком грязными от Сеула до Лондона, до Мексики.

— Что это? — спросил я.

— Мой выпускной проект, — сказала она и указала на вход. — Увидишь.

— Ты построила это для проекта? — это должно было стоить миллионы.

Она спокойно кивнула и открыла изящные серебряные двери сканом ладони. Двери были украшены изящными цветами сливы — национального цвета Тайваня. Золотые огни в изогнутом потолке зажглись, озаряя пустую комнату. Я зашел с Дайю внутрь, восхищаясь нефритовой плиткой на полу.

— Вестибюль еще не закончен, — она взмахнула рукой, — но уже скоро будет.

В просторной комнате пахло камнем и деревом, строительством. Из вентиляции лился очищенный воздух.

— Это уборная, — Дайю указала на дверь из вишневого дерева справа.

Я прошел туда. Воспользовавшись удобствами, я уставился на себя в большое зеркало над мраморными рукомойниками. Короткие волосы торчали в стороны после езды на мотоцикле и от плена. Нижняя половина лица и шея были в засохшей крови, левая скула опухла, и глаз выглядел прищуренным. На мне были лишь черная кожаная куртка и грязные джинсы, футболкой я прикрывал лицо, когда сбегал из корпорации, и я потерял ее где-то по пути. Я выглядел как уличный мальчишка, играющий не свою роль.

Я попытался, Вик. Я думал об этом, глядя на свое отражение, пока оно не стало расплываться. Но обходительным всегда был только ты.

Я умыл лицо и шею, ополоснул рот. Щека пульсировала, но я не мог ничего с этим поделать. Бывало и хуже.

В дверь легонько постучали, я невольно вздрогнул. Сердце колотилось, земля накренилась под моими ногами, на миг я снова оказался в корпорации Цзинь, здание падало на меня, дым мешал видеть. Дайю вошла с серебряной чашкой. Я издал нервный смешок, схватился за мраморную стойку в уборной.

— У тебя нет уважения к частной жизни, да? — мой голос дрогнул.

— Ты был здесь довольно долго, — она протянула чашку. — Я подумала, что ты захочешь пить.

Теперь хотел, когда она это упомянула. Вдруг я ощутил себя так, словно мог упасть на колени от жажды. Я пил ледяной сок из сахарного тростника, который тек по моему горлу как чудесный эликсир. Я не отставил чашку, пока не осушил ее, и я уже ощущал себя бодрее.

— Спасибо, — сказал я.

Она прислонилась к стойке, глядя на меня. Она была близко, я ощущал ее тепло.

— Джейсон...

— Прости, — прервал я. — Прости, что врал тебе и использовал тебя. Ты была необходимым средством для результата, — блин. Я звучал как робот. Я схватился за край стойки и продолжил. — Но это не значит, что... — я запнулся.

...это все было ложью.

...я только притворялся, что ты мне нравишься.

...наш поцелуй не сорвал мне крышу.

— ...я хотел ранить тебя, — сказал я. Глядя на свои костяшки, я знал, как глупо звучал.

— Ты использовал меня, — ответила Дайю. — Но и я использовала тебя.

Так и было. Она играла мной лучше, я не догадывался об этом. Кто все время вел в этой

игре? Лин И и наша группа, или Дайю просто позволила нам?

— В ночь, когда ты проснулся от гриппа и злился на меня, — прошептала Дайю, — я сказала тебе, что начала видеть. Начала узнавать все больше о деяниях своего отца. Как ужасно жить мэй в нашей стране. И я увидела, что ты не мог мне доверять.

Я посмотрел на нее, она печально улыбнулась мне.

— Ты не мог по-настоящему доверять мне, — повторила она. — И я не винила тебя.

— Я похитил тебя, Дайю, украл деньги. Почему ты веришь мне?

Она взяла меня за руку.

— Я просто доверилась.

Мы вышли из уборной, Дайю провела меня к другим серебряным дверям, мы шли вдоль края здания. Скан ладони, и они разъехались без звука, пропали в стенах. Свет загорелся в комнате, и Дайю прошла туда. Это был зал, мест было около сотни, было уютно. Круглый подиум в центре окружали мягкие кресла. Я посмотрел на высокий куполообразный потолок, белое пространство.

— Театр, — вдруг понял я. — Ты построила купольный театр?

Такое было популярным пару десятков лет назад, один такой был в Тайпее. Но он скоро вышел из моды, был слишком дорогим для мэй и недостаточно современным для ю, которые предпочитали сим-костюмы для полного погружения. Дайю взглянула на меня и загадочно улыбнулась. Она прошла к возвышению и вытащила из-под него одеяло и подушки, сделала для нас гнездышко на маленькой сцене. Забравшись туда, она легла и хлопала по месту рядом с собой. Хотя ее поза была естественной, она источала нервную энергию, невысказанное напряжение, которое влияло и на меня. Что она собиралась показать мне? Какой была ее история? Я забрался на платформу и растянулся рядом с ней, наши плечи соприкасались.

Она не смотрела мне в глаза, сосредоточилась на Ладони, печатая одной рукой. Свет в театре начал угасать, и я ощутил, как учащается мой пульс. Я не знал, что ожидать, но ощущая опасливое предвкушение.

Свет постепенно гас, пока мы не остались в кромешной тьме. Но потом экран-купол над нами засиял так слабо, что я сначала решил, что это мое воображение, пока не узнал горизонт Тайпея, ровный, как край бумаги, небеса раскинулись над городом. Тонкие клочки облаков были рассыпаны на бледно-голубом, я никогда не видел этот цвет своими глазами. Я заметил линии гор, окружавших наш город, о которых Дайю говорила в моей квартире в 101, до этого горы не было видно вдали. Горы были как древние драконы, у нас не было доказательств, что они существуют на горизонте, кроме старых изображений Тайпея. Солнце висело между ними, яркое и яростное. Пылающее. Я прищурился, повернул голову, а солнце поднялось между вершин и забралось, как божество, как небеса, что стали насыщенно синими вокруг него.

Тайпей раскинулся под небом, было всего несколько небоскребов, никаких воздушных машин, его окрашивали в цвета солнце и небо. Вместо покрова из коричневого и серого. Было больно видеть это, видеть, каким все должно быть.

— Синие небеса, — прошептал я.

Дайю сжала мою руку.

— Я все думала о нашем разговоре в твоём саду.

Я провел большим пальцем по ее костяшкам, не зная, как ответить.

— Впервые увидев здесь этот материал, — продолжила она, — я задалась вопросом,

почему мы упустили это.

По глупости. Из жадности. Высокомерия.

— Думаю, я даже чувствую тепло солнца.

— Так и есть, — она повернулась ко мне и улыбнулась. — Я сделала так, чтобы здесь можно было все ощутить.

— Невероятно.

Она снова использовала Ладонь, сцена постепенно менялась перед нашими глазами. Сначала туман раннего утра закрывал пейзаж, но солнце становилось ярче, туман рассеялся и открыл деревья на горах, они были гуще и зеленее, чем я видел. Я узнал чащи Янминьшань, они сменились морем лилий калла с их белыми бутонами. Съемка была с воздуха, была старой. Холодный ветерок дул мне в лицо, когда камера показывала панораму, фермеры шли среди бесконечных цветов, все были в шляпах от солнца. То, что я видел, когда приезжал с мамой, было жалким подобием этого, цвета были тусклыми, пространство — ограниченным. Но это все равно было красиво, и было приятно ходить среди цветов, держа маму за руку.

Эти цвета после стольких лет ранили мне глаза, словно мое зрение не привыкло к таким чистым краскам. К такой яркости. Это отличалось от блеска неоновых огней, к которому я привык. Фигурка махала вдали, окруженная лилиями, и камера приблизилась. Девочка смотрела вверх, сияла и сжимала в кулачке букет, придерживала край панамки другой рукой. Она указала цветами на камеру в небе, и ее мама подошла сзади, смеясь, и опустила ладонь на плечо дочери. Они махали вместе, улыбаясь камере, а та поднялась выше, пока они не стали точками на поле цветов, а потом камера показала горизонт, который пересекали горы.

Ком встал в моем горле, я проглотил его, ветерок ласкал мои щеки. Я мог почти ощущать запах земли, гор и хвои. Я скучал по этому с тех пор, как оставил дом в Янминьшань. Изображение замерло и угасло на экране, пока он не стал белым. Мы с Дайк лежали в тускло освещенном театре. Неподвижном. Отделенном от мира.

— Я сделала это для тебя, — сказала Дайю тихим голосом после долгой паузы.

— Но как ты...

— Я провела очень много времени, пытаюсь понять тебя. Твои мотивы, — сказала она. — Пытаюсь разгадать тебя, — она выдохнула. — Ты ничего не говорил, когда похитил меня.

Я невольно отдернул руку, мы смотрели короткие фильмы, держась за руки. Кровь прилила к моей голове, на миг наполнив уши шумом.

— К твоему дому было долго идти, — продолжила она. — Два часа и двадцать семь минут, если точнее, согласно моему костюму.

— Твоему костюму? — рассеянно повторил я.

— Я ничего не вспоминала, Джейсон. И все еще не помню, — она повернулась на бок, придвинулась ближе, и я ощутил ее чистый запах, аромат клубничного шампуня. Я всеми силами запрещал себе отпрянуть. Я не знал, был ли готов к тому, что она собиралась рассказать мне. Я не знал, что она скажет. К чему она клонила? — Эффект от стирания памяти держится, — продолжила она, — но мой отец использовал меня, чтобы проверить новое приложение без моего ведома. Мой костюм записал похищение. У нас была картинка, когда я была в шлеме, и запись голоса за все время. Камера работала не лучшим образом, так что все было размытым. Но запись голоса была кристально ясной.

Я вдыхал и выдыхал, осознавая это. Так Цзинь создал ту фотографию меня.

— Я бы не узнала, если бы один из его прихвостней не пришел ко мне с тем изображением тебя. Когда твои волосы были длиннее и выкрашены в светлый, — она говорила с точкой за мной, не смотрела мне в глаза. — Он спрашивал, не узнаю ли я парня на фотографии. Не могу ли хоть что-нибудь ему рассказать, если задуматься, — она издала насмешливый звук. — Он выдал себя, как плохой шахматист, долго глядящий на фигуры, которыми собирается ходить. Отец сказал мне, что я упала в обморок вечером на рынке, хотя я никогда в жизни не теряла сознание. Я не смогла задать больше вопросов. Трех моих телохранителей заменили. Моя подруга Мари, которая была со мной в ту ночь, говорила мне то же, что и мой отец, — она замолчала. — Но она отдалилась от меня, и я видела страх в ее глазах.

Я лежал на спине, смотрел на купол потолка и молчал.

— У меня возникли подозрения, — сказала она. — Отец оставил МакФолд открытым как-то утром, когда ему позвонили по делам, и я зашла туда, сделала себя админом и дала себе удаленный доступ. Он ничего не заметил, — Дайю издала горький смешок. — И я посмотрела его файлы, нашла запись похищения. И его приказы его людям искать тебя, найти и убить тебя. Деньги были на втором месте. Это было дело принципа и гордости. Как мог какой-то ребенок так его перехитрить? То, что похитили меня, тоже не было важным. Дело было в нем. Всегда дело в нем. Я смотрела и слушала запись сотни раз, — продолжила Дайю. — Столько раз, что все запомнила. Я бы никогда не узнала твое лицо, но вот голос... — она сняла резинку, распустив волосы, а потом принялась запутывать резинкой пальцы. — Я подумала, что ты звучишь знакомо, на новогодней вечеринке, но там было шумно. И я пришла в твою квартиру на следующий день, чтобы убедиться. И я поняла после этого визита, что это был тот же голос, что и у похитителя с записи, — она взглянула на меня на миг, а потом отвела взгляд.

— Дайю, — хрипло сказал я.

— Нет. Не перебивай, — ответила она. — Дай рассказать до конца.

Я смотрел на нее, а она продолжила, избегая моего взгляда.

— Ты ничего не говорил, когда похитил меня, но говорил на обратном пути, — сказала она.

Разве? Я попытался вспомнить прошлое лето, себя после того, как ввел ей инъекцию, стирающую память, хоть она молила не делать этого. Я помнил, как поймал ее, подхватил на руки, ощущая вину и облегчение. Путь был долгим, я устал, мне было жарко. Я помнил, как дважды останавливался, чтобы отдохнуть, хоть и темнело. Я не помнил, что говорил ей.

— Ты все время говорил. Извинялся. Объяснял, что ты должен был сделать это, просил меня понять. Что ничего личного, что ты надеялся, что я не вспомню, что это не навредит мне, — она издала горький смешок. — Если бы я не нашла запись похищения у отца, я бы вскоре забыла об этом. Я ведь все равно ничего не помнила. Но случилось обратное. Я стала одержимой. Ты говорил мне о маме, о том, что потерял ее от ужасной болезни, как ты жил на улицах последние пять лет. Ты был в центре этой загадки, — она коснулась моего плеча, испугав меня. — Твои слова не звучали так, будто ты воровал деньги для себя. Ты говорил, словно у тебя был план... цель.

— И ты хотела узнать, какая цель, — сказал я.

Она кивнула.

— Я не понимала, как ты оказался на вечеринке, почему так хотел подружиться со мной. Притворялся ю-парнем. А потом ты попросил о туре по корпорации...

Дайю меня переиграла, когда я думал, что вел себя отстраненно и коварно.

— После похищения я уговорила отца сделать костюмы дешевле для мэй и перестала следить за ним, — Дайю поджала губы. — Но появился ты со своим интересом к компании отца, и мне стало любопытно. Я посмотрела его файлы и увидела, что он захотел добавить приложение, записывающее изображение и голос в доступные костюмы. Не сообщив покупателям.

— Боги. Мне жаль, Дайю, — сказал я. Жаль, что твой отец оказался эгоистичной сволочью.

Она слабо улыбнулась в ответ.

— Когда я сказала отцу, как это неправильно, соврав, что слышала, как он говорил об этом на деловой встрече, он проигнорировал меня. Это бесплатное дополнение! Так он сказал. Это могло пригодиться в экстренном случае для отслеживания преступника. Это был бесплатный бонус костюма. И в обмен отец смог бы собирать данные о привычках клиентов в Тайване и во всем мире.

— Конечно, — сказал я. — Он смог бы продать эти данные, — а еще у него был бы доступ к личным моментам и разговорам между людьми.

Она кивнула.

— Отец сам сделал свое состояние. Он всегда считал себя героем своей истории, а остальные были второстепенными персонажами, созданными служить ему. Идея личного пространства была смешной для него. Как это приложение могло навредить людям? Личное пространство — привилегия, которую покупают за деньги.

Я фыркнул.

— Как чистый воздух, еда и вода? Как здоровье?

— Я с ним не согласна, — сказала она. — Я никогда не думала о смысле действий отца, его дел до моего похищения, — ее щеки покраснели. Она была смущена, хотя я был в этом сценарии преступником. — Я всегда притворялась, что не видела, но, когда я прочитала планы на это приложение и выступила против него, я поняла... как искажено его мышление. Он верил, что имеет право врать людям, подкупать и угрожать политикам, делать все необходимое ради нужного результата, — она сжимала тонкое одеяло пальцами, смотрела на узор невидящими глазами. — Я могла отчасти объяснить его желание... отомстить тебе за содеянное. Я следила, чтобы ваши пути не пересеклись. А потом я слышала, как он спокойно сказал, что убьет тебя после допроса... и я не могла уже оправдать его.

Я погладил ее щеку ладонью.

— Это ведь не все? — прошептала она. — Я еще многого не знаю.

Я кивнул.

— Расскажи мне все, — сказала она. — Потом.

— Хорошо, — ответил я. С самого начала я думал, что мы были на разных сторонах, боролись друг с другом, но все это время Дайю хотела того же, что я с друзьями. Мое сердце давно доверяло ей, даже хотя разум запрещал это.

Она снова потянулась к моей куртке, начала снимать ее с моих плеч. Ее настроение изменилось, она смотрела мне в глаза.

Мои мысли путались. Все нервы гудели, тело вдруг вспомнило, словно мы и не прерывали поцелуй.

Она сняла куртку.

— Можем ли быть только мы? Сегодня? — ее зрачки были темными озерами. — И

никакой лжи?

Дайю склонилась и поймала губами мою нижнюю губу, а потом мы целовались, ее пальцы гладили мою голую спину, моя ладонь потянулась к застежке ее костюма, задевая ее руку, грудь, пока не нашла язычок и не потянула. Звук расстегивающейся молнии, пока Дайю прижималась ко мне, раздевая во время поцелуя, дурманил мою голову.

Она отодвинулась не скоро, ее теплая ладонь лежала на моей груди, она смотрела на меня, пила меня взглядом. Она не спешила и не стеснялась. Я гладил ее лопатку, изгиб талии, позволил ладони скользнуть по ее бедру. Ее длинные волосы упали, как занавес, на мое плечо, я снял верх ее костюма, обнаружил под ним простую черную футболку. Мои пальцы гладили ее живот, подняли край футболки, она помогла мне снять ее, и я перестал дышать. Под футболкой больше не было одежды.

— Я так долго этого хотела, — прошептала она.

Это были смелые слова, в стиле Дайю, девушки, которая всегда получала то, что хотела, всегда умудрялась удивить меня. Девушки, которая сама узнала страшную правду о собственном отце. Но в изгибе ее шеи была уязвимость, в том, как ее взгляд смягчился в тусклом свете, когда она смотрела на меня.

Она сказала мне, что просто доверилась.

Теперь была моя очередь.

— Я тоже, — сказал я, целуя кончики ее пальцев. — Я твой.

Ее полные губы изогнулись в улыбке.

И хотя бы остаток этой ночи в наших мирах существовали только мы.

ЭПИЛОГ

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Репортер стояла перед заброшенным зданием корпорации Цзинь, камеробот показывал все от двойных золотых дверей, поднимаясь все выше. Внешне здание устояло, как и говорила Дайю, но внутри все было разрушено.

— После трех месяцев расследований ничего так и не было найдено насчет бомб в корпорации Цзинь. Главная проблема в том, что сотни камер наблюдения не уловили никакой необычной активности в ночь атаки, многие камеры перестали функционировать после четырех взрывов, уничтоживших большую часть здания, — репортер была в серой юбке и светло-голубой блузке, волосы не выбились из прически, несмотря на влажную погоду.

Виктор там.

Среди обломков.

Я сидел на большой кровати, прислоняясь к холодному изголовью. Шел весенний дождь, закрывая пеленой вид города. Я беспрерывно теребил Вокс, заставлял себя смотреть новости, не обращая внимания на жжение за глазами.

— Рабочие пытаются очистить здание внутри, но там взрывоопасно, так что работа продвигается медленно, — продолжала репортер. — В настоящее время против Цзинь Фэйминь выдвинуто обвинение во взяточничестве и принуждении, всплыли три переписки по электронной почте политиков с человеком, подписанным как мистер Ву, преступником, связанным с Цзинь напрямую, анонимный источник предоставил доказательства. В письмах Ву мешает ввести законы, которые помогли бы улучшить ситуацию с воздухом и водой в

Тайване, угрозами и взятками под руководством Цзинь. Сам Цзинь Фэйминь уехал в Пекин через пару дней после взрывов и пока не возвращался. Он ничего не говорил насчет обвинений, но в его защиту работает выдающийся адвокат Тайваня, Чао Хайпинь.

Мы с Линь И обменялись парой сообщений после взрывов. Как и с Аруном, сказавшим что это она была анонимным источником, предоставившим доказательства. Я это подозревал, но от знаний начал скучать по Линь И, по ее уверенному стилю работы.

На экране появился материал из Пекина, Цзинь стоял на площади Тяньаньмэнь, за ним был Запретный город.

— С радостью и волнением сообщаю вам о строении новой корпорации на окраине Пекина, — сказал Цзинь, чарующе улыбаясь в камеру, его темные глаза сияли от энтузиазма. — Потеря штаб-квартиры в Тайпее была неожиданной, но это лишь небольшая задержка. Лучше места для возрождения и создания даже лучших костюмов не найти, и в этих костюмах будет больше функций и приложений...

Репортер сунула маленький серебряный микрофон вперед, другие последовали примеру.

— Мистер Цзинь, вы не могли бы рассказать о связях с политиками в Тайване, которые обвинили вас...

Цзинь даже не моргнул, продолжил, словно ничего не слышал:

— Я ожидаю, что новая корпорация Цзинь будет работать уже в следующем году. В Китае у нас впечатляющие ресурсы, невероятная рабочая сила, и я уже представляю, как новые костюмы появятся на рынке с ценами, доступными всем — от рабочего до тех, кто может позволить себе больше роскоши, — он изящно кивнул с радостью и легкостью. — Обещаю, они будут снова доступны во всем мире через два года.

— Мистер Цзинь, ваши костюмы сейчас не работают, не стоит ли сосредоточиться на уменьшении загрязнения и помощи природе? — спросила репортер.

Цзинь удивленно вскинул брови.

— Это фантазия, — ответил он. — Детские наивные мечты. Мы, люди, — потребители, мы используем ресурсы, покупаем вещи. А почему нет? На костюмы Цзинь все еще будет спрос, когда мы вернемся на рынок, — он махнул рукой за спину, Запретный город было едва видно, изогнутые крыши скрывались в тяжелом смоге Пекина.

Камера вернулась к изначальному репортеру у заброшенной корпорации в Тайпее.

— Тем временем, был открыт Старый театр с помощью дочери Цзинь, Цзинь Дайю, и там большие очереди с грандиозного открытия в мае. Отправимся в Пэнь Цзилян.

Мое сердце екнуло при упоминании Дайю.

На экране она была в бледно-голубом платье без рукавов, оно было коротким и открывало ее потрясающие ноги, толпа богатых ю окружала ее в забавных нарядах. Она пришла одна, как глава театра и хозяйка вечера. Цзинь презирался некоторыми в Тайване, но его имя и богатство все еще влияли на многих.

Вечер был успешным, ю забирали домой на воздушных машинах и лимузинах. Они снова оказывались в ловушке пространств с регулируемым воздухом и не понимали, почему правительство ничего не делает с загрязненным воздухом. Теперь-то у них не было костюмов, чтобы ходить везде как раньше.

Изображения со сверкающего открытия сменились фасадом театра, зеленые деревья Янминьшань были на фоне куполообразной крыши.

— С открытия Старого театра, — новый репортер стояла у серебряного входа театра, —

по андернету и среди богатых ходили разговоры о состоянии воздуха и окружающей природы Тайваня. Многие богачи выступили, сказав, что новое законодательство может уменьшить загрязнение в Тайване. Новый билль будет вынесен на голосование осенью.

Репортер торжественно улыбнулась в камеру, и сюжет закончился. Лицо Ангелы появилось на экране. Она показывала куда меньше кожи, чем при нашей последней встрече, она была в черном свитере и бирюзовой юбке, одежда подчеркивала ее изгибы.

— Почему бы не сделать воздух лучше? Чистым и годным для дыхания? — осведомилась она, глядя в камеру. Ее волосы были длиннее, ниспадали ниже плеч, но были все такими же красными. — Почему мы должны жаться в ограниченных пространствах, запертые, как псы?

Уголок моего рта приподнялся. Разве я не говорил похоже, когда мы строили планы?

— Но мэй, — невидимый репортер остановил себя, — те, кто не мог позволить себе костюмы, жили в таких условиях годами. Почему теперь вам это стало важно?

Ангела моргнула большими, густо подведенными глазами.

— Потому что теперь это меня задевает, — сказала она тоном, который указывал репортеру, что он задает смешные вопросы.

Я тихо рассмеялся.

На экране появилось больше изображений вечера. Дайю позировала с политиками и знаменитостями, выглядела неотразимо и величественно. Я знал из своих исследований перед тем, как играть роль Джейсона Чжоу, что она яростно защищала свою частную жизнь. Теперь она возглавила кампанию, продвигающую закон об окружающей среде, она использовала во всю силу свой статус.

Я мало общался с друзьями, не видел их всех после смерти Виктора. Я не был готов встречаться с ними, принимать их сочувствие или делиться горем, слушать напоминания, что мы потеряли одного из нас, хотя нас и без того мало. Я не смог бы выдержать их расспросы о том, кому я теперь верен.

Антидот Аруна помог остановить распространение гриппа, который выпустил Цзинь. Когда стало ясно, на что способен антидот, АЛС быстро одобрила его и распространила по больницам. Арун стал местным героем, и я всегда улыбался при виде него на экране, его оранжевые волосы торчали шипами, он был в белом халате на интервью. Доктор Натарай гордилась бы им.

Дверь квартиры щелкнула, я услышал знакомый стук каблуков по бетонному полу. Мне не нужно было смотреть, чтобы знать, кто это был. Я дал Дайю доступ к моей квартире месяце назад. Хотя она и без этого приходила и уходила, когда хотела. Уголок моих губ приподнялся от мысли.

— Я принесла свежее испеченные булочки, — сказала она и поставила прямоугольную коробку на стеклянный стол. Ее серые джинсы потемнели от дождя, блузка с цветами стала прозрачной, прилипла к ее мокрой коже. Она выжала воду из своего хвоста с легкостью, не зная, что я пристально слежу за ней.

А потом она встретила со мной взглядом, губы изогнулись в понимающей улыбке.

Ах. Она знала. И опять обхитрила.

Я улыбнулся, а потом рассмеялся и протянул руку.

Она подошла ко мне, капли падали с нее как звезды, и обхватила мою руку.

Мы хотели изменить мир.

Это было только начало.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга «Желание» началась как небольшая история, написанная в 2011 под названием «Синие небеса». Это была первая история не в жанре фэнтези, как и первая история от первого лица. Чжоу интриговал меня с самого начала, как и Дайю. Я хотела показать читателями Тайпей, свой родной город. Я так сильно люблю Тайвань, и я волнуюсь, ведь «Желание» — первая книга с действиями, проходящими там. Я была в восторге и волнении, когда превращала короткую историю в книгу, узнавала Чжоу и Дайю лучше, создавая дополняющих персонажей, которые были для меня не менее интересными.

Я бесконечно благодарна Майклу Стротеру. Он увидел Джейсона Чжоу именно таким, каким я его представляла, поднял историю на уровень выше. Благодаря Майклу, эта прекрасная обложка изображает моего героя так прекрасно, такие обложки редко появляются на полках книг для молодежи. Спасибо, что поверил в меня и историю! Мне повезло, что последние правки в книгу вносила Джен Ун. Спасибо, что задавала вопросы о моих персонажах и отношениях, чтобы я смогла описать их лучше. Твоя поддержка и энтузиазм неоценимы!

Спасибо моему дорогому другу Джозефу К. Чену (я назвала в честь него персонажа в книге, а потом заразила его вирусом, о котором столько спрашивала) и доктору Маркусу Доану, которые рассказывали мне о вирусах и не только. И люблю своего м за ответы на вопросы о компьютерах и безопасности.

Я дала Аруну и его матери фамилию своей подруги-библиотекаря Лалиты Натарай. Спасибо за поддержку все эти годы. Я так рада, что ты приняла меня за библиотекаря и представилась мне много лет назад.

Джейсон Чан нарисовал прекрасную обложку. Мне так повезло! О большем я не могла и просить!

Спасибо всем в «Simon Pulse», тепло поприветствовавшим меня, всех, кто трудился, чтобы создать эту книгу.

И огромное спасибо моему агенту Биллу Контарди, который был со мной с самого начала.

И всю любовь я посылаю своему сладкому персику и бусинке, которые растут слишком быстро.